

ISSN 2305-5146

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология

Выпуск № 2(25), 2017 г.

УДК 800 : 37
ББК 81

ISSN 2305-5146

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;

Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;

Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);

Лапынина Н.Н. – канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;

Кольцова Л.М. – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;

Клобукова Л.П. – д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;

Томтогтох Гомбо – д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МАПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;

Олядыкова Л.Б. – д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного ун-та;

Белякова С.М. – д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного ун-та;

Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ;

Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ;

Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ;

Скуридина С.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ;

Кудрявцева Т.Ю. – ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ (отв. секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Воронежской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ36 – 00402 от 17.09.2013

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14; фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, комн. 5203; тел: (473) 271-50-48.

© ВГТУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора серии.....	4
---	---

Лингвистика

Недоступова Л.В. Как говорят в Петропавловском районе Воронежской области (фонетический аспект).....	6
Хохонин Д.Е., Овсянникова К.В. Специфика функционирования варваризмов в русской речи.....	10

Методика преподавания языков

Сычёва Л.В. Русские глаголы движения и особенности их преподавания иностранным учащимся...	16
Кожевникова Л.П. Лексико-грамматический курс русского языка для студентов-иностранцев.....	20
Сычёва Л.В. Особенности работы с лексикой при изучении РКИ.....	25

Аспекты изучения художественного текста

Тернова Т.А. Публицистический цикл Вячеслава Иванова о революции и Первой мировой войне...	29
Попова Ю.С. Образ учителя в одноименном рассказе Ивана Алексеевича Бунина.....	34
Сулемина О.В. Роковое пространство судьбы в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник».....	39
Скуридина С.А., Хрупин А.В. «Записки из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского: о специфике названия.....	47
Белова А.В. «История человека, который хотел ...». Эпистолярный роман Александра Чехова.....	52
Белова А.В. «Брат предыдущего». Творческий путь Александра Чехова.....	60

Межкультурная коммуникация

Погорелова М.В., Срибунякорн Д. Типология русских и тайских темпоральных синтаксем.....	70
Давлетшина С.Р. Перспективы развития традиционных СМИ в условиях конкуренции с социальными медиа	80
Давлетшина С.Р. «Новые медиа» и тенденции развития мультимедийных жанров.....	86

Правила оформления статей в Научном вестнике.....	92
---	----

Вступительное слово главного редактора серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Вниманию читателей предлагается двадцать пятый выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, который представлен к изданию редколлегией данной серии. Выпуск включает исследования актуальных проблем различных научных направлений – лингвистических, литературоведческих, методических и др.

Авторами научных статей данного выпуска являются доктора и кандидаты наук российских вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, студентов). В выпуске содержится 14 научных работ.

Выпуск состоит из четырех разделов:

I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Межкультурная коммуникация».

Раздел «Лингвистика» содержит статьи, в которых анализируются фонетические особенности речи жителей Петропавловского района Воронежской области (Недоступова Л.В.), специфика функционирования варваризмов в русской речи (Хохонин Д.Е., Овсянникова К.В.).

Во второй раздел – «Методика преподавания языков» – включены исследования, содержащие методические рекомендации по работе на уроках РКИ. В них раскрываются особенности работы с лексикой и глаголами движения при изучении русского языка иностранными учащимися (Сычёва Л.В.), а также представлен лексико-грамматический курс русского языка для студентов-иностранцев (Кожевникова Л.П.).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» представлены статьи, посвященные публицистическому циклу Вячеслава Иванова (Тернова Т.А.), образу учителя в рассказе И.А. Бунина (Попова Ю.С.), «роковому пространству судьбы» в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» (Сулемина О.В.), «Запискам из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского (Скуридина С.А., Хрупин А.В.), эпистолярному роману А. Чехова и в целом его творческому пути (Белова А.В.).

Четвертый раздел – «Межкультурная коммуникация» – включает исследование по типологии русских и тайских темпоральных синтаксем (Погорелова М.В., Срибуньякорн Д.), работы, в которых освещаются не только перспективы развития традиционных СМИ в условиях конкуренции с социальными медиа, но и тенденции формирования «новых медиа», развития мультимедийных жанров (Давлетшина С.Р.).

Содержащиеся в выпуске 2 (25) серии научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации и изучения языка художественных текстов.

Полагаем, что данная серия будет интересна специалистам-филологам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор серии
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. н., доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, тел. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh Technical State University
The chair of Russian language and
crosscultural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

КАК ГОВОРЯТ В ПЕТРОПАВЛОВСКОМ РАЙОНЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ (ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье представлен фонетический аспект речи жителей села Старая Меловая, сочетающей элементы украинского, русского литературного языка и южновеликорусского наречия.

Ключевые слова: говор, народная речь, заселение, инфраструктура, языковой материал, фонетические особенности, украинский язык, ассимиляция и сближение языков, межъязыковое контактирование.

L.V. Nedostupova

AS THEY SAY IN THE PETROPAVLOVSK AREA OF THE VORONEZH REGION (PHONETIC ASPECT)

The article presents the phonetic aspect of the speech of the inhabitants of the village of Staraya Melova, which combines elements of the Ukrainian, Russian literary and South- Russian dialect.

Key words: speaking, folk speech, settlement, infrastructure, language, material, phonetic features, Ukrainian language, assimilation and convergence of languages, interlingual contacting.

Любовь к народной речи, к языку родного края, к его удивительной красоте и культурному потенциалу до сих пор привлекает учёных-лингвистов. Изучение русских говоров на современном этапе особенно важно, поскольку диалекты как разновидность (форма) национального языка, которая употребляется в качестве средства общения людьми определённой территории, уходят вместе с представителями старшего поколения.

Речь жителей каждой маленькой местности, на наш взгляд, представляет собой самостоятельное языковое явление, отличное от литературного языка, и в то же время важное для его носителей, потому что обладает специфическими чертами, передающимися из поколения в поколение.

Целью данного исследования является определение фонетических особенностей говора села Старая Меловая, находящегося в Петропавловском районе.

Основное заселение воронежских земель происходит в Петровскую эпоху, когда

Воронежский край становится колыбелью российского флота. Петр Первый основал в «здесьних странах многие Государственные заведения», тогда было «несравненно больше населено из разных мест переведенцами», «а по Указу 1696 года браны были переведенцы и из других Украинских городов, Русские люди и Черкасы» [1; с. 12].

Старая Меловая – самое древнее село Петропавловского района, расположенное в его северной части у реки Толучеевка. Оно было основано как военная крепость беглыми украинскими казаками в 1716 году согласно распоряжению Петра Первого.

На территории села находятся четыре памятника археологии: три поселения, при раскопке которых обнаружены фрагменты керамики, кварцитовые орудия труда, каменные изделия, надкурганное каменное изваяние и др.

Свое название населённый пункт получил по имеющимся в этих местах меловым холмам. Месторасположение выбрано не случайно, так как здесь был наилучший обзор окружающей местности для своевременного оповещения и отражения вражеских нападений.

Народонаселение состояло из малороссов, великороссов и цыган. Здесь жили казаки – острогожцы и харьковчане [2].

В настоящее время в Старой Меловой имеется хорошо развитая инфраструктура: школа, детский сад, больница, поликлиника, два Дома культуры, библиотека, почта, магазины и др. Люди заняты в основном в сельском хозяйстве, на швейном и хлебопечкарном производствах.

По данным сельского совета, здесь проживает около 2500 человек. Сами жители называют себя «хохлами».

Языковым материалом нашей работы стала речь Опрышко Надежды Григорьевны – коренной жительницы села, 1940 года рождения.

Ввиду того, что Старая Меловая расположена в самом южном районе Воронежской области, то, по мнению информантки, здесь наблюдается смешение русского и украинского языков.

На этот факт указывает и А.Д. Черенкова: «...совместное проживание русских и украинцев в течение нескольких веков в одних административных границах привело к определённой степени ассимиляции и сближения языков, что наблюдается в изменении исконных украинских диалектов, и в особенности русской речи населения украинского происхождения» [3; с. 66].

Определим наиболее существенные фонетические особенности старомеловатского говора:

1. Звук [ɣ] в сильной позиции имеет фрикативное образование: [боɣа'то, блаɣословэ'ние, брыɣа'да, бры'зɣалы, бумаɣа, вы'гон, ɣармо'шка, ɣной, ɣриɣо'рьевна, ɣру'ши, ɣо'вор, ɣоря'ча, ɣод, ɣость, ɣо'лову, уɣля'лы, де'ньɣи, до'лɣо, друɣи'х, еɣо', заɣиɣа'л, коɣда', моɣла', моɣы'ла, наɣрɣэва'лась, на снеɣу', по'уɣриб, подɣру'га, приɣлашённых, рɣэɣистри'ровалы, уɣля', уɣо'дно [В статье используется упрощённая транскрипция. – Л.Н.]. В слабой позиции [ɣ] не оглушается: [буɣма'г, бе'рɣеɣ, друɣ, де'неɣ, моɣ, ноɣ]. Данное явление свойственно украинскому языку и его говорам.

2. В качестве украинского субстрата в предударной и в заударной позиции наблюдается оканье: [блю'до, боуа'то, волы', уолова', доро'жки, дово'льны, до'луо, до конца', здо'рово, корова'й, колхо'з, конопля', конэ'шно, копа'ла, ла'комство, мно'уо, одноуо', оно', осо'бенно, отбеливало, остыва'ло, обяза'тельно, отпа'ло, основно'е, поду'шку, покрыва'ло, полотно', положи'ть, поло'сочки, посте'ль, пото'м, потта'вочка, прошло', помоуа'л, поэ'тому, розри'жуть, роздова'лы, свора'чивалось, сло'жено, сохроня'лэ, тоуо', уоо'дно, хлопо'т]. Следует отметить, что представленная черта свойственна не только говорам украинского языка, но и литературному украинскому языку.

3. Выявлено широкое употребление гласной **ы** на месте **и** (реже **е**).

Среди существительных: [бры'уа'да, во'дкы, вы'шни, улы'на, жэны'х, калы'на, кирпы'ч, ко'шкы, кускы', лю'ды, ла'вкы, лы'стик, моɣы'ла, оста'ткы, плыта', помы-

до'ры, поко'йнык, рыс, свынья', спы'нка, сы'то, у'лыца, чирыпы'ца, ши'фыр, я'блоку]. Среди глаголов: [бы'лы, бели'лы, вары'лы, вы'лилы, вынима'лы, выносы'лы, выходы'ть, уото'вылы, жили', жда'лы, жэва'лы, закрыва'лы, забыра'лы, заны'ма'лы, запо'мныл, заходы'ть, кра'силы, кормы'лы, купы'лы, ло'жкы, мочи'лы, моулы', мэсы'лы, мыскы', называ'лы, накры'лы, налива'лы, нарэза'лы, набыра'л, натопы'ть, попы'ть, пролы-ва'ешь, получа'лысь, прыходы'ло, рэуистри'ровали, сажалы, слэды'лы, сложи'лы, сма'зывали, собыра'лысь, ставылы, стано'вытца, стро'илы, стоя'лы, стыра'лы, су-ши'лы, шива'лы, тка'лы, украша'лы, ходы'лы, храны'лы, шлы]. Среди прилагательных: [вэлык'ый, яркых]. Среди местоимений: [друуы'й, оны', с ным, такы'х, э'тым]. Среди наречий: [внызу', прыя'тно, ры'дко, тро'жкы]. Среди числительных: [оды'н, тры].

4. Отмечено использование твёрдых согласных на месте мягких перед *е, и*: [ба'бушкэ, бэ'лый, бэрэ'м, дэ'сыть, даль'нэй, влэ'сть, врэ'мя, вэдро', вэрху'шка, вэ-но'чик, вэ'чер, всэ'уда', всэм, үдэ, үрэ'лось, дэ'рь, дэ'лалы, дэ'ржа'ла, живэ'м, зэмлэ'но'й, наурэ'валась, интэ'рэ'сно, кило'мэ'тр, конэ'шино, колэ'са', копа'дэ, кро'мэ, дэ'нта, навэ'р-ху', нэвэ'ста, нэ'льзя', нэ'слы', нэ' отвлэ'ка'лась, нэ'со'к, нэ'чь, полотэ'нцэ, постэ'ннэ, плэ'са'ды, проблэ'ма, цэ'ты', сэ'ял, сэ'ло', свэ'рху, затэ'м, из нэ'й, кла'дэ, бра'дэ, сплэ-та'ть, табу'рэ'точкы, тэ'пло, тэ'рэм'о'к, продава'дэ, нэ'ли, нэ'рэд, холо'дэ'и]. Это явление характерно и для украинского языка.

5. В словах с этимологическим «ять» распространено употребление гласного [и]: [биди'ли, вси, висно'й, видро', вми'сти, дви, жили'зо, збуа'ютца, ли'то, оби-зат'ильно, оди'т, пири'жки', помину'ть, ри'зал, ри'дко, совит, смита'на, тари'лка, титра'дэ, хлиб, цвиты', чилови'к]. Подобное произношение свойственно украинскому языку и некоторым его говорам, где дифтонгический «ять» перешел в «и».

6. Имеет место *йотация* – появление согласного звука «йот» [й] перед гласным звуком в начале слова или между гласными в середине слова: [йие', йих, йийи', йи'лы, йи'хатэ, йи'здылы, прийи'жжа'я].

7. В некоторых лексемах наблюдается упрощение или выпадение гласных: [не'кторых, уха'жвалы, спица'льно, воспы'твала, выпы'свалы, сыча'з, пэрево'ра'чвалы].

8. Отмечен случай «в» губно-губного в варианте [у]: [Воронцо'ука].

9. Согласный «в» на месте «у»: [в не'кторых] – у некоторых, и наоборот, «у» на месте «в»: [уку'сный, у шко'лу] – вкусный, в школу.

10. Встречается диссимиляция согласных: [хто, ни'хто'].

11. На конце слова и перед глухими согласными в некоторых словоформах не происходит оглушение звонких согласных: [верэ'вка, всё, вся'кие, год, дров, ла'вкы, на-ро'д, с коло'дца]. Глухие согласные перед звонкими произносятся звонко: [звя'зны, з дэ'рева]. Это черты украинского языка. Аналогичные явления встречаются в русских говорах южной и юго-западной части южного наречия, где они представляет собой результат влияния украинских говоров [4; с. 71].

12. Согласные сохраняют мягкость и перед [i] на месте [o] и [e] в новых закрытых слогах, возникшую в украинском языке после падения редуцированных гласных: [уородки'в, уороди'в, ме'трив и др.].

13. Произношение шипящих двойко: аналогично русскому литературному языку: [муцици'на, помещица'лось, ууоцица'л, ищицэ, ищице', ищиас, ищицита'л] и отличное от него: [снару'жэ, ча'шиэ, ишиэ].

14. Распространены варианты употребления «что»: [шо, што], «когда»: [када', коли'], «ещё»: [ще, ище, ищэ, ишиэ]. Некоторые лексические единицы свойственны украинскому языку, русскому литературному языку и южновеликорусскому наречию.

15. Зафиксирован перенос ударения в словах: ветры' - ве'тры, жили' - жи'ли, са-мы' - са'ми, прино'сылы - приноси'ли, выно'сылы - выноси'ли, мыскы' - ми'ски, по-мы'нки - по'минки, нэ' було' - не' было.

Таким образом, мы попытались представить фонетический аспект говора села Старая Меловая, расположенного в Петропавловском районе, недалеко от Украины. Анализируя языковые факты, записанные в форме спонтанной речи диалектоносителя, приходим к выводу, что в пределах названного населённого пункта до сих пор сохраняется своеобразный местный диалект.

Безусловно, жители самого южного района Воронежской области используют в речи элементы украинского, русского литературного языка и южновеликорусского наречия. Такое сочетание разных черт даёт основание считать рассматриваемую речь особым типом переходного говора, сложившегося в условиях межязыкового контактирования.

Следует учесть и мнение М.Т. Авдеевой о том, что украинские говоры на территории России, в том числе и в Воронежской области, отличаются не только от говоров русского языка (что естественно), но и от говоров украинского. При этом не только в той степени, в какой различаются между собой два любых говора одной языковой системы, но и тем, что они многое заимствовали из русского языка, в основном – из его литературного варианта [5; т. 1; с. 4].

Изучение особенностей говоров, бытующих на территории нашей области, позволяет получить определённые знания и сформировать более разностороннее представление об истории жизни населения родного края, проследить связь между народным словом и культурой.

Библиографический список

1. Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивных записок и сказаний. Воронеж, 1800.
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki//> (Воронежская область).
3. Черенкова А.Д. Фонетические особенности русской речи воронежского хохла // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. II. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 66-71.
4. Русская диалектология / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, К.Ф. Захарова и др.; под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989.
5. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т.. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008.

References

1. Bolkhovitinov E.A. Historical, geographical and economic description of the Voronezh province, collected from stories, archival notes and legends. Voronezh, 1800.
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki//> (Voronezh region).
3. Cherenkova A.D. Phonetic features of the Russian speech Voronezh khokhla // Dialectological almanac: a collection of materials and research. Issue. II. Voronezh: VGPU, 2015. P. 66-71.
4. Russian dialectology / S.V. Bromley, L.N. Bulatova, K.F. Zakharova et al. ; Ed. L.L. Kasatkin. Moscow: Education, 1989.
5. Avdeeva M.T. Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region: in 2 tons. Voronezh: Publishing and printing center of Voronezh State University, 2008.

УДК 81'373.45

<i>Воронежский государственный университет</i>	<i>Voronezh State University</i>
<i>канд. филол. наук, преподаватель кафедры издательского дела</i>	<i>PhD, lecturer</i>
<i>Хохонин Д.Е.</i>	<i>Hohonin D.E.</i>
<i>Россия, г. Воронеж, тел. +79507552342</i>	<i>Russia, Voronezh, +79507552342</i>
<i>Воронежский государственный университет</i>	<i>Voronezh State University</i>
<i>преп. кафедры издательского дела</i>	<i>Lecturer</i>
<i>Овсянникова К.В.</i>	<i>Ovsyannikova K.V.</i>
<i>Россия, г. Воронеж, тел. +79515445901</i>	<i>Russia, Voronezh, +79515445901,</i>
<i>e-mail: ksug33@yandex.ru</i>	<i>e-mail: ksug33@yandex.ru</i>

Д.Е. Хохонин, К.В. Овсянникова

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВАРВАРИЗМОВ В РУССКОЙ РЕЧИ

В статье представлено теоретическое описание понятия «варваризм», рассматриваются и анализируются разные типы варваризмов и их роль в той или иной ситуации речевого общения.

Ключевые слова: варваризм, роль варваризмов.

D.E. Hohonin, K.V. Ovsyannikova

THE SPECIFICITY OF THE FUNCTIONING OF VARARRISM IN RUSSIAN SPEECH

The article presents a theoretical description of the concept of "barbarism", examines and analyzes the different types of barbarism and their role in this or that situation of verbal communication.

Key words: barbarism, the role of barbarism.

Межъязыковые взаимодействия – явление естественное, характерное для всех языков мира. Взаимодействие русского языка с иностранным, результатом которого являются лексические заимствования, – один из сложнейших и в то же время актуальных вопросов современного языкознания. Некоторые заимствования настолько органично вошли в лексическую систему, что воспринимаются как исконно русские (например, зонтик). Другие, напротив, сохраняют черты чужих языков. С течением времени они могут либо выйти из обращения и забыться (как комильфо), либо найти применение в ограниченных сферах и перейти в разряд профессионализмов или сленга (например, слова «пейджер» или «хакер»).

Подобные слова называют варваризмами. Данная статья посвящена их выявлению, анализу и функционированию в тексте.

Материалом для исследования послужили варваризмы, извлеченные из текстов художественных произведений, современных журналов и газет.

Актуальность статьи определяется тем, что проблема изучения варваризмов получила недостаточное освещение в лингвистике и имеет особую значимость в современной языковой ситуации, поскольку процесс обогащения русского языка различного рода заимствованиями приобретает активный и разносторонний характер.

В настоящее время существует несколько трактовок понятия «варваризм» (от греч. *barbarismos* и лат. *barbaris* – чужеземный). Ранними источниками сведений об этом явлении были словари иностранных слов, которые предлагали схематичную дефиницию варваризма. Так, в «Словаре иностранных слов» (под ред. И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова) варваризм определяется широко: «слово или выражение из другого языка, несвойственное данному языку и заимствованное из другого» [7, с. 120], что практически уравнивает варваризм и заимствование, не позволяя выявить каких-либо отличительных черт интересующего ученых понятия.

А. А. Реформатский трактует варваризмы как «иноязычные слова, пригодные для колористического использования при описании чуждых реалий и обычаев» [4, с. 137–138]. Это значение было наиболее употребительным в 1960-е гг.

В соответствии с определением Б. Н. Головина, варваризмами являются иноязычные слова или словосочетания, которые включаются в речь без какой-либо надобности [3, с. 19]. Ученый сближает варваризмы с лексическими средствами, засоряющими речь и нарушающими ее чистоту: диалектизмами, жаргонизмами, вульгаризмами, бранными словами, словами-паразитами и канцеляризмами [1, с. 18–19].

«Словарь-справочник» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой к числу типичных признаков варваризма относят его слабую ассимилированность, обусловленную грамматическими особенностями: «иноязычное слово или выражение, не до конца освоенное заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения» [5, с. 189].

И. Г. Добродомов выделяет следующие признаки варваризма: 1) иностранное происхождение, то есть варваризм – это заимствованное слово; 2) более или менее регулярное употребление, обычно в качестве модного слова [2, с. 158].

Из анализа определений следует, что варваризмы могут выступать как неологизмы (если они выражают новые понятия), экзотизмы (если они номинируют культурную реалию), жаргонизмы (если они проникают в общение отдельной социально-профессиональной группы), иноязычные вкрапления (в виде устойчивых фраз на иностранном языке).

Варваризмы можно перевести на русский язык с помощью одного слова без каких-либо смысловых потерь: *оревуар* (фр.) – до свидания; *пардон* (фр.), *сорри* (англ.) – извините, прошу прощения; *quantum-tantum* (лат.) – постольку-поскольку; *et cetera* (лат.) – и так далее; *cito* (лат.) – срочно; *ego* (лат.) – я; *nihil* (лат.) – ничто и др. Они отображаются на письме как с помощью русских букв, так и при сохранении графики языка-источника (см. приведенные выше примеры), а иногда встречаются в двойном написании: *де-факто* (лат. «фактически») – *de facto*; *де-юре* (лат. «юридически») – *de jure*. Длительное время могут сосуществовать равноправные варианты написания, как, например, *риэлтор* и *риэлтер*.

Как отмечают некоторые исследователи, все варваризмы по внешнему выражению условно можно разделить на три группы:

1) представляющие особенности произношения ("*Тай фолю этим плеклятым слатейм.*" – Фонвизин, "Недоросль");

2) отдельные слова ("*...не имела ли ты конесансу с каким-нибудь французом?*" – Фонвизин, "Бригадир");

3) формы словообразования и синтаксические обороты ("*В Moscou есть одна ба-рыня, une dame... она имела une femme de chambre, ещё большой росту*" – рассказ Ипполита в "Войне и мире" Льва Толстого) [3, с. 48; 6].

В зависимости от того, к материальному или духовному миру относится тот или иной варваризм, их можно поделить на две группы:

I. Варваризмы материального мира.

1. "*Мария Сергеевна успела переодеться в нечто, напоминающее сари из переливающегося разноцветными сполохами шелка.*" "*Я вылил на ее сверкающее сари содер-жимое своего бокала. Я догнал ее у самой воды, но ничего не успел предпринять: как была, в сари и в туфлях, она прыгнула в бассейн.*" (А. Кирилин "Нулевой километр"). В данном примере варваризм выполняет функцию термина бытовой культуры, а именно – одежды. Автор показывает, что главному герою не нравится «сари», и после того, как героиня избавляется от него, он перестает употреблять это слово.

2. Следующий пример: "*Я надела широченные штаны от Юдашкина и топ, вышитый бисером и стеклярусом по чёрному тюлю.*" (С. Спивакова "Не все"). Варваризм "топ" выполняет культурологическую функцию, является термином одежды. В русском языке нет аналога этому слову, значение его в контексте "верхняя часть женского нижнего белья".

3. "*Главной школой для Эшли стали ранчо Невады. Это нормально – ковбойские семьи на ранчо всегда живут особняком.*" (статья Н. Аронова "Полномочный ковбой"). Данный варваризм выполняет функцию создания местного колорита. Слово "ранчо" употреблено в значении фермы, расположенной в сельской местности. В те времена ковбои работали на хозяина и жили в выделенном для них доме семьями.

4. "*Старт кампании был дан еще в начале лета, когда на улицах столицы появил-ся билборд с симпатичной белочкой, о чем-то задумавшейся внутри соответствующего ее невольничьему статусу колеса. Но если есть в природе самый выдающийся билборд, так это рекламный плакат лидера ЛДПР, снабженный емкой и содержа-тельной мыслью: «Мы за бедных, мы за русских».*" (статья А. Колесникова "Война шершавых языков"). Слово относится к терминологии бытовой культуры, имеет значе-ние "рекламный щит". Появилось в русском лексиконе достаточно давно, но не так по-пулярно, как баннер. Так как статья публицистическая, то наличие данного слова по-нятно и допустимо: оно привлекает внимание и делает текст более деловым.

5. Рассмотрим следующий пример: "*– Ах, чёрный маг? – отозвался в трубке Рим-ский, – афиши сейчас будут. И маг этот смылся, и никто его не видел, кроме самого Степы.*

– Кресло мне, – негромко приказал Воланд, и в ту же секунду, неизвестно, как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое и сел маг." (М.А. Булгаков "Мастер и Маргарита"). В контексте слово «маг» указывает на высокое положение действующего лица. При наличии в русском языке таких синонимов, как чародей, колдун, чудотворец, ведун, имеет свое особенное значение: человек, наделенный определенной силой и умеющий владеть ею, отошедший по какому-то принципиальному вопросу от традиций общей магии.

II. Варваризмы духовного мира.

1. Рассмотрим пример: "*Кроме того, программное обеспечение будет подразуме-вать своевременный апгрейд и дальнейшее добавление новых функций, обусловленных прогрессом мультимедийных и навигационных технологий.*" (статья Д. Панова "Корей-цы плюс Гейтс"). Варваризм "апгрейд" выполняет культурологическую функцию, употребляется в компьютерной терминологии. В контексте это слово играет значение

не просто "обновления", а процесс выбора, оценки и принятия решения в подборе оборудования или программного обеспечения.

2. Рассмотрим следующий пример: *"Желание это проявляется в таком возрасте, когда про **спарринг** просто еще не знают. Не понимая, что такое обусловленный **спарринг**, они сразу воспримут учебный бой как драку, и слезы, сопли и обиды обеспечены."* (статья Д. Медведева "Детская школа боевых искусств "Ястреб"). Данный варваризм выполняет функцию обозначения бытовой культуры. Обычно слово имеет значение "тренировочный бой". В данном случае автор акцентирует внимание на этом слове.

3. *"Каждая такая **универсалия** может последовательно расщепляться на ряд более тонких смысловых оттенков, в которых могут выделяться еще более тонкие нюансы и т. д."* (статья Е.С. Кузина "Представление знаний и решение информационно-сложных задач в компьютерных системах"). Варваризм выполняет культурологическую функцию, употребляется в научной терминологии, означает "общее понятие".

4. *"В какой-то момент, когда стало распырять от собственных знаний, Коля завел **блог**, специально чтоб давать советы юзерам. Юзеры и братья по ремеслу с благодарностью его советами пользовались, тоже меняли себе ярлычки, выгоняли вирусы без всяких Касперских, сбрасывали балласт ненужной фигни, оптимизировали загрузку, защищались от хакеров и зачарованно давали ссылки на его **блог**. Также начал потихоньку вывешивать, пока что на прежний **блог**."* (М. Кучерская "Тётя Мотя"). Этот варваризм относится к молодежному сленгу, который переполнен иностранными непереводаемыми словами. Выполняет функцию выделения из основной массы говорящих при помощи языка. Слово имеет значение "сетевой дневник", но в настоящее время вместо этого выражения используют приведенный варваризм.

5. *"Шучу, – добавил Анджей, зная, что Леша практически не употребляет алкоголя. – Ну, тогда – **бай**, – сказал Леша. – Марии привет."* (А. Белозеров "Чайка"). Слово "бай" относится к варваризмам так же, как и "хай", "сэнкс", "сорри" и прочие. Это вариант молодежного слэнга. Варваризм также помогает выделить говорящего из основной массы.

6. *"Для установления баланса на рынке требовался равный по силе конкурент, обладавший достаточными технологическими и финансовыми ресурсами и готовый к тому, чтобы начать принципиально новый для себя **бизнес**. Корпорация Hitachi лучше других подходила на эту роль: её экономический и технологический потенциал был неоспорим и в то же время её собственный компьютерный **бизнес** хоть и не был убыточным, но не отличался значительной перспективностью."* (статья Л. Черняка "От мейнфреймов к системам хранения"). Данный варваризм общеупотребим, но чаще всего его используют в бизнесе и экономической деятельности. В русском языке является синонимом слова "предпринимательство".

7. *"У меня красивая жена, которая верит, что **босс** – это она."* (статья А. Ковальчука "Майк Тайсон: «Меня все ненавидят...»). Слово в контексте служит функции достижения комического эффекта. Используется в значении "главарь, хозяин".

8. *"Именно этот принцип взаимодополнительности, встроенности и взаимозависимости является базовым для экологической оптики Гибсона. Это экологическая **валидность**. Экологическая **валидность** для У. Найссера – это также соответствие теоретических представлений экологическому подходу, который связан с именем Дж."* (монография А.А. Девяткина "Явление социальной установки в психологии XX века"). Текст монографии – учебно-научный, варваризм выполняет культурологическую функцию – употребление в научной терминологии. Значение слова в контексте – степень соответствия условий эксперимента исследуемой реальности.

9. "А фотографировать удаленные объекты позволит мощный 10-кратный оптический зум." (цитата из журнала "Hi-Tech"). Это слово заимствовано из английского языка, имеет несколько значений, в данном контексте подразумевает "увеличение". Используется для подчеркивания преимуществ фотоаппарата, выполняет культурологическую функцию.

10. "Ха, мы с Жориком тоже не спешили, у нас, **пардон**, был амур с одной из местных дам." (О. Павлов "Карагандинские девятины"). Слово пришло из французского языка, дословно означает "извините", в контексте используется для достижения комического эффекта.

11. В обзоре Натальи Игруновой "Падение по горизонтали" используется иноязычное имя собственное: "Тема заявлена романом **Жан Туссена** "Фотоаппарат" (пер. с франц. И. Радченко): дробящийся в раскадровке подробностей заурядный любовный сюжет, нарочито заземлённая, занудно-описательная стилистика – проявленная плёнка из ворованного фотоаппарата, фиксирующая "неуловимый след отсутствия" героя в текущей мимо жизни." (обзор Н. Игруновой "Падение по горизонтали"). Варваризм используется для передачи местного колорита.

12. "– Огромное спасибо, мы очень, очень благодарны, всего хорошего, до свидания, – стал прощаться приятель. – **Auf Wiedersehen!** До свидания!" (М. Гиголашвили "Зарубежные записки"); "– Ты сказал мне много очень важного, – прощается Горбачев с американским президентом. И добавляет по-английски: «**Good bye!**» Разговор окончен, и в кабинете на мгновение повисает тишина". (Б. Грищенко "Посторонний в Кремле"). Чаще всего этот прием служит для передачи местного колорита. Слово сохраняет орфографию языка-источника.

13. "Наглей комсомольской ячейки и вузовской песни наглей: известного рода молодежь – такая вымытая, организованная, маршевая молодежь – на улицах предлагала проходим молоко, вводила новую моду, молоко – это круто, это **кул**, а алкоголь – отстой." Варваризм относится к молодежному сленгу. Сначала употреблено русское слово, а затем английское (которое также имеет значение "круто") с целью подчеркнуть, как произносит его молодежь. Вероятно, первый вариант дан для взрослых, а второй вслед за ним – для подростков.

Таким образом, иностранные слова, становясь варваризмами, стремительно входят в русскую речь, обладают возможностью в ближайшее время стать существенными компонентами русской культуры.

Они представляют собой иностранные слова и выражения, описывающие реалии зарубежной жизни, иностранного этикета. Чаще всего употребляются в сфере бытовой культуры, используются в обращении и приветствии. Иногда они употребляются в поисках точного термина, отсутствующего в русском языке. В некоторых случаях – для того, чтобы освободить понятие от посторонних ассоциаций, связанных с русским языком. Иногда это делается для обновления звукового состава речи.

Главный признак варваризмов не в том, что это слова-заимствования, а в том, что варваризмы почти всегда осознаются как чужеродные. От других иноязычных заимствований варваризмы отличаются и тем, что имеют "иностраннный" облик, резко выделяющий их на фоне русской лексики. Варваризм всегда вступает в конкурентные отношения с другим словом или выражением языка-реципиента.

В качестве художественного приёма варваризмы применяются для достижения комического эффекта, для создания местного колорита, для привлечения внимания к тому или иному явлению, выделению его из ряда похожих. Порой использование варваризмов является данью моде.

Библиографический список

1. Головин Б. Н. О хорошей речи / Б. Н. Головин // О культуре речи: сб. статей. – М. : Знание, 1981. – С. 3–27.
2. Добродомов И. Г. Заимствование // Большой Энциклопедический Словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. / И. Г. Добродомов. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 158–159.
3. Елистратов А. А. Английские варваризмы в жаргоне советских хиппи: структурно-семантический аспект [Текст] // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб.: Реноме, 2013. – С. 47–50.
4. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – 4-е изд., испр. и доп. / А. А. Реформатский. – М. : Издательство «Просвещение», 1967. – 544 с.
5. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
6. Саркисова А. М., Перепелицына Ю. Р. Проблемы использования варваризмов в современной речи [Электронный ресурс] // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по материалам XXX студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. – М.: «МЦНО». – 2016 – № 1 (29). – Режим доступа: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1\(29\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1(29).pdf) (дата обращения: 10.03.17)
7. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лёхина и проф. Ф. Н. Петрова. – 3-е переаб. и доп. изд. – М. : 1964. – 784 с.

References

1. Golovin B. N. On the Good Speech / BN Golovin // On the Culture of Speech: Sat. Articles. – M. : Knowledge, – 1981. P. 3–27.
2. Dobrodomov I. G. Borrowing // The Great Encyclopedic Dictionary / Ch. Ed. V. N. Yartseva. – 2nd ed. I. G. Dobrodomov. – M. : The Great Russian Encyclopedia, 1998. – P. 158–159.
3. Elistratov A. A. English barbarians in the jargon of the Soviet hippies: the structural and semantic aspect [Text] // Philological Sciences in Russia and Abroad: materials II Intern. Sci. Conf. (St. Petersburg, November 2013). – SPb. : Renome, 2013. – P. 47–50.
4. Reformatsky A. A. Introduction to Linguistics. – 4th ed., Rev. And additional. / A. A. Reformatsky. – M. : Publishing house "Enlightenment", 1967. – 544 p.
5. Rosenthal D. E. Dictionary-reference of linguistic terms: A handbook for teachers. – 3rd ed., Rev. And additional. / E. E. Rosenthal, M. A. Telenkova. – M. : Enlightenment, 1985. – 399 p.
6. Sarkisova A. M., Perepelitsyna Ju. R. Problems of using barbarianism in modern speech [Electronic resource] // Youth scientific forum: Humanities: electr. Sat. Art. On materials XXX stud. Intern. Part-time scientific-practical. Conf. – M.: "МЦНО". – 2016 – № 1 (29). – Access mode: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1\(29\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1(29).pdf) (reference date: 10.03.17)
7. Dictionary of foreign words / ed. I. V. Lekhin and prof. F. N. Petrova. – 3rd revision. And additional. Ed. – M.: 1964. – 784 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 808.2(1-87):371.32

*Воронежский государственный технический университет
ст. преп. кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(473) 271-50-48
e-mail: luvas@inbox.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian Language
and Cross-Cultural Communication
senior lecturer
Sychova L.V.
Russia, Voronezh,
+7(473) 271-50-48
e-mail: luvas@inbox.ru*

Л.В. Сычёва

РУССКИЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫМ УЧАЩИМСЯ

В статье рассматриваются особенности русских глаголов движения, основные этапы их изучения и формы работы по их усвоению.

Ключевые слова: глаголы движения, бесприставочные и приставочные глаголы, русский язык как иностранный, функциональный подход.

L.V. Sychova

RUSSIAN VERBS OF MOVEMENT AND THE PECULIARITIES OF ITS TEACHING FOR FOREIGN STUDENTS

In the article features of Russian verbs of movement, the basic stages of their studying and the form of work on their assimilation are considered.

Key words: verbs of movement, unprefixing and prefixing verbs, Russian as a foreign language, functional approach.

Известно, что основной целью изучения русского языка иностранными студентами является не только овладение определённой системой знаний, но и практическое усвоение языка как средства общения и выражения мысли. Ни у кого не вызывает сомнений и тот факт, что формирование коммуникативных умений невозможно без овладения фонетическими, графическими, лексическими и грамматическими нормами языка.

По мнению многих учёных, глагол является самой сложной грамматической категорией русского языка, так как он занимает центральное положение в семантической структуре предложения. Таким образом, глагольная лексика является важным объектом для изучения. В её составе уже давно выделяются такие группы, как глаголы речи, чувства и восприятия, движения и т.д. [3].

Тема «Глаголы движения» вызывает большие трудности у иностранных студентов, изучающих русский язык. Эти трудности можно объяснить следующими причинами: 1) богатством лексических значений глаголов движения; 2) необходимостью разграничивать обозначение движения с помощью транспорта и без него; 3) наличием бесприставочных и приставочных глаголов движения; 4) существованием среди приставочных глаголов несовершенного вида глаголов, обозначающих однонаправленное и ненаправленное, однократное и повторяющееся движение; 5) среди приставочных глаголов – употреблением парных и несоотнесительных по виду глаголов, глаголов с различными многочисленными приставками, часто довольно близкими по значению [2].

Затруднения в освоении названной темы появляются и потому, что нередко случаи расхождения между ранее изученным теоретическим материалом и практическими случаями употребления.

У глаголов движения имеются свои особенности употребления в речи, связанные со своеобразием образования видовых форм. Так, одни приставки вносят в глаголы пространственные значения (движение вниз, вверх, внутрь и т.д.), другие – временные значения.

Дискуссионным остаётся вопрос о количественном составе парных глаголов движения в современном русском языке. Так, в работе А.В. Исаченко глаголы движения представлены 17 соотносительными парами: бежать – бегать, везти – возить, гнать – гонять, гнаться – гоняться, ехать – ездить, идти – ходить, катить – катать, катиться – кататься, лезть – лазить, лететь – летать, нести – носить, нестись – носиться, плыть – плавать, ползти – ползать, тащить – таскать, тащиться – таскаться, вести – водить [1]. Другие лингвисты традиционно выделяют 14 пар глаголов движения.

Глаголы движения также характеризуются богатством разнообразных значений, о чём свидетельствуют данные словарей. Так, например, в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» у глагола идти выделяется 26 значений, *ходить* – 14, *нести* 12, *носить* – 9, *бежать* – 6, *бегать* – 4, *вести* – 6, *водить* – 6 и т.п. Поэтому при изучении глаголов необходимо опираться на контекст и текст как основные единицы обучения.

В современном русском языке с парными глаголами движения взаимодействуют около 20 продуктивных приставок: в-, вз-, вы-, за-, из-, до-, над-, недо-, на-, от-, пере-, под-, по-, про-, при-, у-, с-, раз-, об-.

Таким образом, глаголы движения наряду с другими важными грамматическими темами находятся в центре внимания преподавателя в течение всего периода обучения студентов-иностранцев. Преподаватель постоянно встречается с разнообразными ошибками, обусловленными особенностями этих глаголов и особенностями родного языка иностранного студента.

Анализируя ошибки студентов, можно сделать вывод, что чаще всего наблюдается смешение форм: двух приставочных глаголов движения *ушёл – вышел*; приставочного и бесприставочного глаголов одного вида *приезжал – ездил*; приставочного и бесприставочного глаголов разных видов *не съездил – не поехал*. Приведём несколько примеров ошибок в речи иностранных студентов: *Аня увидела декана и пришла к нему; Где вы были вечером? – Я сходила в гости; Где вы были в воскресенье? – Я никуда не поехал* [2].

По мнению многих методистов, можно выделить четыре основных этапа в процессе изучения глаголов движения в иностранной аудитории.

На первом этапе, когда студенты изучают винительный падеж направления, вводятся глаголы *идти, ходить, пойти* (*Я иду в университет; Вчера я ходил в кино; Завтра я пойду в магазин*). На этом этапе объясняется лексическое значение данных глаголов. Даются сведения о том, что глагол *идти* обычно используется в настоящем време-

ни (*Куда вы идёте сейчас? – Я иду в университет*), *пойти* содержит указание на будущее время (*Куда вы пойдёте завтра? Завтра я пойду в кино*), *ходить* употребляется в настоящем времени для обозначения повторяющегося движения (*Каждый день я хожу в университет*), а в прошедшем времени (*Куда вы ходили вчера? – Вчера мы ходили в кино*) совпадает по значению в предложении «*Вчера мы были в кино*».

По этому же образцу на первом этапе вводятся глаголы *ехать, ездить, поехать* с объяснением различий в способах совершения действия: идти пешком, а ехать на автобусе, машине и т.п.

Очень часто студенты делают ошибки в употреблении этих глаголов в прошедшем времени, например, на вопрос «*Что вы делали вчера?*» часто отвечают «*Вчера я шёл в театр*». Причина таких ошибок понятна: *идти* и *ходить* в словарях переводятся одинаково. Необходимо также подчеркнуть значение повторяемости действия у глаголов *ходить* и *ездить* (*Сейчас мой брат идёт в школу – Каждый день мой брат ходит в школу*). Упражнения для закрепления значений глаголов *идти, ходить, пойти – ехать, ездить, поехать* строятся на основе знакомой учащимся лексики.

На втором этапе изучаются основные глаголы движения без приставок. Эту тему целесообразно вводить в конце элементарного курса, когда будут пройдены основные значения падежей. При изучении основных глаголов движения без приставок даётся список соотносительных глаголов однонаправленного и разнонаправленного движения и объясняется различия в характере движения [4].

На третьем этапе изучаются глаголы движения с приставками. На основе рассмотренных глаголов с помощью приставок образуются производные, значения которых зависят от словообразующей приставки. При этом от группы глаголов однонаправленного движения образуются глаголы совершенного вида (*выйти, вынести, вылететь* и др.), а от группы глаголов ненаправленного движения – глаголы несовершенного вида (*выходить, выносить, вылетать* и др.). Необходимо объяснить студентам не только значения, придаваемые глаголам движения каждой приставкой, но и вопрос, который ставится после глагола движения с данной приставкой, и предложно-падежные формы, употребляемые после этого глагола. В процессе объяснения можно попросить студентов перевести на родной язык значения этих глаголов.

На четвёртом этапе изучаются переносные значения глаголов движения. От исходного значения глаголов (движение человека в том или ином направлении) образуется значение движения вообще: *поезд идёт, часы бегут, снег идёт, время летит, мысли летят одна за другой, молоко убежало*.

Следует обратить внимание студентов на то, что парность глаголов однонаправленного и ненаправленного движения утрачивается в переносных значениях. Например, можно сказать: *О чём идёт речь?; О чём ведут переговоры?* Но нельзя сказать: *О чём ходит речь?; О чём водят переговоры?*[2].

Глаголы движения употребляются также в переносных значениях, относящихся к физическим и психическим состояниям человека, например, *прийти в себя, выйти из себя*. Можно предложить студентам выучить устойчивые сочетания, пословицы и поговорки с глаголами движения. Например, *Аппетит приходит во время еды; Язык до Киева доведёт; Не учи рыбу плавать*. В ходе работы над различными текстами важно обращать внимание учащихся на употребление глаголов движения в том или ином прямом или переносно значении, так как сфера их употребления чрезвычайно широка.

На различных этапах работы, связанных с отработкой навыков употребления глаголов движения в речи, необходимо использовать различные таблицы схемы, средства наглядности, облегчающие усвоение трудного грамматического материала.

Можно предложить следующие типы тренировочных и игровых заданий и упражнений для успешного закрепления правильного употребления грамматических форм:

- 1) Вставьте в текст вместо точек подходящий глагол движения;
- 2) Выпишите из прочитанного текста все глаголы движения;
- 3) Опишите картинку, используя глаголы движения;
- 4) Объясните, как пройти или проехать в библиотеку, университет и т.д.
- 5) Отыщите нужный предмет с помощью указаний, данных с использованием глаголов движения;
- 6) С помощью маршрутной карты расскажите о процессе своего движения и т.д.

Также отработка навыков правильного употребления глаголов движения может происходить и во внеаудиторное время, на учебных экскурсиях. Все эти задания формируют эмоциональное отношение к предмету изучения и стимулируют желание заниматься им.

Итак, для достижения главной цели при обучении русскому языку как иностранному в его устной и письменной формах необходимо использовать функциональный подход, рассматривающий язык в его реальном употреблении. Этот подход определяется в основном как реализация принципа коммуникативности. Реализация речеобразующей направленности при обучении русскому языку требует ориентации на общение и потому определяется не грамматикой, а природой самого общения, функционированием системы современного русского языка, целями и коммуникативными намерениями студентов.

Библиографический список

1. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка. Морфология. Раздел «Глаголы перемещения». Братислава, 1960.
2. Корчик Л.С. Глаголы движения в русском языке и особенности их преподавания в китайской аудитории. Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. Выпуск №1/2012. С. 84–90.
3. Попова Т.В. Способы глагольного действия и лексико-семантические группы глаголов. «Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм». Екатеринбург, 1997.
4. Рожкова Г.И. Изучение глаголов движения в русском языке // Вопросы методики преподавания русского языка нерусским. М., 1958.

References

1. Isachenko A.V. The grammatical structure of the Russian language. Morphology. Section «Verbs of displacement». Bratislava, 1960.
2. Korchik L.S. Verbs of movement in the Russian language and the peculiarities of their teaching in the Chinese audience. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Education issues: languages and specialty. Issue № 1/2012. P. 84–90.
3. Popova T.V. Methods of verbal action and lexical-semantic groups of verbs. «Russian verbal lexicon: crossability of paradigms». Ekaterinburg, 1997.
4. Rozhkova G.I. The study of the verbs of motion in the Russian language // Questions of the methodology of teaching the Russian language non-Russian. M., 1958.

УДК 811.161.1

Санкт-Петербургский государственный университет
канд. филол. наук, доцент кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литературы
Кожевникова Л.П.
Россия, г. Санкт-Петербург,
тел. +79110140242
e-mail: pointv@yandex.ru

Saint Petersburg State University
Department of Interdisciplinary Studies
in the Field of Languages and Literature

PhD, Associate Professor
Kozhevnikova L.P.

Russia, Saint Petersburg, +79110140242
e-mail: pointv@yandex.ru

Л.П. Кожевникова

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

В статье предлагается описание курса лексической грамматики для студентов-иностранцев, хорошо владеющих русским языком. Ведущее место в статье уделяется рассмотрению в иноязычной аудитории 1) безличных конструкций, а именно: собственно безличных глаголов и глаголов, в значениях которых заложена возможность образовывать конструкции без подлежащего и 2) лексико-семантических групп глаголов с постфиксом -ся.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, продвинутый этап обучения, безличность, различные группы глаголов с постфиксом -ся.

L.P. Kozhevnikova

RUSSIAN LEXICAL-GRAMMAR COURSE FOR FOREIGN STUDENTS

The following article provides a description of the lexical-grammar course for foreign students with a good level of Russian. Specific attention is given to the following in a classroom with foreign students: 1) impersonal constructions, specifically: proper impersonal verbs and verbs with a meaning where it is possible form constructions without a subject, 2) lexical-semantic groups of verbs with the postfix -ся.

Keywords: Russian for foreigners, advanced level of instruction, impersonality, different groups of verbs with the postfix -ся.

Грамматика, как и прежде, остаётся одной из важных дисциплин в обучении иностранным языкам. Хорошо освоенные в начале изучения основные грамматические правила и необходимый для первоначального общения словарь являются базой для дальнейшего углубления знаний в области иностранного языка. В каком направлении могут появиться языковые и речевые «приращения»? Рассмотрим несколько возможных тем занятий по русскому языку для студентов-иностранцев с высоким уровнем владения языком.

1. За границами в изучении русской грамматики и лексики в преподавании остаётся большой пласт русского языка, а именно: так называемые предложения без подлежащего – определённо-личные, неопределённо-личные, обобщённо-личные, безличные. Нечасто учебники русского языка как иностранного обращаются к этим темам [2; с. 57].

Как известно, русский язык характеризуется наличием безличности, каковая, по

мнению Н.Д. Арутюновой, относится к «фонду свободной грамматики» [1; с. 794], это значит, что употребление конструкций с неизвестным и неопределяемым субъектом выбирается говорящим, а не обязательно диктуется языковой системой. Активность бытования безличных конструкций в русском языке подтверждается не столько тем, что в русском языке существуют специализированные глаголы для выражения семантики природных явлений и состояний человека, а, скорее всего, большим количеством образований, основанных на употреблении личных глаголов в безличном качестве, ср.: *Лошадь тянула тяжеленный воз. – Из окна тянуло сыростью; Пирог сладко пахли ванилью. – От пирогов сладко пахло ванилью; Дождь капает весь день. – С деревьев капало весь день.* Грамматика таких языковых явлений – морфологические формы глаголов 3 лица единственного числа настоящего времени и прошедшего времени среднего рода, их синтаксическое окружение – усваивается достаточно легко и быстро. Также без каких-либо трудностей выучивается список собственно безличных глаголов, характеризующих состояние природы: *вечереть/свечереть/повечереть, светать/рассветать/рассвети, смеркаться, холодать/похолодать, теплеть/потеплеть, морозить, моросить, сквозить, парить, штормить, дождить*; характеризующих физическое и психологическое состояние человека: *тошнить/стошнить/вытошнить, рвать/вырвать, знобить, першить, лихорадить, саднить, легчать/полегчать, разить, мутить, коробить*; характеризующие такие состояния субъекта, которые могут быть описаны как 1) «желательно, хотелось бы, чтобы действие имело место, но невозможно в силу обстоятельств, не зависящих от субъекта состояния», 2) «действие выполняется при определённых условиях и/или каким-либо образом – *хотеться, верить-ся/поверить-ся, думать-ся, дремать-ся, дышать-ся, сидеть-ся* и другие с постфиксом -ся – *Совсем не дышится перед дождём. – В саду отлично дышится.*

Н.Д. Арутюновой сделано интересное замечание по поводу расширения области употребления безличности в современном русском языке: «Сам факт неуклонного расширения в русском языке безличного начала и категории неопределённости симптоматичен. Он особенно значим на фоне современной языковой ситуации, в которой речь – устная и письменная – утратила упорядоченность, но стала более непосредственной и субъективной. Она в большей мере, чем нормированный литературный язык, выявляет особенности мировосприятия говорящих» [1; с. 794]. Обучение студентов-иностранцев, достигших высокого уровня владения русским языком, безусловно, предполагает овладение живой разговорной речью, включающей в себя как лексику высокого, формального, научного стилей, так и сниженного статуса употребления. Пополнение списка безличных лексем может происходить тремя путями, за счёт глаголов: 1) которые в некоторых своих значениях являются безличными; 2) не изучаемых ранее собственно безличных глаголов, 3) имеющих тенденцию к переходу в безличное качество. Начнём с конца, так как установление более или менее конечно исчислимой группы личных глаголов, тяготеющих к созданию неперсональных конструкций, кажется, не представляется возможным. Трудно предположить, какая семантика будет участвовать в характеристике физического, психологического, морального состояний человека или описании природных явлений. Анализ большого количества текстов разных типов и жанров даёт возможность представить студентам следующий список глаголов: *пахнуть/запахнуть, тянуть/потянуть, нести, принести, занести, унести, капать, трясти/затрясти, качать, гореть, лить, шуметь, колоть, ломить, плыть, ныть, дуть, стучать, ранить* и некоторых других (*И только в январе принесло холод; После этих бразильских блюд горит во рту; Льёт как из ведра; После вчерашнего шумит в голове; Из этого старого окна всегда дует; Как меня занесло в такую даль; Ивана затрясло от негодования*). Освоение указанных конструкций происходит через копирование смыслов.

Вторая группа глаголов представлена следующими лексемами: *вздумываться/вздуматься, доводиться/довестись, приводиться/привестись, угораздить, приспи-*

чить, заблагорассудиться, недоставать, неймётся (глагол приведён в спрягаемой форме). Как правило, в иностранной аудитории эти глаголы не изучаются с точки зрения их семантико-грамматических особенностей. Необходимо отметить их стилистическую маркированность, ведь не все названные глаголы относятся к сфере разговорной речи.

Особо в рамках данного курса предлагается изучение группы глаголов, которые в некоторых своих значениях создают безличные конструкции: *размывать/размыть, развозить/развезти, сморить, разморить, доставаться/достаться, укачивать/укачать, доходить/дойти, веять/повеять, нагореть, влетать/влететь, попадать/попасть* (*В нашей деревне каждую весну размывает дороги; Петю быстро развезло от сытной еды; На солнышке бабулю сморила, и она задремала; Секретарше досталось от шефа уже с утра; Меня всегда укачивает на маленьких парходиках; Ну что, до тебя дошло* (этот пример возможно трактовать, конечно, и как эллиптическую конструкцию); *От принцессы веяло холодом; Детям нагорело от родителей за то, что они съели весь торт сразу; Ух, мне здорово сегодня влетело/попало от директора школы*). Студенты работают над синонимией, занимаются поисками моделей данных предложений в Национальном корпусе русского языка, а также анализируют аспектуальные характеристики указанных глаголов.

2. Многочисленны в русском языке и многообразны в своих значениях лексико-семантические группы глаголов с постфиксом *-ся*. В предлагаемом курсе грамматики рассматриваются глаголы только действительного залога, так как страдательные конструкции с лексемами несовершенного вида должны быть изучены ранее, чтобы не возникло семантического наложения. Однако необходимо сделать уступку грамматической терминологии и принятому в ней наименованию глаголов действительного залога «возвратными глаголами» и рассматривать их «как лексико-семантическую зону залоговости переходного характера: в одних глаголах преобладают признаки действительного залога, в других же, напротив, потенциальные признаки страдательного, не ставшие, однако, грамматическими из-за отсутствия других специальных признаков этого залога» [3; с. 312]. Поэтому в курсе представлены глаголы как собственно-возвратные, взаимно-возвратные, активно-возвратные с «преобладанием субъектных признаков над объектными» [3; с. 318], так и глаголы, где субъект не является каузатором действия. С методической точки зрения возвратные глаголы разбиваются на несколько групп: 1) не употребляющиеся без постфикса *-ся*; 2) собственно возвратные; 3) взаимного действия; 4) обозначающие изменение и проявление признака; 5) характеризующие качества предметов; 6) обозначающие произвольное/случайное действие. Отметим, что в курс лексической грамматики невозможно (и методически не обосновано) вместить всё обилие глаголов с постфиксом *-ся*.

Строго говоря, первая группа глаголов (*бороться, бояться, стараться/постараться, маяться, отрекаться/отречься, отчаиваться/отчаяться* и многие другие) вычленяется только с методической точки зрения, так как здесь наличествуют лексемы разных залоговых значений. Грамматические трудности возникают здесь в области управления, предложного и беспредложного, и выбора возможных детерминантов (*становиться/стать* + форма творительного падежа, *бояться* + форма родительного падежа, *маяться от безделья, отрекаться от своих идей и подобные*). Очень подробный список собственно-возвратных глаголов приводится М.А. Шелякиным [3; с. 318–321]. Безусловно, такая дробная дифференциация является только базой для выборки глаголов, необходимых в преподавании русского языка как иностранного. Кажется, что семантика совпадения субъекта и объекта – одна из самых понятных, поэтому студенты склонны эту семантику переносить и на глаголы, которые не могут выражать возвратности, например: *Моя мама живёт с бабушкой и с ней стареется; Девушка болела, а теперь выздоравливается* и подобные. Иностранцы студенты распростра-

няют семантику возвратности на многие глаголы нетранзитивного характера. Для возвратных глаголов характерны детерминанты со значением инструментальности (*мыть-ся/вымыться хорошим мылом; натираться/натереться кремом от комаров; стричь-ся/подстричься тупыми ножницами*), однако они не являются единственными: интересно представить некоторые лексически ограниченные группы глаголов, 1) управляющих существительными в форме винительного падежа с предлогом *под* в значении «копировать», «имитировать», «стилизовать» (*стричься/подстричься под горшок, под мальчика, под «ноль»; одеваться/одеться под панка, рокера; наряжаться/нарядиться под гейшу*); 2) управляющих существительными в форме винительного падежа с предлогом *в* со значениями «одеваться во что-либо», «приобретать какую-либо форму или цвет» (*завиваться/завиться в мелкие кудряшки; одеваться/одеться в драные джинсы; облачаться/облачиться в мантию судьбы; краситься/покраситься/выкраситься в рыжий цвет; обуваться/обуться в стильные лоферы*). Эта группа детерминантов особенно трудна для восприятия даже студентов с высоким уровнем владения языком: глаголы на -ся как будто сами собой диктуют форму творительного падежа без предлога.

Глаголы реципрока представляют собой особый словообразовательный «калейдоскоп». Это глаголы с устойчивыми и поэтому понятными словообразовательными моделями: 1) *пере + ся* (*переписываться, переговариваться, перезваниваться, перешёптываться, переглядываться, перемигиваться, переругиваться, перестреливаться, перекидываться, перебрасываться, перекликиваться*); 2) *с(о) + ся* (*созваниваться/созвониться, сговариваться/сговориться, спариваться/спариться, спеться, сдружиться* и подобные). Возможно, ко 2 группе стоит отнести не только те лексемы, которые обозначают действия, совершаемые вместе и направленные друг на друга, но и те, которые имеют следующие значения: 1) «соединение, сближение, привыкание» (*спланиваться/сплотиться, сгрудиться, свыкаться/свыкнуться*); 2) «достижение согласованности, гармонии в данном действии» (*сыгратся, сработаться*); 3) «движение из разных мест, направленное в одну точку» (*съезжаться/съехаться, сходиться/сойтись, стыковаться*).

Кроме указанных лексем существует множество других, которые не представляют собой ясную словообразовательную модель, а, следовательно, их употребление студентами связано только с запоминанием слова и осознанием его значения (пререкается, препираться, судиться, знаться, биться и другие).

Границы 4 группы глаголов с постфиксом -ся со значением «изменение и проявление признака» ограничены определёнными словообразовательными моделями: *у + ся* (*углубляться/углубиться, улучшаться/улучшиться, ухудшаться/ухудшиться, уменьшаться/уменьшиться* и подобные); *о + ся* (*обогащаться/обогатиться, обостряться/обостриться, ослабляться/ослабиться* и подобные); *за + ся* (*замедляться/замедлиться, замутняться/замутниться, зарумяниваться/зарумяниться*); *по + ся* (*повышаться/повыситься, понижаться/понизиться*); *рас + ся* (*расширяться/расшириться*). Введение в курс лексической грамматики этой группы лексем необходимо с точки зрения обучения студентов высокого уровня владения письменным формам речи и умениям выступать с устными докладами по различным наукам. Цикл упражнений-наблюдений приводит слушателей к однозначным выводам о неодушевлённом характере субъекта, выраженного формой именительного падежа. Субъект подвергается тем или иным изменениям вследствие какого-либо стечения обстоятельств или законов природы и развития общества и экономики (*Отношения между нашими странами неуклонно улучшаются; Когда ждёшь, время замедляется; Противоречия в экономике этой страны обострились по причине революционной ситуации*). Возможно, что необходимо обратить внимание студентов на редкие глаголы этой группы, которые сочетаются с одушевлённым субъектом и носят специфический характер употребления (*обюрокротиться, обабиться, опошлиться*).

Внимание к глаголам 5 группы со значением «характеристика предметов» акцентируется через видовую и временную форму – несовершенный вид настоящего времени: *Старые нитки быстро рвутся; В чемодане вещи быстро мнутся, Льняные изделия часто садятся на несколько размеров; Белое быстро пачкается; Стекло – бьётся – не кантовать.*

Глаголы 6 группы со значением «непроизвольное действие» (в большинстве случаев употребления лексемы создают негативную ситуацию разной степени ущерба для субъекта или ситуацию ошибки). Слова подаются списком: студентам предлагается самостоятельная работа по классификации глаголов. Разделение происходит по следующим рубрикам: 1) физический ущерб (*ушибаться/ушибиться о полку, калечиться/покалечиться в аварии, резаться/порезаться бумагой, простужаться/простудиться в холодной комнате, раниться/пораниться ножом, обжигаться/обжечься о сковородку* и др.); 2) ошибка (*обмолвиться, ослышаться, оговариваться/оговориться, обознаться, путаться/запутаться в переводе, промахиваться/промахнуться на охоте* и др.). Отдельно изучается группа глаголов словообразовательной модели *о + ся*, которые обозначают 1) случайное действие, часто имеющее результатом негативное физическое воздействие на человека (*обжигаться/обжечься о чайник, обрызгаться*); 2) восстановление нормального состояния человека (*образумиться, очнуться, одумываться/одуматься, опомниться* и некоторые др.). Интересен для студентов и способ грамматического управления, а именно: сочетание многих глаголов со значением «непроизвольное действие» с формой винительного падежа и предлогом *о* (*разбиться о рифы, удариться о полку в кухне, порезаться о край бумаги* и подобные).

Циклы упражнений по указанным темам занимают обычно 14–16 аудиторных часов. К анализу привлекаются оригинальные тексты современных русских писателей. Дальнейшая разработка курса лексической грамматики должна сопрягаться с изучением основных словообразовательных моделей русского языка, что приводит и приведёт к развитию у студентов не только интереса к русской грамматике, но и обогатит их словарный запас.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
2. Рогова К.А., Вознесенская И.М., Хорохордина О.В., Колесова Д.В. Русский язык. Учебник для продвинутых: в 4 вып. Вып. 2 / под ред. К.А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2015. 288 с.
3. Шелякин М.А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1996. С. 312–326.

References

1. Arutyunova N.D. Language and the world of man. M., “Languages of Russian culture”, 1999. 896 p.
2. Rogova K.A., Voznesenskaya I.M., Khorokhordina O.V., Kolesova D.V. Russian Language. Tutorial for advanced in 4 vol. Vol. 2 / ed. by K.A.Rogova. SPb, Zlatoust, 2015. 288 p.
3. Shelyakin M.A. Russian reflexive verbs in the General system of relations of voice // The theory of functional grammar: Personality. Voice. SPb., 1996. P. 312–326.

УДК 808.2 (1-87):371.32

*Воронежский государственный
технический университет
ст. преп. кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(473) 271-50-48
e-mail: luvass@inbox.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian Language and Cross-
Cultural Communication,
senior lecturer
Sychova L.V.
Russia, Voronezh,
+7(473) 271-50-48
e-mail: luvass@inbox.ru*

Л.В. Сычёва

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ЛЕКСИКОЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РКИ

Статья посвящена проблеме методики обучения лексике иностранных студентов. В ней рассматриваются последовательные этапы работы с лексикой на занятиях по РКИ.

Ключевые слова: методика, русский язык как иностранный, обучение лексике, лексические упражнения.

L.V. Sychova

PECULIARITIES OF WORKING WITH LEXIS IN RLF STUDYING

The article is devoted to the problem of the methodology of teaching the vocabulary to foreign students. It examines the successive stages of working with vocabulary in RLF classes.

Key words: methodology, Russian as a foreign language, teaching vocabulary, lexical exercises.

В системе обучения русскому языку как иностранному выработка лексических навыков играет важную роль, так как эти навыки входят в состав речевых умений слушания, говорения, чтения и письма. Владение лексикой является основой успешной коммуникации. В практическом курсе РКИ обучение лексике происходит в совокупности с обучением фонетике и грамматике.

При обучении лексике выделяют следующие этапы работы с лексическим материалом: 1) презентация вводимой лексики; 2) методические действия, обеспечивающие усвоение учащимися новой лексики; 3) организация повторения усвоенной лексики и контроль качества усвоения [5].

Первый этап включает в себя два процесса: предъявление и объяснение лексической единицы. Предъявление лексической единицы происходит не изолированно, а в контексте, так как именно при включении слова в предложение, им приобретаются статус и значение. Лексическая единица даётся как в устной, так и в письменной форме; можно показать, как она выглядит в печатном тексте. Второй процесс – объяснение слова. Объяснению подлежат и форма слова, и его значение. Когда говорят о форме, имеют в виду фонетическую и грамматическую характеристику слова. При объяснении значения слова используют различные способы семантизации: перевод, использование

наглядности, подбор антонимов, перечисление. На среднем и продвинутом этапах обучения РКИ можно использовать такие средства семантизации, как описание, применение синонимов, указание на словообразовательную ценность слова и его внутреннюю форму и т.д.

Очень часто на последних этапах обучения РКИ сложностью при семантизации лексики является предъявляемое к учащимся требование достаточно высокого уровня владения языком.

При семантизации слов с помощью синонимов возникает следующая трудность: в языке редко встречаются полные синонимы, как правило, каждый из синонимов имеет определённый оттенок значения, а значит, свою коннотацию и употребление, что необходимо оговаривать на занятиях.

В некоторых случаях без использования средств наглядности у учащихся может формироваться неверное представление о значении лексической единицы.

Однако при семантизации лексики на продвинутом этапе обучения РКИ существуют и положительные моменты: а) при семантизации с помощью синонимов и словообразовательной цепочки у учащихся формируются представления об образовании слова, функциях словообразовательных аффиксов, ценности слова; б) при толковании значения слова раскрывается его смысловая природа; в) при указании на внутреннюю форму слова происходит развитие творческого и ассоциативного мышления; г) благодаря использованию сильного семантизирующего контекста легко объясняются значения многозначных слов [4].

На втором этапе работы с лексическим материалом происходит организация усвоения новой лексики с помощью подготовительных и речевых упражнений. Первые упражнения формируют способность опознать лексическую единицу на слух и визуально и навык её употребления; вторые упражнения развивают речевые умения.

Существует множество упражнений, с помощью которых можно переместить слова из кратковременной памяти в долгосрочную. Некоторые из этих заданий в большей степени реализуют познавательную способность учащихся, а некоторые – в меньшей. Такие задания можно разделить на следующие типы: распознавание, выбор, согласование, сортировка, расположение [6].

Распознавание – это способ нахождения слов в тексте, который реализуется в следующих установках преподавателя: «Сколько раз в тексте встречается слово...?», «Найдите в тексте глаголы движения», «Найдите в тексте все слова, связанные с ...». Формулировка задания может быть дана как перед чтением текста, так и после («Вспомните, встречалось ли в тексте слово ...?»).

Задания на выбор слова являются более познавательными, чем задания на распознавание, так как они включают и процесс распознавания слов, и определение критериев выбора между ними (например, «Вычеркните лишнее слово из списка»).

Задания на согласование предполагают распознавание слов и расположение их парами в соответствии с заданием, например: «Составьте пару синонимов, антонимов, определений, словосочетаний».

При выполнении заданий на сортировку студенты должны определённым образом классифицировать слова внутри более крупных категорий, к примеру: «Расположите слова в две колонки – с положительным и отрицательным значением» [3].

Последний вид заданий – расположение в определённом, заданном в упражнении порядке, например: «Вам необходимо обновить гардероб, но ваши возможности позво-

ляют вам покупать одну вещь в неделю. Расположите следующие предметы одежды в то порядке, в котором вы будете их покупать».

Перечисленные типы заданий могут быть использованы на занятиях в любой последовательности в зависимости от целей обучения. Следует отметить, что это рецептивные задания: учащиеся работают с отдельными словами, но не применяют их при освоении более сложных лексико- синтаксических единиц.

Продуктивные задания дают возможность студентам использовать новые слова в работе с продуктивными видами речевой деятельности – говорением и письмом. Выделяют два больших типа таких упражнений: дополнение и создание предложения или текста.

Первый тип заданий более известен как заполнение пробелов в предложении (тексте). Они делятся на задания открытого, закрытого типа и множественного выбора. В заданиях открытого типа учащиеся используют свой собственный лексический запас, в заданиях закрытого типа – подставляют в нужное место в тексте уже предложенные слова в соответствующей форме, а в заданиях множественного выбора – выбирают слово (оно уже стоит в необходимой форме) [3].

В заданиях на создание текста учащиеся должны сами сформировать нужный контекст из определённых слов («Составьте предложение из следующих слов»; «Выберите три слова из списка и составьте предложение с каждым из них»; «Напишите небольшой рассказ, используя следующие слова») и др. Последний тип упражнений обеспечивает переход к продуктивным видам речевой деятельности, что, в свою очередь, повышает возможность учащихся удерживать в долгосрочной памяти большее количество слов [6].

Занятия по лексике необходимо дополнять языковыми играми, в том числе, играми со словами. Тогда утомительный урок станет интереснее и продуктивнее. Обычно игры, которые используются на уроках родного языка, применимы и на занятиях по РКИ. Языковые лексические игры должны быть органично включены в структуру урока, но не поданы изолированно от изучаемого материала. Игры можно применять на всех этапах работы с лексикой: при семантизации новой лексики, её усвоении, активизации уже изученной лексики, повторении и контроле. Например, для расширения словарного запаса и активизации изученной лексики используются игры-разминки или игры со словами, которые не привязаны к конкретной теме и могут быть использованы в качестве лексической разминки [2].

Многие игровые задания рассчитаны на работу в парах или небольших группах по 3-4 человека. Такая форма работы способствует снижению возможного негативного эффекта из-за собственной ошибки студента, подразумевает парную или групповую ответственность за некачественное выполнение заданий.

Нельзя недооценивать преимущества игры на уроке: она стимулирует деятельность учащихся, разряжает обстановку, помогает лучшему запоминанию новых слов, а соревновательный элемент способствует активизации пассивных учащихся. Однако преподаватель не должен слишком увлекаться использованием игр; лучший вариант – чередование игровых заданий и заданий, направленных на практику говорения [1].

На заключительном этапе происходит контроль усвоения изученного лексического материала, который можно организовать с помощью таких приёмов, как выполнение заданий в группах, составление ассоциаций, решение кроссвордов, загадок и др. Контроль изученной лексики представляет собой особую форму обратной связи. Польза контроля несомненна, поскольку учащиеся, зная о тестировании и проверке в итоге,

будут более серьёзно и внимательно относиться к изучению слов. В идеале лексика, пройденная на прошлом уроке, должна быть проверена и оценена в начале следующего. В противном случае велик риск потери или забывания изученного материала. Тестирование должно быть включено в курс обучения как промежуточная ступень каждого занятия [6].

Таким образом, все этапы работы с лексическим материалом взаимосвязаны и представляют собой единый процесс овладения лексикой русского языка как иностранного. Для того чтобы избежать возможности забывания слов, преподавателю необходимо чередовать представленные этапы работы с лексикой, постоянно повторяя слова, используя их на занятиях, возвращаясь к ним и проводя их активизацию.

Библиографический список

1. Азарина Л.Е. Игры на уроках РКИ // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 3. С. 102–109.
2. Аркадьева Э.В. Лексика в практическом курсе русского языка / Э.В. Аркадьева. Г.В. Горбаневская, Н.Д. Кирсанова // Живая методика: для преподавателя русского языка как иностранного. М.: Рус. язык. Курсы, 2005. С. 180–246.
3. Ковалёва А.В. Этапы работы с лексикой при обучении РКИ // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 231–233.
4. Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: Рус. язык, 1977. 216 с.
5. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / под ред. А.Н. Шукина. М.: Рус. язык, 2003. 304 с.
6. Tornbury S. How to teach vocabulary. Oxford, 2007. 187 p.

References

1. Azarina L.E. Games in the lessons of RLF // Bulletin of the Moscow State University. 2009. №3. P. 102–109.
2. Arkadyeva E.V. Vocabulary in practical Russian language course / E.V. Arkadieva. G.V. Gorbanevskaya, N.D. Kirsanov // Live methodology: for a teacher of Russian as a foreign language. M.: Rus. language. Courses, 2005. P. 180–246.
3. Kovaleva A.V. Stages of working with vocabulary in RLF teaching // Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2013. № 2. P. 231–233.
4. Passov E.I. Fundamentals of teaching methods for foreign languages. M.: Rus. Language, 1977. 216 p.
5. Practical methods of teaching Russian as a foreign language / Ed. A.N. Chukin. M.: Rus. Language, 2003. 304 p.
6. Tornbury S. How to teach vocabulary . Oxford, 2007. 187 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК 821 (091)

Воронежский государственный университет

д. филол. наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

Тернова Т.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)20-89-41

e-mail: ternova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Department of Russian Literature of the XX and XXI Centuries, Literature and Folklore Theory,

Doctor of Philology, associate professor

Ternova T.A.

Russia, Voronezh, +7(4732)20-89-41

e-mail: ternova@phil.vsu.ru

Т.А. Тернова

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА О РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье анализируется позиция поэта-символиста Вячеслава Иванова по поводу большевизма и Первой мировой войны, высказанная в статьях 1917 года, опубликованных в газете «Луч правды». Неприятие Вячеславом Ивановым идеи сепаратного мира с Германией является следствием его историософской концепции.

Ключевые слова: публицистический цикл, революция, Первая мировая война, Вяч. Иванов.

Т.А. Ternova

PUBLICISTIC CYCLE OF VYACHESLAV IVANOV ABOUT THE REVOLUTION AND THE FIRST WORLD WAR

The article analyzes the position of the poet-symbolist Vyacheslav Ivanov on Bolshevism and World War I, expressed in the articles of 1917 published in the newspaper «The Ray of Truth». The rejection of the idea of a separate peace with Germany by Vyacheslav Ivanov is a consequence of his historiosophical concept.

Key words: publicistic cycle, revolution, World War I, Vyach. Ivanov.

Публицистика отечественных писателей-эмигрантов 1920-х гг., покинувших страну в связи с неготовностью принять произошедшие в ней перемены, чрезвычайно обширна. В багаже постреволюционных текстов полемические высказывания И. Бунина, И. Василевского (Не-Буквы), Дон-Аминадо, А.И. Куприна, М. Слонима, Ф. Степуна, Н. Тэффи и др. Тем не менее, публицистика Вячеслава Ивановича Иванова занимает среди них особое место по той причине, что она является во многом продолжением теологической и историософской концепции, которую он разрабатывал и в рамках литературно-художественного творчества.

Историософская концепция Вяч. Иванова, на первый взгляд, напоминает свод славянофильских идей, дополненных мифологическими ассоциациями и мистическими истолкованиями. Так, история для него есть не что иное, как развитие духа нации, устремленного к трансцендентной истине (см. [10]). Вяч. Иванов разделяет идеи соборности (см. [4]), вечного возвращения исторических событий, которые толкует с использо-

ванием образа Орфея, «активного делания» - созидания народного духа (см. [7; с. 128].

Публицистика периода революции и гражданской войны не была первым обращением автора к этому типу текста. Так, например, в 1914 году он давал интерпретацию первой мировой войны в статье «Вселенское дело», опубликованной в «Русской мысли», в 1915 г. он высказывался на страницах газеты «Утро России» по поводу еврейского вопроса [3; с. 90].

Отдельные статьи Вяч. Иванова 1917 года публиковались в московской газете «Луч правды» - органе «Союза солдатского и крестьянского просвещения»: «Предательство» - № 2, «Краугольный камень» - № 3, «Ловушка» - № 4. В той же газете была опубликована статья «Социал-макиавелизм и культур-мазохизм», вошедшая в книгу «Родное и вселенское» под заголовком «Макиавелизм и мазохизм». Вместе статьи можно рассматривать как цикл, объединенный единой проблематикой и образностью, а также способами аргументации, риторического построения высказывания. Статьи можно считать обоснованием причин эмиграции писателя (1924).

Место их публикации – газета «Луч правды» - выбрано не случайно: издание, имевшее подзаголовок «газета внепартийная, общественно-политическая и литературная», стало в 1917 году рупором московской интеллигенции (религиозных философов, сторонников кадетов и социал-демократов, да и просто размышляющих небезразличных к происходящим событиям людей). Так, например, в издании публиковались статьи А.Н. Толстого (№ 1. Ноябрь; № 2. 27 ноября 1917 г.; № 3, 4 декабря 1917 г.; № 4. 11 декабря 1917 г.).

Изучение публицистики Иванова важно для выяснения его мировоззренческой и творческой эволюции, а также истории русского символизма, для выявления отношения интеллигенции к произошедшей революции. Актуальность такого исследования определяется малоизученностью вопроса (так, А. Асоян в своей относительно недавней статье (2015 г.) утверждает, что предпринимает первую системную попытку описания публицистики Вяч. Иванова [1]). Значимым в исследовании публицистики Вяч. Иванова был материал Г.В. Обатнина [8]. Им же опубликованы статьи, которые будут являться предметом анализа в нашей работе.

Материалы из газеты «Луч правды» свидетельствуют об изменении взгляда Вяч. Иванова на революцию: от оптимистического в начале 1917 года до пессимистического к концу 1917 года. Писатель мистически отнесся к Первой мировой войне, истолковав ее как столкновение мира религиозной духовности и мертвящего царства «берлинской Валгаллы», восторженно принял Февральскую революцию, увидев в ней религиозный смысл, а затем разочаровался в ней.

Справедливости ради необходимо сказать, что взгляды Иванова на произошедшие в России события были неоднозначными. Об их дальнейшей эволюции пишет Р. Бёрд: «Еще в середине 1918 года Иванов занимал непримиримую позицию по отношению к большевикам и к таким сочувствующим им писателям, как А. А. Блок, но к концу года он уже сотрудничал в различных советских учреждениях» [2]. Вяч. Иванов ненадолго увидит в послереволюционных попытках создания театра массового действия воплощение своих чаяний дионисова действия.

Сюжет статей, опубликованных в газете «Луч правды» [6], неслучаен и вытекает во многом из его «Вселенского дела», опубликованного ранее и содержащего осмысление начала Первой мировой войны. В публикации с оценочным названием «Предательство» речь идет о завершающем этапе мировой войны, о примирении с Германией, которое расценивается Ивановым как одновременное предательство союзников Россией, прежде всего кровных братьев, сербов. Он не сомневается, что заключение сепаратного мира ослабит родную страну, лишив ее поддержки со стороны союзников.

Статья начинается с отсылки к библейскому эпизоду, сцене предательства Иуды. Завершается она оценкой заключения мира с Германией как «Иудина дела». Свою по-

зицию автор выражает прямо, системно проводя сквозь статью основную линию своих рассуждений: «Нет для этого дела другого имени, как предательство», «губительная измена», «столь черно наше предательство, что понятно бешенство его виновников и исполнителей».

Иванов взывает к «живучей народной совести», «нашей душе народной, не могущей совсем забыть о правде Божьей», напоминая об ответственности за историческое решение перед «детьми и внуками нашими». Чертами народного характера, по Иванову, оказываются совестливость и религиозность, являющаяся основанием этой совестливости.

Публицист является убежденным противником всяческого перемирия по завершении войны, полагая, что если «кончить войну “вничью”», это значит не только не вырвать корня будущих войн, но и позволить немцам так хозяйничать надо всем миром, что вечной войне не будет конца». Иванов предостерегает от любых поспешных решений в вопросах, затрагивающих исторические судьбы всей Европы: «Опрометью и очертя голову таких дел, как величайшая из войн, какие только велись на лице земли, кончать нельзя». Решение столь важных вопросов он доверяет «национальному самоопределению», приводя в пример Англию, доверяющую выбору своих провинций, «входящих на равных правах с другими членами в вольный союз, составляющий Британскую империю».

Поводом к написанию статьи «Краеугольный камень» стало убийство Царско-сельского священника, которое воспринимается Ивановым не как частный случай, а как симптом наметившихся в народном самосознании перемен: «Услышит весь русский народ о смиренном исповеднике Христова Имени, положившем за него жизнь свою, и вспомнит это Имя». «Совесть народная уже смущена, - констатирует публицист. – Чуткая, слышала она в себе разлад». Тем не менее, он не оставляет надежду на возрождение народного духа, зиждущегося на вере: «В вере народной – единственная надежда на спасение родины».

Композиция текста специфична: он начинается с обозначения повода к написанию статьи («Живое чувство правды Божьей, ныне поруганной и распинаемой, нашло своего исповедника и мученика на Руси, пролилась мученическая кровь») и продолжен рассуждениями-обобщениями, из этого повода вытекающими.

Носителем речи в статье выступает «мы», под которым можно видеть не общенаучную форму высказывания, а обозначение мыслящего слоя, выразителем чаяний и беспокойства которого является Вяч. Иванов: «Мы говорим не о поднявших меч и от меча погибших; мы говорим и не о жертвах гражданского долга <...> Мы говорим о Царскосельском священнике...»

Стилистически статья представляет собой сочетание высокого («иго рабское примем на выю») и низкого стилей («Всячески-де будет вольготнее», «Нужно-де заполучить свое»), что поддерживает ощущение рубежности исторического момента («духовный перелом совершается») и может быть мотивировано предметом разговора - «совестью народной».

Стоит отметить, что такое стилевое решение ново для текстов Вяч. Иванова. Пропитируем в этой связи статью В. Пяста, современника поэта: «Необычность словаря Вячеслава Иванова, изумительно богатого, кажется до головокруженья богатого, а между тем лишенного очень большой, существенной части – обиходных слов, – вся нацело вытекает из этой особенности его творчества. Простые, повседневные слова, спутники вечные Пушкинской лирики настолько же, насколько лирики, скажем, А. Белого, – просто-напросто проходят мимо эстетического сознания Вячеслава Иванова» [9].

Статья «Краеугольный камень» носит полемический характер. Вяч. Иванов выражает окончательно разуверившимся в крепости народного духа: «если бы и правы были те умники». Его собственная позиция по отношению к народу двойственна: он видит его духовное прошлое: «в течение многих веков он являл свою веру и подвигами

личной святости избранных сынов своих и великим всеобщим самоотвержением» (отсюда и упоминание в тексте статьи Великого Новгорода, Святой Софии), с горечью сообщает об оскудении веры в настоящем («Глубь душевная мало-помалу пообмелела»), надеется на ее воскрешение как залог спасения страны: «Нет, не будет – веруем – конечной гибели и распада земли русской – по тому одному, что не потеряла своей силы соль родной земли – вера наша».

Религиозность Вяч. Иванов осмысливает как основу национального самосознания: «Не на царе держалась вера, а на вере царь: неправославного царя народ и знать не хотел ... Имени же Христову и в глубинах грехопадения пребывал верен».

Библейская символика страдания и причащения становится дополнительным аргументом в полемике, которую ведет статьей «Краеугольный камень» Вяч. Иванов со своими предполагаемыми оппонентами: «Канула в чашу народной совести густая, тяжеловесная капля священной крови, крови мученической во Христе». Народ, живущий в годину исторического слома, сам испытывает духовные муки. Не он нравственно плох, а плохо дьявольское обольщение, под которое он попал: «заглушить его обольстительными надеждами на мир». Остается только видеть духовным зрением, что «бегут и исчезают бесы» и страна освобождается от результатов «ненадежного самочинного захвата» власти.

В статье «Макиавеллизм и мазохизм» (26 октября 1917 г., [5]) Иванов также реализует мотив обмана, жертвами которого становятся большевики: «коноводы и направители дела большевиков поддались на некую приманку, заброшенную немецкой азефовщиной» [5; с. 188]. В отношении к большевикам в этой статье он неоднозначен, утверждая, что среди них есть «убежденные и бескорыстные».

Статья «Ловушка» (декабрь 1917 г.) содержит предостережение от заключения сепаратного мира, звучащее уже практически на необратимом этапе принятия этого решения большевистским правительством. Напоминая о давних инициативах германского правительства по заключению невыгодного для России мира, он не сомневается в том, что и нынешняя попытка является ничем иным, как ловушкой для страны. Новых правителей он называет «товарищами-самодержцами», не веря, несмотря на настойчивые разговоры о демократии, в ее осуществление.

Статья полна народных выражений, пословиц и поговорок: «снявши голову, по волосам не плачут», «петля на шею», «мы на попятный двор», «и волки сыты, и овцы целы». В их использовании – апелляции к пассивной народной памяти, к потаенным струнам народной души, чуть ли не к подсознанию народному, которое, как уже понятно и самому пишущему, не встрепенется в последний момент.

Дионисийское начало, присущее поэзии Вяч. Иванова, уступило место аполлоновской гармонии его публицистики. И дело здесь не только в ясности слова, а, в первую очередь, в определенности мысли, этического выбора, восславлении канонических верований, воспринятых как основа русского национального характера.

Надо сказать, что предвидение Иванова оказалось верным лишь отчасти: восстановления самодержавия, которое он считал возможным при поддержке Германии и на которое, понимая слабость прежней власти, не уповал в 1917 году, не произошло. Тем не менее, Германия не растеряла, как он и предполагал, своих хищнических намерений, не была ослаблена сепаратным миром. Но это уже другая история – история не менее трагических дней Европы 30-40-х гг. XX века.

Библиографический список

1. Асоян А.А. Вячеслав Иванов – публицист // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2015. Т. 14. Вып. 6: Журналистика. С. 26-34.
2. Бёрд Р. Вяч. Иванов и массовые праздненства ранней советской эпохи // Москва: Портал «О литературе», LITERARY.RU. URL:

<http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204023667&archive=1206184915> (дата обращения: 25.03.2017).

3. Дэвидсон П. Библиография прижизненных публикаций Вяч. Иванова: 1898-1949 – СПб.: КАЛАМОС, 2012. 340 с.
4. Иванов В. Вселенское дело // Родное и вселенское. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. С. 5-18.
5. Иванов В. Макиавеллизм и мазохизм // Родное и вселенское. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. С. 187-190.
6. Иванов В. Совесть народная уже смущена: Вяч. Иванов о событиях семнадцатого года: публикация Г. Обатнина и А. Соболева / В. Иванов // Независимая газета. 1992, 30 сентября, № 188. С. 5.
7. Исупов К.Г. Цикл стихотворений Вяч. Иванова «Година гнева» // Революция 1905-1907 гг. и литература. М.: Наука, 1978. С. 128.
8. Обатнин Г.В. Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года / Г.В. Обатнин // Русская литература. 1997. № 2. С. 224-230.
9. Пяст В. Вячеслав Иванов / В. Пяст // Книга о русских поэтах последнего десятилетия, под ред. Модеста Гофмана. СПб. М., Изд. т-ва М. О. Вольфа, 1909. С. 265-275.
10. Тюрина И.И. Мифологизация исторических событий в циклах Вяч. Иванова «Година гнева» и «Песни смутного времени» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 7: Версии истории в литературе XX века. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2005. С. 5-19.

References

1. Asoyan A.A. Vyacheslav Ivanov - publicist // Herald of NSU. Series: History. Philology. 2015. Vol. 14. Issue. 6: Journalism. P. 26-34.
2. Byrd R. Vyacheslav Ivanov and mass celebrations of the early Soviet era // Moscow: Portal on Literature, LITERARY.RU. URL: <http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204023667&archive=1206184915> (Date of the application: 25.03.2017).
3. Davidson P. Bibliography of intravital publications of Ivanov: 1898-1949 St. Petersburg: KALAMOS, 2012. 340 p.
4. Ivanov V. The Universal Business / V. Ivanov // Native and Universal. - M.: Publication G.A. Leman and S.I. Sakharov, 1918. - P. 5-18.
5. Ivanov V. Machiavellianism and masochism // Native and universal. M. : Publication G.A. Leman and S.I. Sakharov, 1918. P. 187-190.
6. Ivanov V. The conscience of the people is already embarrassed: Vyach. Ivanov on the events of the seventeenth year: the publication of G. Obatnin and A. Sobolev // Nezavisimaya gazeta. 1992, September 30, No. 188. P. 5.
7. Isupov K.G. A cycle of Vyach. Ivanov's poems «Era of Wrath» // Revolution of 1905-1907. And literature. M. : Science, 1978. P. 128.
8. Obatnin G.V. Strokes to the portrait of Vyach. Ivanov era of the revolutions of 1917 / G.V. Obatnin // Russian Literature. 1997. № 2. P. 224-230.
9. Piast V. Vyacheslav Ivanov // The book about Russian poets of the last decade, ed. Modest Hoffmann. SPb. M., Ed. M. Wolf, 1909. P. 265-275.
10. Tyurina I.I. Mythologization of historical events in Vyach. Ivanov's cycles «Era of Wrath» and «Songs of troubled times» // Russian literature in the XX century: names, problems, cultural dialogue. Vol. 7: Versions of history in the literature of the twentieth century. Tomsk: Publishing house of Tomsk state. University, 2005. P. 5-19.

УДК 821.161.1 Бунин. 09

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж, тел. + 79202262368
e-mail: buka1621@rambler.r

Voronezh State Technical University
The chair of Russian Language and Intercultural adverse communication, PhD in philology, associate professor
Popova Y.S.
Russia, Voronezh, + 79202262368
e-mail: buka1621@rambler.ru

Ю.С. Попова

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В ОДНОИМЕННОМ РАССКАЗЕ ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА БУНИНА

Статья посвящена проблеме интерпретации образа главного героя в рассказе И.А. Бунина «Учитель». Выявлены художественные доминанты этого образа и ряд мотивов, актуализированных им, механизмы поведения героя, в которых отражено писательское представление о социальных и нравственных ценностях.

Ключевые слова: мотив, «маленький человек», дом, безумие, танец, портрет, проза, И.А. Бунин.

Y.S. Popova

A TEACHER'S IMAGE IN A SINGLE-TEMPTED STORY OF IVAN ALEKSEEVICH BUNIN

The article is devoted to the problem of interpretation of the image of the main character in the story of I. A. Bunin «Teacher». We have revealed the figurative dominants of this image and a number of motives actualized by him. We revealed the mechanisms of the hero's behavior, which reflects the writer's notion of social and moral values.

Keywords: motive, «little man», house, insanity, dance, portrait, prose, I.A. Bunin.

Рассказ Ивана Алексеевича Бунина «Учитель» написан в 1894 году. В центре повествования образ молодого учителя земской школы – Николая Ниловича Турбина, который приехал на место своей первой работы. Это молодой мечтательный человек, проживающий в мире своих иллюзий. Сначала он хотел стать священником, потом решил сделать свою школу образцовой, затем попасть на службу на завод и получать большое жалование.

В описании внешнего облика героя доминирует лексика, выражающая семантику «неуклюжести»: «Турбину шел двадцать четвертый год. Был он белокур, очень высок ростом, худ и от застенчивости очень неловок» [3; IV; 128]. Эта неловкость постоянно подвергается осмеянию: героя называют «циркулем», несуразным человеком и посмеиваются над ним.

Черты характера героя отражает и его фамилия. Фамилия Турбин образована от прозвища Турба. Так называли морду у кошки и собаки, а насмешливо и человеческое

лицо. В говорах можно было услышать: «Турбу-то утри, глядь, как засалена». Вероятно, Турба - это прозвище человека с неприятным, некрасивым лицом. Согласно другой версии, прозвище этимологически связано со словом «турба», которое в украинском языке и некоторых русских говорах означает беспокойство, хлопоты. В этом случае слово могло стать прозвищем беспокойного человека. Турба со временем получил фамилию Турбин [8, 9].

Турбин оторван от своего дома и все время стремится туда. Дом - не только жилище, место обитания, но и быт, устоявшийся уклад, традиции, семейные ценности. Дом для И.А. Бунина является важной пространственной характеристикой мира. Это место, которое помогает человеку укорениться в этом мире, обрести устойчивость. Герой, оторванный от дома, становится странником, постоянно перемещается в пространстве, не может найти свое место. Во внешнем облике героя оторванность от дома проявляется в акценте на очень длинных ногах, шаги он делает гигантские и отчаянные. Его сопровождают звуки шлепающих калошей. Походка неуверенная, он не идет, а скользит. Турбин представляет свой отчий дом как место, где всегда чисто и тепло. Он мечтает о доме как месте, где можно укрыться от жизненных бурь, где рядом самые близкие люди, которые тебя всегда поймут и помогут в трудную минуту.

Учитель не находит себе место и друзей. Он часто посещает дома разных представителей деревенского общества, но все время «дичится» и не может долго находиться в чужом доме. Не находит он приют и покой на природе. Исследователь Ю.М. Лотман отмечает важную роль образа дома в мифических представлениях древних славян: «дом с его атрибутами, постелью, печью и теплом – вообще закрытое и жилое пространство – воспринимается... как «женский мир». Ему противостоит «поле» как пространство «мужское». Для былин характерен сюжет ухода богатыря из закрытого пространства «на волю» – в степь и «пустыню» [5; 390]. И этот древний сюжет реализуется и в рассказе «Учитель». Турбин уходит в поле, где может бродить в одиночестве. Это открытое пространство становится для него местом мечтаний. Сначала он представляет, что издалека приедет поезд и увезет его домой. Потом погружается в раздумья о жизни помещичьих хуторов, которые видно вдалеке. Но он не замечает красоты природы вокруг.

Героя все время сопровождает окружающая пустота: «на душе у него было пусто» [3; IV; 129], «голос гулко отдался в пустой комнате, и это напомнило ему его одиночество» [3; IV; 130]. Он ощущает свое одиночество: «им овладело беспокойство одиночества», «вернувшись и увидя свою бедную комнатку вымытой и прибранной к празднику, он почувствовал себя совсем одиноким и стал думать спокойнее и серьезнее» [3; IV; 130]. Это чувство является одной из эмоциональных доминант художественного мира И.А. Бунина, «даже не в смысле одинокого существования, а одиночества вечного, вселенского – как неизбежного и непреодолимого состояния человеческой души. Это ощущения полного одиночества человека в мире будет сопровождать его всегда. Непознаваемая тайна мира рождает одновременно «сладкие горестные чувства»: к чувству радости упоенности жизнью неизменно примешивается томящее чувство тоски» [6; 345].

Турбин продолжает галерею бунинских образов, которые воплощают «трагические основы» национального русского характера и исторические судьбы России. Герой все время ощущает тяжесть будних дней и томится в предвкушении каких-то необычных событий: ожидание поездки домой, каких-то положительных перемен, знакомство с Линтваревым, которого он считает ключом к новой жизни. Но учитель не человек дела. Он живет в мире своих иллюзий и смутных ощущений. Ни одно свое мечтание он не может реализовать.

Жажда праздника и его ожидание превратились для героя в смысл жизни. Перед встречей с Линтваревым учитель проснулся с ощущением «какой-то хорошей цели». Он замечает изменения природы, и окружающее кажется ему прекрасным. Все было залито солнечным светом, который раскрашивал яркими красками пространство. Это создает световой контраст с первой частью рассказа, где преобладают темные тона, пыль, грязь, туман, сырость. Но даже это предвкушение не может вытеснить чувство одиночества героя («Он долго и особенно тщательно мылся, потом заглянул в классную: и там было теперь весело от солнца и тишины предпраздничного утра. «Не шуми ты, рожь...» - затянул он во все горло... Голос гулко отдался в пустой комнате, и это напомнило ему его одиночество» [3; IV; 130]).

Герой хочет преобразиться внешне – он меняет свой привычный тулуп и надевает новое пальто. Но у него нет крахмальной рубашки для визита к Линтвареву. На помощь учителю приходит Кондрат Семенович, который предлагает ему свою рубашку. Сцена сборов в гости представляет калейдоскоп сменяющихся действий, настроений и пронизана иронией. Крахмальная рубашка становится очень важной для учителя, так как прийти в вышитой рубашке считалось не приличным. Как самая нижняя (до появления нательного белья) одежда, непосредственно прилегающая к телу человека, она у всех народов имела не только чисто практическое, но и символическое значение. Чистая (белая) рубашка ассоциировалась с чистой душой: человек, принимавший крещение, надевал особую «крестильную» рубашку. Отсюда пошёл обычай надевать чистую рубашку перед боем. Готовность отдать другому «последнюю рубашку» считалась верхом доброты и бескорыстия. На Руси рубашки было принято отделывать вышивкой по самым «уязвимым» для злых сил местам — у ворота, по краям рукавов, на плечах, и особенно — по подолу. Вышивка играла роль оберега; в ней преобладали солярные символы, а также изображения птиц, которые традиционно считались охранителями, отгоняющими нечистую силу. В народном костюме рубаха была верхней одеждой, а в костюме знати — нижней. Мужские сорочки долгое время оставались предметом, символизовавшим принадлежность к высшему классу. Они теряли свою белизну при любом виде физической работы, а расходы на постоянную стирку, глаженье и крахмаление мог позволить себе далеко не каждый [1, 4]. Поэтому рубашке в рассказе придается такое большое значение. Когда привозят рубашку Кондрата Семеновича, она оказывается не только не впору Турбину, но грязной, плохо накрахмаленной. Лишь повторная попытка доставки новой рубашки окончилась успехом. Несмотря на соблюдение внешнего этикета, герой не чувствует уверенности, только скованность и напряжение. Он меняет свою вышитую рубашку на рубашку с чужого плеча и теряет себя, свою сущность.

Образ дома становится символическим в рассказе. Герой сначала стремится домой к отцу, его собственный дом кажется ему пустым и холодным. Потом он очень хочет попасть в дом Линтварева, который становится для героя недостижимым символом прекрасной новой жизни, куда он долго не решается войти. Воображение учителя рисует картины богатой жизни, и он ощущает себя «маленьким человеком».

И.А. Бунин продолжает галерею персонажей русской литературы XIX века, объединённых общими признаками: низкое положение в социальной иерархии, бедность, незащищённость. Им свойственны страх перед жизнью, приниженность, кротость, которая, однако, может соединяться с ощущением несправедливости существующего порядка вещей, с уязвлённой гордостью и даже кратковременным бунтарским порывом, как правило, не приводящим к изменению сложившейся ситуации. Но в образе Турбина этот порыв приобретает комические черты. В дом Линтварева учитель заходит, как в тумане, ожидая увидеть богатство и золото в интерьере. Здесь его ожидает разочарова-

ние: обстановка оказывается очень простой. Это не помогает Турбину приобрести внутреннюю уверенность, он смотрит на окружающее пространство и людей «глядя словно через воду». Психологическое состояние героя нагнетается с каждой минутой, проведенной в гостях: «Турбин восторженно» [3; IV; 139], «и он взял стакан, замирая от страха...» [3; IV; 141], «...ответил Турбин, и его голос ему показался чужим и слишком громким» [3; IV; 142].

Аккомпанементом вечера у Линтварева является музыка, которая из тихой и размеренной становится «шумным и диким восторгом», кружащим героя. Кульминацией обеда и рассказа является пьяный танец учителя. Танец - один из художественных средств, помогающих писателю раскрыть состояние души героя. Под музыку присутствующие танцуют тарантеллу. Этот итальянский народный танец обычно сопровождается гитарой и бубном. С ним связана легенда: начиная с XV века в течение двух столетий тарантелла считалась единственным средством излечения «тарантизма» — безумия, вызываемого, как полагали, укусом тарантула. Такого, очевидно, происхождения судорожных эпидемий, известных под названием пляски святого Витта и святого Иоанна, народного танца в Италии, носящего название тарантеллы. В связи с этим в XVI веке по Италии странствовали специальные оркестры, под игру которых танцевали больные тарантизмом [2]. Мотив безумия прослеживается на протяжении всего рассказа, связан с образом главного героя и реализуется как физический недуг: «к концу занятий у него начало ломить в левой стороне головы» [3; IV; 128], как отсутствие опыта: «отец все время стремился «образумить» [3; IV; 129] сына, и как сознательный отказ от четкости видения окружающего путем употребления алкоголя: «у Турбина нестерпимо ломило в темени от жары и водки» [3; IV; 142], «в чаду беспричинной напряженной веселости сознание учителя иногда прояснялось» [3; IV; 145], «Турбина словно ударили по голове, как сквозь воду видел блеск огней и посуды, лица гостей, слышал говор и смех, чувствовал, что теряет способность управлять своими словами и движениями, хотя сознавал еще все ясно» [3; IV; 143], «раскрасневшееся, потное лицо (Турбина) затягивало паутиной; в голове слегка шумело» [3; IV; 146].

В доме Линтварева собирается общество (флотский офицер, доктор, богатый помещик, княжны), о котором мечтает учитель. Танец тарантеллы является отражением этой среды. Он же и символ позора для героя, крушения его надежд. В рассказе присутствует и другой танец – «Барыня». Это русский народный танец, а также музыка, под которую этот танец исполняется. Общий настрой танца задорно-иронический (шутливый). При парном исполнении танцор и танцовщица танцуют попеременно, как бы соревнуясь между собой. В основе танца лежал конфликт между «барыней» (помещицей) и «мужиком» (крестьянином). Танцовщица выражала величавость, а танцор — ловкость и удаль [7]. Танцы отражают главный конфликт в рассказе между желаемым и реальным. Учитель стремится в высшее общество, но, попав туда, он не может справиться с волнением, попадает в неловкие ситуации, ощущает свое одиночество еще сильнее: «он чувствовал, что она так же чужда ему, как все общество, окружавшее его. В начале вечера он все ждал, что будет что-то хорошее. Теперь это чувство ослабело. Он думал, что надо идти домой, что никому он не нужен. Никто далее не поинтересовался им, не поговорил, чтобы узнать, что он за человек. Даже хозяин только предупредительно, беспокойно вежлив с ним...» [3; IV; 142]. Но не находит он себя и в простой крестьянской среде, где танцуют не тарантеллу, а «Барыню».

Образ учителя в одноименном рассказе И.А. Бунина является сложным и многогранным. Название произведения отражает профессию героя. Но работе Турбина посвящено только несколько строк, автор, как бы между прочим, отмечает, что «к концу занятий у него начало ломить в левой стороне головы» [3; IV; 129]. Учитель не является наставником для других. Вместо воплощения представлений о престижной и ува-

жаемой профессии он становится горьким пьяницей, вызывая сочувствие и жалость у окружающих.

Библиографический список

1. Андреева А., Богомолов Г. История костюма. Эпоха. Стиль. Мода. От Древнего Египта до модерна. СПб: Паритет, 2008. 136 с.
2. Будникова Е.А. Символика танца в русской литературе XIX-XX вв. [Электронный ресурс] // International Scientific and Technical Library. Режим доступа: <http://interlibrary.narod.ru/>
3. Бунин И.А. Собрание сочинений в девяти томах. М.: Художественная литература, 1966. Том 4. С. 336. В статье произведения Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).
4. Комиссаржевский Ф.Ф. История костюма. Минск: Литература, 1998. 494 с.
5. Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Ю.М. Лотман Избранные статьи: В 3-х т. Таллин, 1992. Т.1. С. 386-392.
6. Мальцев Ю.В. Иван Бунин. М.: Посев, 1994. 432 с.
7. Мартемьянов Т.А. Правда о «Комарицкой» и «Барыне» // Исторический вестник. Октябрь 1900. Режим доступа: <http://diderix.petergen.com/lub-song.htm>
8. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён. СПб: Типография И.Н. Скороходова (Надеждинская, 43) 1903. 862 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: / Перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. М.: Астрель–АСТ, 2004. Т. 4.

References

1. Andreeva A., Bogomolov G. History of the costume. The Epoch. Style. Fashion. From Ancient Egypt to Art Nouveau. St. Petersburg: Parity, 2008. 136 p.
2. Budnikova E.A. Symbolism of dance in Russian literature of the XIX-XX centuries. [Electronic resource] //// International Scientific and Technical Library. Access mode: <http://interlibrary.narod.ru/>
3. Bunin I.A. Collected works in nine volumes. / I. A. Bunin. M.: Fiction, 1966. Volume 4. P. 336. The article quoted from the works of Bunin this edition specifying volume (Roman numeral) and pages (Arabic numerals).
4. Komissarzhevsky F.F. History of the costume. Minsk: Literature, 1998. 494 p.
5. Lotman Y.M. About metalanguage of typological descriptions of culture // Y. M. Lotman Featured Article:. In 3 Vols Tallinn, 1992. T. 1. P. 386-392.
6. Maltsev Y.V. Ivan Bunin. M.: Crop, 1994. 432 p.
7. Martemyanov T.A. The truth about «Komaritskaya» and «Baryn» // Historical Herald. October 1900. Access mode: <http://diderix.petergen.com/lub-song.htm>
8. Tupikov N. M. Dictionary of ancient Russian personal names. SPb: Printing house I.N. Skorokhodova (Nadezhdinskaya, 43) 1903. 862 p.
9. Fasmer M. Dictionary of Russian language: In 4 t. : / Translation Additions O. Trubachev. M.: Astrel–AST, 2004.T. 4.

УДК 82-1

*Воронежский государственный технический университет
канд. фил. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(473) 248-17-33
e-mail: may2005@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian Language and Cross-Cultural Communication
PhD, senior lecturer
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh,
+7(473) 248-17-33
e-mail: may2005@yandex.ru*

О.В. Сулемина

РОКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СУДЬБЫ В ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Судьба и ее взаимодействие с человеком всегда живо интересовали А.С. Пушкина. С нашей точки зрения, особенно ярко тема судьбы представлена в поэмах. В данной работе она предстает как злой рок, который играет с человеком, разрушая установленный ход его жизни. Мы рассматриваем реконструкцию А.С. Пушкиным «пространства судьбы» в поэме «Медный всадник». Здесь судьба – это действующее лицо, она вступает в противоборство с Петром I. Герой, обыкновенный человек, оказывается вовлеченным в эту схватку и под влиянием разъяренной стихии теряет себя. Судьба неразрывно связана со страхом, который выступает ее агентом, разрушая человеческое сознание. Страшное пространство судьбы, в котором вынужден существовать человек, приводит его к жизненной катастрофе, преодоление воли рока возможно только через смерть и катарсическое очищение страданием.

Ключевые слова: судьба, рок, смерть, Петербург, страх, творчество.

O.V. Sulemina

THE FATAL SPACE OF DESTINY IN A.S. PUSHKIN'S POEM «THE BRONZE HORSEMAN»

A.S. Pushkin has always been vividly interested in fate and its interaction with man. From our point of view, the theme of destiny is shown clearly in poems. In this paper it appears as an evil rock that plays with a man destroying the established course of his life. We consider the reconstruction of A.S. Pushkin's «space of fate» in the poem «The Bronze Horseman». Here fate is an actor, it comes into conflict with Peter I. A hero, an ordinary person, gets involved in this fight and loses himself under the influence of an enraged disaster. Fate is inextricably linked with fear which acts as its agent destroying human consciousness. The terrible space of fate in which a person is forced to exist leads him to a life catastrophe, the overcoming of the will of fate is possible only through death and cathartic purification by suffering.

Key words: fate, fate, death, Petersburg, fear, creativity.

Тема Судьбы (которая здесь выступает скорее как действующее лицо, чем как философская категория, в связи с чем мы сочли возможным написать с заглавной буквы) занимает в творчестве А.С. Пушкина особое место. Так или иначе, герои или сам лирический субъект-поэт встречаются с Судьбой в произведениях, относящихся ко всем периодам его творчества. Судьба может проявиться в качестве злого рока или, на-

оборот, быть близкой к божественной воле и благосклонной, порой она реализуется как слепая сила, лишенная положительных или отрицательных коннотаций.

В данной работе мы обратимся к теме рока в поэме «Медный всадник» (1833) [1, 5, с.131-150], и совершим экскурс в особое «пространство Судьбы» [13, с.181], где разворачивается картина противоборства надличностных сил (воли *чудотворного строителя* Петра и *бури*, «божией стихи(и)») (Другое прочтение поэмы: [8, с.157-186]), в которое оказывается роковым образом втянут обыкновенный человек (Евгений). Интерес Пушкина к этой теме проявляется еще в сатирическом стихотворении 1825 года: «Брови царь нахмура, / Говорил: "Вчера / Повалила буря / Памятник Петра"») [1, 2, с.379].

Сначала «обрисуем» «портреты» борющихся сил. Не забывая о сложности фигуры Петра (его восприятия не только как исторического лица, но и обожествления или уподобления антихристу, что не раз подробно описывалось [11, с.44-64]), мы сконцентрируем свой взгляд на творческих способностях *чудотворного строителя*.

Размышления Петра о будущем строительстве города очень похожи на поэтические [1, 4, с.315]:

На берегу пустынных волн	Бежит он, дикой и суровый,
Стоял он, дум великих полн,	И звуков и смятенья полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко	На берега пустынных волн,
Река неслася; <...>	В широкошумные дубровы...
И лес, неведомый лучам	(Поэт, 1827) [1, 3, с.65]
В тумане спрятанного солнца,	
Кругом шумел.	

Думы Петра сродни поэтическому воображению: они основаны на глубоком понимании природы (В понимании Пушкина, воображение – «гениальн(ое) знани(е) природы». [1, 11, с.42]):

Природой (курсив здесь и далее мой – О. С.) здесь нам *суждено*
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.

Таково восприятие Петра с точки зрения Автора поэмы, который любит Петербург за его *строгость, стройность, свет и поэтичность*:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгой, стройный вид,
<...>Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

Представляется, что для Петра созданный им *город* оказывается чем-то, похожим на *нерукотворный памятник* лирического субъекта-поэта («рукотворность» города снимается его «вырастанием» из природы по воле Петра). Один Творец (Автор поэмы) приветствует другого (Петра), благословляя его детище:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

В этих строках «град Петров» и «вечный сон Петра» сопоставляются, что дает возможность говорить о Городе как воплощении творческого начала его создателя, в котором он себя сохраняет; в них же мы видим и образ врага: «финские волны» изображены как побежденный неприятель, желающий мести. (См.: [8, с.159-162; 9, 10]) Помимо вражеской коннотации, волны моря [5] (в совокупности с ветром) служат проявлением сил хаоса, противоположных *стройной* жизни Петербурга (и *державному* течению Невы). Именно проникновение хаоса в жизнь петербургского гармоничного космоса («ужасная пора»), вызывает страшные, апокалиптические последствия:

Нева металась, как больной
<...>И ветер дул, печально воя.
<...>Ужасный день!
Нева всю ночь
*Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей не в мочь....*
<...>Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова.
<...>И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась.

Перед нами разворачивается картина *заболевания* обыкновенно гармоничной Невы под действием *моря* и *бури*. Буря в пушкинском художественном мире связана с проникновением сил хаоса за границы упорядоченного течения жизни. Именно в бурную непогоду происходит появление (и проявление) «нелюдей» (напр., утопленника («Утопленник», 1828 [1, 3, с.117-119]), ведьмы («Гусар», 1833 [1, 3, с.300-303]), бесов («Бесы», 1830 [1, 3, с.226-227]) и т.д.); буря связана с войной («Наполеон», 1821 [1, 2, с.192-194]; «Стамбул гяуры нынче славят...», 1830 [1, 3, с.247-248]), бунтом («Кто, волны, вас остановил», 1823 [1, 2, с.258]; «Андрей Шенье», 1825 [1, 2, с.352-356]). Бурным состоянием окружающего мира сопровождается появление враждебного «Другого» (рока, стихии и т.д.) в непосредственной близости от человека. В этой связи можно

упомануть стихотворение Г. Р. Державина «На выздоровление Мецената»(1781) [Ср.: 6, с.94-96], где в связи с приближением смерти возникает метафорическая картина бури:

Тут ветер, страшно завывая,
Ударил в лес — и лес завыл;
Из бездн восстали пенны горы,
Брега пустили томный стон;
Сквозь бурные стихиев споры
Зияла тьма со всех сторон.

Эти строки подтверждают литературную «узаконенность» «стихийности» проникновения Судьбы (в данном случае *смерти*) в частную жизнь человека.

Знаменательно пожелание пушкинского лирического субъекта в раннем стихотворении «К Н. Г. Ломоносову»(1814) [1, 1, с.58]:

Дай бог, чтоб *грозной непогоды*
Вблизи ты ужас не видал,
Чтоб *бурный вихорь* не вздувал
Пред челноком *шумящи воды!* –

где *Судьба* в жизни человека соединяется с покоем, счастьем, любовью и дружбой, а «бурный вихорь» вызывает ассоциации с роком.

Именно *роковая непогода*, проникая в *стройный* ход петербургской жизни, превращает Неву в остервенелого зверя и крушит все, что оказывается незащищенным на ее пути. Увидеть вблизи картину грозы, подобную нарисованной в упомянутом нами стихотворении, выпало Евгению, *бедному герою* пушкинской поэмы, о котором Автор ведет свой *печальный рассказ*. (Интересно, что в стихотворении «Еще одной высокой, важной песни...»(1829) «Умолкнувш(ая) лир(а) / В разрушенном святилище <...> / <...> издает <...><?>, / Когда столбы его колеблет буря, Печальный звук!» [1, 3, с.192-193])

Чтобы яснее представить, почему именно этот герой настолько пострадал от действия хаотических сил, обратимся сначала к его «биографии»:

Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало,
И под пером Карамзина
В *родных преданьях* прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне; где-то служит,
<...>и *не тужит*
Ни о почившей *родне*,
Ни о забытой *старине*.

Евгений «представляет смиренно-созидательную культуру <...>, не возвышающуюся к социальной гордыне» [8, с.168], но он лишен основы бытия и четкого места в

мире («где-то служит», «смиранный уголок <...> кое-как <...> устроит»), и поэтому оказывается игрушкой хаотических роковых сил. Хотя беда, его постигшая, может восприниматься в таком контексте и как воздаяние: позабывший о собственной *родне* герой, тем не менее, мечтает, чтобы его похоронили *внуки*, то есть желает для себя того, чего сам не делает. Мечты Евгения направлены в сферу семейной, родовой жизни, из которой, как говорилось выше, он исключен. Это псевдо-поэтическое мечтанье сродни пушкинским вариациям творчества во время бессонницы, то есть служит знаком приближения враждебного «Другого».

Волнение героя отнюдь не поэтическое, это не преобразующее мир вдохновение – это последняя попытка избежать приближения рока, которое герой ощущает:

Так он мечтал. / <...> он желал,
Чтоб ветер был не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...

В «завор», возникающий между мечтой героя и его положением в мире, и проникает роковая сила, легко круша все на своем пути. Когда Евгений закрывает «сонны очи», он как будто переходит в иномирное пространство хаоса-наводнения, где обыкновенный ход вещей переворачивается: под действием проникших на территорию петербургской космической упорядоченности хаотических злых волн сам город превращается в мифологическое морское чудовище. «Теневая сторона» Города, которая была скрыта в его *державном* состоянии, проявляется во всем своем ужасе и безобразии:

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
<...>Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!

Наводнение, своеобразная «проверка на прочность» (воспринимаемая людьми как *кара божья*) открывает, что Город лишен своих основ, вследствие чего и *всплывает, как тритон*. Образ размытого кладбища здесь не случаен. От него можно провести линию к «публичн(ому) кладбищ(у)» из стихотворения «Когда за городом задумчив я брожу...» [1, 3, с.422-423]:

Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
<...> Могила склизкие, которые также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут, –
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

При виде обезличенного, лишённого *родового* колорита кладбища лирический субъект испытывает злое уныние, являющееся выражением *ужаса-тоски* перед обезличиванием, абсолютным исчезновением человека, жизнь которого *индивидуальна* и исключена из циклической вечности *рода-природы*.

Сновидческий катастрофизм происходящих с героем событий «разрывает» реальность [13, с.200-213], и его восприятие трансформируется в некое продолжение кошмарного «сновидчества»:

Его мечта... Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

Риторические вопросы даны с точки зрения Евгения; они подтверждают ничтожность и ужас жизни, оторванной от бытийных основ (если в самом начале поэмы Евгений изображен «отделенным» от родовой основы метафорически, то сейчас эта метафора реализуется в водном пространстве, разъединяющем его с мечтой о семье и Парашей).

Демоническая сила воды, привнесённая влиянием *злых волн* и «вылившаяся» в «оборотничество» Невы, «захватывает» Евгения во время его путешествия на остров. [13, с.213-214] Евгений устремляется к «своей мечте» по *все еще кипящим* «злобн(ым) волн(ам)», что окончательно передает его во власть *черной, злой, хаотической* стихии. «Волны страшные» позволяют Евгению и его перевозчику (лодка, находящаяся вблизи еще *бушующей* Невы напоминает о *челнах*, которые стали *ворами*, и, конечно, о челне Харона, и придает перевозчику демонические черты) добраться до острова – пространства, где продолжается реальность ужасного «сна» – наводнения (или находится «царство» рока-Судьбы).

Герой окончательно теряет связь с реальностью: «узнать не может», «бежит, не помня ничего» и, после встречи с Судьбой, «полон сумрачной заботы», теряет рассудок. Можно сказать, что разум Евгения, как и его самоидентичность, вытесняют «Мятежный шум / Невы и ветров»; он будто становится «одержим» демонической стихией (которая, однако, служит орудием искупления): реальность для него замещает «какой-то сон». Герой превращается в некое полу-существо («ни зверь ни человек, / Ни то ни сё, ни житель света / Ни призрак мертвый...») [2; 13, с.213-234], «оглушен <...> шумом внутренней тревоги».

Пробыв в «полумертвом» состоянии довольно длительное время и оказавшись *на берегу* Невы (пребывая на границе перехода между мирами), Евгений «вспомнил живо <...> прошлый ужас» (*проснувшись!*). Воплощением этого ужаса для героя оказался «кумир <...> на бронзовом коне». Ужасное воспоминание Евгения все еще диктуется «внутренним шумом», овладевшим им и рисует демоническую составляющую образа Петра, «Того, чьей волей роковой / Под морем город основался». Здесь мы видим восприятие Петра со стороны моря-врага (чья злая воля еще владеет Евгением):

Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,

Как обуянный силой черной,
"Добро, строитель чудотворный!" –
Шепнул он, злобно задрожав...

Злобная дрожь и вскипевшая кровь Евгения сродни *злomu кипению* волн Невы под действием «буйной дури» финских вод. *Гнев* Петра в таком случае обращается на бунтующую стихию, проявившую себя в Евгении. (Ср. восприятие памятника Петру как «живого» хранителя города в стихотворении П. А. Вяземского «Петербург. (Отрывок)» (1818): «Се Петр, еще живой в меди красноречивой! / <...> Он царствует еще над созданным им градом, / Приосеня его державною рукой, / <...> Пускай враги дерзнут, вооружаясь адом, / Нести к твоим брегам кровавый меч войны, / Герой! Ты отразишь их неподвижным взглядом, / Готовый пасть на них с отважной крутизны». [3, с.426]) «Тяжело-звонкое скаканье» [4, с.319] Медного Всадника вытесняет из слуха Евгения «мятежный шум Невы», освобождая его от «одержания». «Боязнь(о) дик(ая)» заменяется в сознании Евгения «смятением» и *смущением* при виде Памятника Царю. «Ожившая» (оживает она в *воображении* Евгения, пораженном ужасными событиями) статуя [14, с.149] оказывается не мертвым истуканом, а частью «выросшего» «из тьмы лесов, из топи блат» города. «Оживший» покровитель Города возвращает «подданного» в сферу своего влияния. Теперь Евгений может достигнуть «пустынн(ого) остров(а)», где через смерть у порога «ветхого домика» [Ср.: 14, с.149] (возможность «перехода») и похороны «ради бога» (окончательный переход) приобщается к циклической жизни рода.

Подводя итог описанию *страшной* реальности «Медного Всадника», можно сказать, что образы Петра и стихии, с которой он противоборствует (или, при прочтении действия стихии как божьего суда, даже «сотрудничает») равны друг другу по месту, занимаемому в художественной реальности, и по силам. Соревнуясь между собой, они никак не учитывают ценность жизни обыкновенного человека, одного из многих, если только он (как Евгений) не оказывается «предметом» их спора. Сам подобный спор и его разрешение для человека катастрофичны (несмотря на катарсический выход из индивидуального времени в сферу времени родового, Евгений теряет любовь, мечту и разум). Мир, служащий ареной описанного выше противоборства, подчиняется действию сил Судьбы в ее «роковом» воплощении; в таком мире любой, кто мечтает о маленьком «частном» счастье, будет его лишен.

Библиографический список

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т. / А.С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1994 – 1997.
2. Альми И.Л. Образ стихии в поэме «Медный всадник» // Болдинские чтения. – Горький, 1979. – С. 16-27.
3. Вяземский П.А. Стихотворения / П.А. Вяземский. – Л.: «Советский писатель», 1958. – 488 с.
4. Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка / Б.М. Гаспаров. – СПб.: «Академический проект», 1999. – 400 с.
5. Делюмо Ж. Ужасы на Западе / Ж. Делюмо. – М.: Голос, 1994.
6. Державин Г.Р. Стихотворения / Г.Р. Державин. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 469 с.
7. Евдокимова С. Медный всадник: история как миф // Russian Literature. – 1990. – V.XXVIII-IV. – P.441-460.
8. Иваницкий А.И. Чудо в объятиях истории (Пушкинские сюжеты 1830-х годов) / А.И.

Иваницкий. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008 – 473 с.

9. Краснов Г.В. «Медный всадник и его традиции в русской поэзии» / Г. В. Краснов // Болдинские чтения. – Горький, 1977. – С. 94-105.

10. Кузнецова И. А. «Медный всадник» в контексте пушкинского творчества 30-х годов / И. А. Кузнецова // Литературные произведения XVIII – XX веков в историческом и культурном контексте. – М., 1985. – С. 50-59.

11. Песков А. Памятник Петру Первому работы Фальконе / А. Песков // Семиотика страха / [под ред. Норы Брукс и Франсиса Конта]. – Париж – Москва, 2005. – С. 44-64.

12. Таборисская Е.М. Своеобразие темы безумия в произведениях Пушкина 1833 г. // Пушкинские чтения в Тарту. – Таллин, 1987. – С.28-29.

13. Фаустов А. А. Авторское поведение Пушкина: Очерки / А. А. Фаустов. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 321 с.

14. Фаустов А. А. Герменевтика личности в творчестве А. С. Пушкина (две главы) / А. А. Фаустов. – Воронеж : РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – 240 с.

15. Эпштейн М. Фауст на берегу моря (Типологический анализ параллельных мотивов у Пушкина и Гёте) / М. Эпштейн // Вопросы литературы. – 1981. – № 6. – С. 89-110.

References

1. Pushkin A.S. Complete works: in 19 volumes / A.S. Pushkin. – M.: Sunday, 1994-1997.

2. Almie I.L. The image of the elements in the poem «The Bronze Horseman» // Boldin Readings. – Gorky, 1979. – P. 16-27.

3. Vyazemsky P.A. Poetry / P.A. Vyazemsky. – L.: «Soviet writer», 1958. – 488 p.

4. Gasparov B.M. Pushkin's poetic language as a fact of the history of the Russian literary language / B.M. Gasparov. – SPb.: «Academic Project», 1999. – 400 p.

5. Delumo J. Horrors in the West / J. Delumo. – Moscow: Golos, 1994.

6. Derzhavin G.R. Poetry / G.R. Derzhavin. – L.: Sov. writer, 1957. – 469 p.

7. Evdokimova S. The Bronze Horseman: History as a Myth // Russian Literature. – 1990. – V.XXVIII-IV. – P.441-460.

8. Ivanitsky A.I. Miracle in the embrace of history (Pushkin's stories of the 1830s) / A.I. Ivanitsky. – M.: Rus. State. Humanit. University, 2008 – 473 p.

9. Krasnov G.V. «The Bronze Horseman and His Traditions in Russian Poetry» / G.V. Krasnov // Boldin Readings. – Gorky, 1977. – P. 94-105.

10. Kuznetsova I.A. «The Bronze Horseman» in the context of Pushkin's creation of the 1830s / I.A. Kuznetsova // Literary works of the XVIII-XX centuries in the historical and cultural context. – M., 1985. – P. 50-59.

11. Peskov A. Monument to Peter the First work by Falcone / A. Peskov // Semiotics of fear / [ed. Nora Brooks and Francis Comte]. – Paris-Moscow, 2005. – P. 44-64.

12. Taborisskaya E.M. Peculiarity of the theme of insanity in the works of Pushkin in 1833 // Pushkin readings in Tartu. – Tallinn, 1987. – P.28-29.

13. Faustov A.A. Author's behavior of Pushkin: Essays / A.A. Faustov. – Voronezh: VSU, 2000. – 321 p.

14. Faustov A.A. Hermeneutics of personality in the works of Alexander Pushkin (two chapters) / A. Faustov. – Voronezh: VSU, 2003. – 240 p.

15. Epstein M. Faust on the Seashore (Typological Analysis of Parallel Motives in Pushkin and Goethe) / M. Epstein / Literature. – 1981. – No. 6. – P. 89-110.

УДК 82.09

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Скуридина С.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian Language and Cross-Cultural Communication
PhD, associate professor

Skuridina S.A.

Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

студент 2 курса направления «Журналистика»

Хрупин А.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(951)875-21-64
e-mail: deadlol96abc@yandex.ru

2 year student of field of studying «Journalism»

Khrupin A.V.

Russia, Voronezh, +7(951)875-21-64
e-mail: deadlol96abc@yandex.ru

С.А. Скуридина, А.В. Хрупин

«ЗАПИСКИ ИЗ МЁРТВОГО ДОМА» Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО: О СПЕЦИФИКЕ НАЗВАНИЯ

В статье рассказывается об особенностях названия романа Ф.М.Достоевского «Записки из Мертвого дома». Отмечается несовпадение жанра, обозначенного в заголовке и данного издателем, и указанного в тексте самим Александром Петровичем Горянчиковым. Символичность названия рассматривается с точки зрения реализации мифопоэтической оппозиции *живое-мертвое*.

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, ономастика, название, «Записки из Мертвого дома», жанр.

S.A. Skuridina, A.V. Khrupin

«NOTES FROM THE MORTAL HOUSE» BY F.M. DOSTOYEVSKY: ABOUT THE SPECIFICITY OF TITLE

The article describes the features of the title of F.M. Dostoyevsky's novel "Notes from the Dead House." There is a discrepancy between the genre, indicated in the title and given by the publisher, and the one mentioned in the text by Alexander Petrovich Gorianchikov himself. Symbolism of the title is considered from the point of view of realization of the mythopoetic opposition alive-dead.

Key words: F.M. Dostoyevsky, onomastics, title, «Notes from the Dead House», genre.

Заглавие в течение последних десятилетий привлекает серьезное внимание исследователей, что обусловлено уникальным положением заголовка в тексте, а также многообразием его функций. Заголовок заключает смысл, раскрывает стилистику, жанровое своеобразие произведения с проекцией на поэтику. Название – это смысловая квинтэссенция текста, поэтому часто может рассматриваться как своеобразный ключ к его пониманию. Графическое оформление привлекает внимание читателя к заголовку и воспринимается читателями как наиболее заметная часть художественного произведения. Как пишет С. Кржижановский: «Заглавие – книга ин рестрикто, книга – заглавие ин

экстенсо» [7, с. 3].

Название нередко зависит не только от выбора автора, который может быть обусловлен различными обстоятельствами, связанными с личной и общественной жизнью, но и от мнения тех, кто выпускает в свет новое произведение (редакторы, издатели, цензоры).

Заглавие можно рассмотреть как сложный многофункциональный элемент художественного текста: «Сложность порождается двойственностью «обращенности» заглавия: одновременно «во вне» (к читателю) и «внутри» (к тексту, который оно обозначает). Именно поэтому заглавие оказывается «перспективно» (оно предваряет наше знание о тексте, «обещает» текст) и «ретроспективно» (по окончании чтения читатель возвращается к заглавию, осмысливая его только теперь в совокупности тех смыслов, что заложены в нем автором)» [5].

В 1862 году в журнале «Время» состоялась первая публикация художественного произведения Ф.М.Достоевского «Записки из Мертвого дома». Мертвым домом автор называет каторгу, расположенную в Сибири.

Если обратиться к черновикам писателя, то можно увидеть, что Ф.М.Достоевский очень тщательно выбирал названия для своих произведений. В название «Записки из Мертвого дома» заложено жанровое определение произведения. Записки – это жанр, который связан с размышлениями о пережитом и подразумевает выражение личного отношения автора или рассказчика к описываемому. В русской литературе записки как литературный жанр оформляются в конце XVIII – начале XIX веков. В воспоминаниях барона Врангеля отмечается, что, находясь в Семипалатинске, Ф.М.Достоевский читал «Записки ружейного охотника» [2, с. 66].

Для творчества Ф.М.Достоевского характерно использование очевидца событий в качестве автора (например, в романе «Бесы»), что способствует формированию доверительного отношения читателя к автору, в результате чего написанное воспринимается не как вымысел, а как правда, с присущей подобному жанру фактологичностью. Так в «Записках из Мертвого дома», сделав своим героем каторжанина, Ф.М.Достоевский передает повествование полностью в его руки, наделяя Александра Петровича Горяничкова, автора записок, мыслями и эмоциями, пережитыми самим Ф.М.Достоевским на каторге в Омске, где он пребывал с 1850-го по 1854-й год. Форма записок позволяет герою произведения стать творцом автобиографии и наиболее точно и полно передать свое эмоционально-психологическое состояние читателю.

Интересно, что жанровое определение издателя рукописи, найденной после смерти Горяничкова, не соответствует определению жанра самого сочинителя. «Но каторжные записки – «Сцены из Мертвого дома», – как называет он их сам где-то в своей рукописи, показались мне не совсем безынтересными», – замечает издатель во введении [4, т. 4, с.8]. «Сцены» как жанр предполагают драматическое представление важнейших событий жизни. Действительно, главы романа «Записки из Мертвого дома» это отдельные эпизоды из жизни каторжан, объединённые общей идеей. Меняя в названии жанр сцен на жанр записок, а соответственно, меняя пространственно-временные отношения «здесь и сейчас» на «там и тогда», издатель, казалось бы, снимает остроту проблем. Но внимательный читатель понимает, что ремарка, приведенная выше, несомненно, важна для понимания романа, ведь это авторское определение жанра, а автор – человек, прошедший через каторгу, для которого изображаемые события даже в воспоминаниях остаются событиями «здесь и сейчас».

Во время работы над романом Ф.М.Достоевский обсуждает с бароном Врангелем возможность отказа в напечатании романа: «Начать печатать эти «Записки» Достоевский предполагалъ въ январѣ 1860 года, и между нами было рѣшено, что если цензура не пропуститъ многое, то рукопись эту я черезъ е. в. принца Ольденбургскаго доставлю для прочтенія императрицѣ Маріи Александровнѣ. Но все обошлось и безъ этого шага» [2, с. . 202]. Но, как известно, цензоры обвинили Ф.М.Достоевского в изображении недостаточно сурового наказания каторжан, в связи с чем писателю пришлось написать дополнение к основному тексту, которое так и осталось в Цензурном комитете, не попав на страницы романа.

Интересно оксюморонное словосочетание «мертвый дом». В толковом словаре В.И.Даля дом – «строение для житья; в городе жилое строенье; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажями и хозяйством». То есть, дом – для живых, в противном случае, это уже не дом, а склеп. Среди основных функций дома особое место занимает защитная: дом защищает от того неведомого, что ожидает человека за пределами дома. Но в романе Ф.М.Достоевского мы видим смену полюсов: дом уже обеспечивает защиту не своим жильцам, а людям по ту сторону его границ: «За этими воротами был светлый, вольный мир, жили люди, как и все. Но по сю сторону ограды о том мире представляли себе как о какой-то несбыточной сказке. Тут был свой особый мир, ни на что более не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо Мертвый дом, жизнь – как нигде, и люди особенные» [4, т. 4, с. 9]. Смена полюсов неслучайна, ведь «статус преступника подразумевает положение выключенности из основной социальной иерархии: преступник пребывает вне общества и активно ему противостоит, будучи активным изгоем, он находится вне культурного пространства» [8].

Дом в фольклорной модели мира является интегрирующим смысловым звеном системы отношений человека и мира. «С одной стороны, дом принадлежит человеку, олицетворяя целостный вещный мир человека, – замечает Т.В.Цивьян. – С другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» [9]. Так в «Записках из Мертвого дома» каторжный острог, представленный как локус, становится местом сосредоточения людей разных национальностей, выходцев из разных сословий, вместе с их пороками и достоинствами являющихся важнейшим источником архетипов для произведения, воспринимается читателем как топос – место разворачивания глубинных смыслов.

В мифологическом сознании в контексте существующей оппозиции *живое-мертвое* разделяют смерть физическую и социальную, причем физическая предшествует социальной [1, с. 131]. В тексте романа все наоборот: социальная смерть наступает до физической как следствие нарушения человеческих законов и заповедей Божьих.

Традиционное омовение тела умершего переключается в романе со сценой в бане, когда Александра Петровича моет один из арестантов: «Петров объявил, что вымоет меня с ног до головы, так что «будете совсем чистенькие» [4, т. 4, с. 99]. Омовение умершего – это очищение его от всего живого. Как известно, в каторжный острог нельзя было приносить ничего из мира живых, с которым до перехода границ мертвого дома был связан арестант. Как указывает А.К.Байбурин, «сопутствующая омовению нагота, отсутствие знаков принадлежности культуре, одновременно означает “натурализацию” человека, своего рода возвращение к исходному, «природному» состоянию до жизни» [1, с.43].

Существуют представления о бане как об одной из многочисленных мифологиче-

ских границ, отделяющих мир живой от мира потусторонних существ – божеств и мертвых» [6, с. 3]. Баня у Ф.М.Достоевского ассоциируется с адом: «...баня была по преимуществу простонародная, ветхая, грязная, тесная, и вот в эту-то баню и повели наш острог. <...> Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад» [4, т. 4, с. 98]. В связи с этим можно говорить об амбивалентности образа бани и ада у Ф.М.Достоевского. «Мне пришло на ум, что если все мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место», – говорит Горянчиков [4, т. 4, с. 99], как бы отмечая, что перед нами уже не люди, а существа потустороннего мира, черти, окружившие адский котел. В результате ритуального омовения человек лишается последних признаков принадлежности живым. Новое состояние закрепляется его переодеванием в одежду мертвых: «достали мне, конечно за деньги, сундучок с замком, чтоб спрятать в него уже выданные мне казенные вещи и несколько моего белья» [4, т. 4, с. 25]; «Собственная одежда есть, ваше высокоблагородие, – отвечал жандарм, как-то мгновенно вытянувшись, даже с небольшим вздрагиванием. Его все знали, все о нем слышали, он всех пугал». – «Всё отобрать. Отдать им только одно белье, и то белое, а цветное, если есть, отобрать» [4, т. 4, с. 214].

Образную символику смерти поддерживает и параллелизм надевания кандалов арестантам и связывание рук покойника.

Введенный Ф.М.Достоевским мотив смерти позволяет рассматривать дом как гроб, что перекликается с фразой, встречающейся в письме к младшему брату Андрею из Семипалатинска от 6 ноября 1854 года: «А те четыре года считаю я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу» [4, т. 28, кн.1, с. 181], то есть, Мертвый дом – это дом мертвых заживо.

Как видим, заглавие в творчестве Ф.М.Достоевского – всегда смысловая или композиционная доминанта текста, рассмотрение которой позволяет глубже понять систему образов произведения, его конфликт или развитие авторской идеи. Метафоричность названия произведения можно трактовать следующим образом: попав за стены острога, переступив границу между миром живых и миром мертвых, надев на себя казенную каторжную одежду поверх таких же казенных кандалов, человек перестает существовать для того мира из которого он прибыл, для этого мира он уже мертв. Но без смерти нет и жизни: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Евангелие от Иоанна (глава XII, 24). Неслучайно в романе мы встречаем упоминание грязной одежды как символа живого, ведь, по свидетельству А.К.Байбурина [1, с. 109], одежда умерших могла быть и не новой, но обязательно выстиранной: «Вдруг сквозь толпу протеснился молодой арестант, неся в руках самые старые, грязные и разорванные летние свои шаровары, с придачею казенных подверток» [4, т. 4, с. 93].

Лейтмотивом через творчество Ф.М.Достоевского проходит идея нравственного возрождения через «смерть», через духовные и физические страдания. Умерев духовно, человек, нося на себе клеймо арестанта, воскресает в новом для себя мире. Заняв свое место на нарах, он погружается в тяжелую каторжную жизнь, наполненную бесплатным физическим трудом и повседневной суетой, делая мертвый снаружи дом живым изнутри.

Важно, что идея перерождения самым непосредственным образом связана у Достоевского с религией, с верой в Бога. Только истинно уверовавшие, по убеждению писателя, достигнут спасения. Неслучайно, что единственная книга, разрешенная в остро-

ге и символизирующая духовное возрождение, – Библия стала для Алея не только учебником чтения, но и учебником жизни, которая невозможна без веры в свое воскресение: «Есть натуры до того прекрасные от природы, до того награжденные богом, что даже одна мысль о том, что они могут когда-нибудь измениться к худшему, вам кажется невозможной. За них вы всегда спокойны» [4, т. 4, с. 52].

Библиографический список

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.
2. Врангель А.Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевскомъ въ Сибири. С.-Петербургъ, 1912. 221 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995. Т. 1. 702 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.
5. Загидуллина М.В. Заглавие. URL: <http://www.fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/152/> (дата обращения – 15.05.2017).
6. Иванова А.А. Банник // Русская словесность. 1996. № 2.
7. Кржижановский С. Поэтика заглавий. Никитинские субботники. М., 1931.
8. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Изгои и изгойничество как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Ученые записки ТГУ. Тарту, 1982. Вып. 576.).
9. Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам X. Тарту, 1978. С. 65.

References

1. Baiburin A.K. Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of the Eastern Slavic rites. SPb.: Science, 1993. 253 p.
2. Wrangel A.E. Memoirs of F.M. Dostoyevsky in Siberia. St. Petersburg, 1912. 221 p.
3. Dal V. The explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols. M.: Terra, 1995. V. 1. 702 p.
4. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 vols. L.: Science, 1972-1988.
5. Zagidullina M.V. Title. URL: <http://www.fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/152/> (circulation date is May 15, 2017).
6. Ivanova, A.A. Bannik // Russian Language. 1996. № 2.
7. Krzhizhanovsky S. Poetics of titles. Nikitin subbotniks. M., 1931.
8. Lotman Yu.M., Uspensky B.A. Outcasts and outlawing as a socio-psychological position in Russian culture mostly pre-Petrine period («their» and «someone else's» in the history of Russian culture) // Uchenye zapiski TSU. Tartu, 1982. Issue. 576.).
9. Tsivyan T.V. House in the folklore model of the world (based on Balkan mysteries) // Semiotics of culture. Proceedings on sign systems X. Tartu, 1978. P. 65.

УДК: 82

*Санкт-Петербургский государственный
Медицинский университет им. И.И. Меч-
никова*

*канд. филол. наук, доцент кафедры рус-
ского языка*

Белова А.В.

*Россия, Санкт-Петербург, +79119447714
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

*St. Petersburg State Medical University
named after I.I. Mechnikov*

*PhD, assistant professor of Russian language
Belova A.V.*

*Russia, Saint-Petersburg, +79119447714
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

A.V. Belova

«ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ...»: ЭПИСТОЛЯРНЫЙ РОМАН АЛЕКСАНДРА ЧЕХОВА

В статье рассматривается эпистолярное наследие старшего брата Антона Чехова Александра Павловича Чехова.

Ключевые слова: Александр Чехов, эпистолярный текст, биография, языковая личность.

A.V. Belova

«HISTORY OF THE HUMAN WHO WANTED ...»: THE EPISTOLAR ROMAN OF ALEXANDER CHEKHOV

The article examines the epistolary heritage of Anton Chekhov's older brother, Aleksandr Pavlovich Chekhov.

Key words: Alexander Chekhov, epistolary text, biography, language personality.

«Письмо легко приравнивается к интересам и стилю своей эпохи. Оно представляет игровую площадку молодым авторам, чтобы они учились использовать возможности языка, оттачивать мысли и завоевывать внимание непростой читательской аудитории» [7, с. 169], - пишет У.М. Тодд III в работе, посвященной изучению эпистолярной традиции в России. В частности, он упоминает и о письмах Антона Чехова, демонстрирующих, по словам автора, «разговорный стиль, тонкие литературные суждения, достоинство и самоиронию» [7].

По мысли Р. Белнапа, письма А.П. Чехова можно разделить на три группы: деловые, дружеские и нравоучительные. В отношении писем Александра Чехова (к брату Антону Павловичу), можно сказать, что большинство их, полных юмора, анекдотов, шуточной ругани и игрой слов, относится к категории дружеского письма. В этом смысле можно говорить об элементах стиля делового письма лишь в тех случаях, когда обсуждаются издательские проблемы братьев.

Письма Александра Чехова полны различных набросков, сюжетов, пародий, лирических текстов (особенно, когда Ал.П. Чехов вспоминает о детстве). Особенной

группой выделяются письма, написанные на латыни. На одно из таких писем Антон Чехов отозвался: «Твое письмо на латинском языке гениально. Я его спрятал и буду хранить до тех пор, пока разучусь понимать разумное и оригинальное: когда я показал его в Таганроге учителю латинского языка, тот пришел в неописанный восторг от «духа», каким пропитано это короткое, но замечательно талантливое письмо» [8, Пис.2, с. 86-87].

Тематика переписки демонстрирует круг общих знаний участников. Основные темы переписки братьев Чеховых: деловые вопросы, связанные с А.П. Чеховым; текущие события; состояние здоровья братьев и их близких; литературная деятельность обоих. Так, тема творчества в переписке Ал.П. Чехова и А.П. Чехова занимает одно из главных мест: замыслы, темы, идеи создать то или иное произведение, просьбы дать совет и рекомендации по поводу написания пьесы или рассказа, сообщение о законченной вещи, наброски будущих работ: «*Ну, друже, наделал ты шуму своим последним «степным» субботником* (рассказ «Счастье» А.П. Чехова – А.Б.). *Вещица - прелесть*» [6, с. 165].

Александр Павлович Чехов, старший брат Антона Чехова, по воспоминаниям родных и современников, был незаурядной личностью. Имея способности литератора, обладая разносторонними знаниями в различных областях, тем не менее не становится, в отличие от Антона Чехова, серьезным писателем, оставаясь «братом своего брата». Живая и образная речь, способности стилиста Александра Чехова не находят применения в его публицистике и художественных произведениях, проявляясь лишь в письмах к брату Антону Павловичу. Письма Александра демонстрируют различные аспекты его творческих возможностей. Герой этих писем чаще всего веселый, щедрый на шутку, раскованный, тонкий и ироничный; реже - серьезный, открытый и мягкий.

«Ал.П. Чехов обладал счастливой способностью зафиксировать деталь, передать чувство, настроение <...> Ему было очень просто написать письмо объемом в 5-6 книжных страниц, включающее несколько живых сцен и метких описаний, и очень трудно сделать еще одно усилие - быть может, главное - соединить это в целое и, отделив от себя, художественно обьективировать. Как письмо все это было блестяще, для рассказа этого было мало» [9, с. 73].

В его письмах можно найти ту легкость и раскованность языка, которые пропадают в его художественных текстах.

Эпистолярное наследие Александра Чехова является своеобразной «автобиографией в письмах» [5, с. 26].

Для среды интеллигентов (а именно к ней относятся братья Чеховы), в особенности для «гуманитариев», характерно использование таких явлений, как рефлексия над словом, намеренное его искажение, обыгрывание его звукового состава, внутренней формы, связей с другими словами, словесные каламбуры и т.п. - иначе говоря, языковая игра во всех ее обличьях.

В своих письмах Ал.П. Чехов демонстрирует высокую речевую культуру. Об этом говорит упоминание в письмах о классических и современных произведениях литературы, изобразительного искусства, театра. Александр Павлович блестяще (с золотой медалью) закончил таганрогскую гимназию, был студентом-естественником Московского университета. Он часто использует в письменной речи язык Таганрога – особенное украинское наречие. Он является фактически билингом, владея русским и украинским языками. Его речь отличает приверженность литературной норме в целом, богатство языка заключается в использовании диалектных, разговорных форм, архаизмов и устаревшей лексики. Можно также отметить некоторую небрежность пунктуации и нарушение нормированного порядка слов, использование неполносоставных предложений.

Основу писем составляют разнообразные по длине и структуре предложения: от простых полных (неполных) до объемных сложных (несколько строк письма). Тексты писем по своему объему у А.П. Чехова чаще небольшие, наполненные конкретными фактами и поручениями, в отличие от писем-новелл старшего брата, полных страстной эмоциональности, длинных описаний, набросков характеров, критических замечаний.

Образные средства языка, которые использует Ал.П. Чехов, также разнообразны. Это: сравнения, различные виды метафоры и метонимии, эпитеты; синтаксико-стилистические фигуры и приемы (повторы, перечисления, структурный параллелизм, риторические вопросы).

Важным для автора писем всегда является образно-эмоциональная субъективная сущность фактов. Их отличает неповторимая выразительность и лиричность, тонкое чувство языка. Безусловно, письма характеризуют Ал.П. Чехова как одаренного человека в языковом плане. Так, подписи братьев Чеховых, как и обращения, изобилуют шутливыми номинациями и разнообразными формами языковой игры. Читаем у Ал.П. Чехова: *Фузы-Пейхо высокий; Твой Гусев, Уткин, но не Чехов; Твой Гусиных-Ощипанных; Твой бедный, но честный и отрекающийся от тебя родственник Гусев* и пр.; у А.П. Чехова: *Тенденциозный Антон; Твой Шиллер Шекспирович Гете; А. Добродетелев; Твой благодетель, всеми уважаемый помещик А. Чехов* и пр.). Как видно из приведенных примеров, подписи спонтанно созданы авторами, они эмоционально окрашены, включают ассоциации и аллюзии, относящиеся к общему фонду знаний, содержат ироническую самооценку.

В письмах Ал.П. Чехова встречаются следующие элементы языковой игры: собственно языковая игра (например, фонетическая деформация: *гейним, Алтоша*; грамматическая деформация словоформ: *Ольдерогге женился и теперь родит дитю* [6, с. 361]), стилизации (уподобление просторечью: *завселды, сейчас, ходють*; архаичным формам: *почто, друже; Истем да свидания*[6, с. 86]; диалектным формам: *цастливый, зацем* и др.).

Также им используются:

1) фразеологизмы, образные и устойчивые выражения, частично перефразированные для придания индивидуальности высказыванию (*твоя благодарность мне не по рылу* [6, с. 160]);

2) иностранные слова и выражения, употребление которых демонстрирует уверенность автора коммуникации в том, что адресат его поймет (*noch ein Mal, sic, a propos, tuus, addio, bonjour, journal de S.-Petersbourg*);

3) оценочная лексика, демонстрирующая особый тон общения братьев – тон друга, который может и похвалить и сделать замечание (*ты лентяй; что за безобразие; ты нюнишь; я рад; я очарован*);

4) украинизмы (выражения на украинском языке): *Купить где-нибудь в Малороссии, в глуши десятины полторы у річки з раками, построить из кизяка хатыну и замураваться* [6, 412] выполняют особую экспрессивную функцию, поскольку общая языковая среда детства (город Таганрог), элементы которой привлекает адресант в текстах своих писем, помогает добиться определенного воздействующего эффекта на адресата, обратить особое внимание, глубоко задеть, всколыхнуть память души; а кроме этого, с помощью подобных выражений автор реализует свойственную ему (привычную с детства) манеру изложения той или иной мысли, переживания.

Некоторые его письма к Антону Павловичу, предельно откровенные, демонстрируют, что между братьями существовало духовное родство и глубокое понимание. Тон переписки особый, «эмоционально-интимный», то есть глубоко

личный, доверительный, эмоционально окрашенный. Так, в 1884 году: «Александр Чехов пишет брату о болезни и смерти своей дочери: "Брате! Не жди от этого письма логики. Моя мысль теперь глубоко-тоскливо слоняется без толку под моим глупым черепом точно так, как и я сам нелепо мечусь из угла в угол <...> Мося еще жива, но это уже давно не человек, а конвульсивно содрогающийся ежеминутно трупик, лишенный всякого сознания <...> Сознания - полный ноль. Не узнает никого. Ромбро и Фамилиант ездят ежедневно, как две гоголевские крысы: пришли, понюхали и - убежали <...> Оба эскулапа молчат, не говорят, ни да ни нет. Но «мысль глубокая легла на очерк» ихнего «лица» <...> В выздоровление может поверить только тот, у кого нет глаз. Я не верю, и давно уже мысленно похоронил ту Моську, которая смеялась, когда-то шла ко мне на руки и разумно говорила лично мне "папа". В первое время я страшно волновался и страдал, но теперь одеревенел <...> Чувствую, что что-то большое, сильное, жизненное оторвалось у меня в груди надолго, и залегло там тяжестью, превращающей меня в манекен и притупляющей мои нервы. Оторвалось вероятно то, что вдруг выросло у меня при рождении ребенка" [6, с. 97-98]: "Алтоне! Сейчас мое крохотное, маленькое существо покончило свое существование. Я не видел самый момент смерти в смысле часовой дроби, но застал только что почивший труп. На лице было то же знакомое выражение моей Моси, та-же красота, та-же ласка, то-же детское наивное незлобие, то-же подобие человека, не искаженное смертью <...> Допишу после. Нет сил. Внутри и вне меня все кричит одно: Мося! Мося! и Мося!» [6, с. 100-101].

Наиболее частотными жанрами в формировании эмоционально-интимного тона оказываются «шутка» и «признание». Так, признание в письмах Ал.П. Чехова может быть представлено как:

- 1) признание-жалоба: *Вся жизнь была не для себя. Годы ушли* [6, с. 214];
- 2) признание-похвальба (выражение радости и гордости): *Миша мой* (младший сын Ал.П. Чехова – А.Б.) - *«краса гимназии», учится превосходно, утешает и радует учителей и директора* [6, с. 403];
- 3) признание-шутка: *Я бедный, но честный человек и четверки чаю мне...мало* [6, с. 379];
- 4) признании-сообщение (*У меня наступает детородство. Нынче или завтра, или через неделю – готовым быть надо* [6, с. 242] и др.

Мера откровенности адресанта проявляется в теме признания, в глубине ее раскрытия; интенсивность чувств создается с помощью нарастания эмоционального тона в письме, вопросительной интонации, указывающей на волнение, употреблении лексики с семантическим признаком определенной эмоции, усилительных частиц (*Что мне делать с моим несчастным Николаем* (старший сын Ал.П. Чехова – А.Б.)? *Для гимназии он не годен. Меня пригласили его взять даже из частной гимназии, где за деньги все терпят* [6, с. 334]. А также братья Чеховы активно используют сравнения и метафоры, которые помогают им выразить отношение к той или иной ситуации, сравним: у Ал.П. Чехова: *«Никак не могу отделать так, чтобы почувствовать, что выполнил то, что задумал»; «Сюжет я взял не по силам»; «Моя пьеса - нечто в роде наказания за грехи»* [6, с. 230].

Ответ обычно содержит мотив признания-утешения, демонстрирующий отзывчивое отношение Антона Павловича к делам старшего брата, например:

«А я бы на твоём месте, будь я семейный, никому бы не позволил не только свое мнение, но даже и желание понять. Это мое «я», мой департамент «...» [8, Пис.1-57].

Характер отношений обоих братьев максимально доверительный, откровенный. Это общение, чаще всего, на равных, встречающее взаимопонимание и поддержку, что отражается в свободе самовыражения.

Особую роль в переписке братьев Чеховых играют обращения (вокативы), которые характеризуются стилевой разноплановостью, юмористической формой, одновременно с этим эмоционально-экспрессивной окрашенностью. Сравним ряд вокативов, которые употребляет Александр Павлович Чехов в своих письмах к брату, и которые показывают близость отношений между братьями:

К несчастью брат, Антоша, Милый Антошенька, Гейним, Стамеска, Фурор производящий брат мой Антон, Чехов I, Душенька, Государь мой Батюшка и Братец высокочтимый Антоний Павлович, Ты, Брате, Друзе и пр.

Кроме биографических сведений в письмах Ал.П. Чехова встречаются описания современников Александра Чехова, в том числе и многих петербургских литераторов. Так, например, он довольно часто упоминает о Н.А. Лейкине, редакторе журнала «Осколки», которого награждает эпитетом «хромоногий бог» (намек на хромоту Лейкина - А.Б.): «Грустно становится при мысли, что <...> хромоногий олимпийский бог кувыркатель <...> плохо чует носом писаку, который ему может если не теперь, то когда пресса пойдет рачьим шагом (а это я предвижу), пригодится ему. В эти близкие времена я буду полезен ему, но <...> уж не буду работать. Это как бог свят» (из письма А.П. Чехову 1884 года) [6, с. 96]: «Был я у Лейкина. Сей хромоногий бог Илиады, увеселявший жителей Олимпа в грустные минуты кувырканием, сообщил мне, что ты числишься у него в числе тех не аккуратных сотрудников, на которых положиться нельзя <...> Как и следовало ожидать, наш разговор состоял из перечисления громадного влияния г. Лейкина на самоуправление Питера (Лейкин был гласным Петербургской думы - А.Б.), десятков тысяч, платимых ему за его милостивое нежелание издавать свою газету» (из письма А.П. Чехову, 1885 год) [6, с. 112-113].

Особенно удачными в письмах Александра Чехова являются зарисовки быта и нравов провинции. Отдыхая в августе 1882 года в Таганроге, он писал братьям: «Юг, друзья мои, есть нечто вроде ... ну хоть объеденья. Воздухи благорастворены, настроение граждан мирное, из-за угла пришибательное, провизия дешева, словом - все как следует. Но уже в самом воздухе носится какая-то южная, расслабляющая лень. Мне теперь воочую понятна беготня северян и непроходимая лень хохла <...> Был перерыв - обед. С южным обедом вы достаточно знакомы, но тем не менее я едва ли удержусь сытым нутром от перечисления наших блюд. Мы ели: 1) Суп с рисом. 2) Судак или сула жареная плюс те бычки и селедки, которые были изловлены вчера. 3) Раки морские величиною с [...] любого благотворительного общества, 4) кукуруза, 5) говядина с картофелем, 6) превкусный некий соус из кабачков с раковыми шейками <...> И вся эта шестистопная музыка была изготовлена Полиной Ив. из той провизии, которую я купил на базаре за 60 к. Остатков от обеда хватило бы на целый тюремный замок г. Таганрога» [с. 66-67]; 2) Живут в маленьком городке крохотные паучки. Живут, копошатся, двигаются, женятся и плодятся. Приходит вдруг из Москвы «газета» с карриатурой на них. Паучки узнают в ней себя и брата авторов карриатуры осаждают политичными разговорами, из коих ясно: «они, мерзавцы, пропечатали. Боимся как бы и ты не махнул про нас что-нибудь.

Не Провинция ли, братцы?

По поводу этого тетушка Миличка сказала такую глубокомысленную фразу:

- Говорять - у вас в Москве - все такое-разное. Что сей сон обозначает, - не знаю, но фразу передаю стенографически» [6, с. 71].

Некоторые письма Александра Чехова написаны в пародийной манере.

Так, например, пародией на поздравительное письмо является одно из писем 1885 года:

«Собрату по /// перу Антону Павловичу Чехову Многоуважаемый и высокочтимый брат по перу и по нашей маменьке Евгении Яковлевне, Антон Павлович! Считаю своим долгом и священной обязанностью поздравить! поздравить!! Вас с днем Вашего Тезоименитства (17 генваря!) и не знаю чему более удивляться?(Тому ли, что в родстве с вами состою по перу или по матери Но я ужасно польщен и не нахожу слов для выражения. Позвольте подать Вам руку, чтобы пожать многоуважаемую Вашу. В то время, когда Вас поздравляют и тщатся поздравить такие лица, как все высокопоставленные и даже городовые, я позволил себе в своем литературном ничтожестве, пойти дальше передней и за Вашим Столом выразить Вам свои чувства. Примите же сей диффирамб:

Пять братьев мать нас родила
И всех на свет произвела.
Но Вы один в своем таланте,
Как модный фрак сидит на франте.
И я ничтожен перед Вами
Сияйте-ж Славою меж нами!
Ваш брат А. Чехов» [6, с. 109].

Примером пародии на письма XVI-XVII вв. может служить письмо 1902 года:

«Вотчина Удельна, априлия 17-й день, 1902 лета

Государь мой Батюшка и Братец высокочтимый Антоний Павлович,

Бьет тебе челом о великом празднике братишка твой и холоп Сашка Павлов сын Чехов, с паскудою женкою Наташкою и с робятами Антошкою да Мишкою. Жить тебе, милостивец, сто лет в радости да двести на карачках ползать <...> А было мне от тебя писанье открытое: отчего-де я оказии пропускаю и редко об себе, холопе твоём, вести пишу. И тому притчина есть, милостивец, которая есть старость моя со трудолюбием сугубо сотканная <...> В рассуждении весеннего времени, по грехам родительским, в опале состоим, хлад терпим и снегу гораздо и которые птицы прилетающие, назад улетают и гнезда не вьют. Быть тебе, милостивец мой, здраву, невредиму и веселу и супружнице твоей свет Ольгице (Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, жена А.П. Чехова - А.Б.) тоже веселою быть и к мужу своему страх и почтение чувствовать, а не хвостом по сорочьему вилять» [6, с. 403-405].

Во многих письмах Александром Чеховым даны описания быта семьи Чеховых, характеров отца, матери, братьев. Особенно часто он пишет об отце. Для примера можно указать на письмо 1877 года, в котором приведено и прокомментировано автором «Росписание делов и домашних обязанностей для выполнения по хозяйству семейства Павла Чехова живущего в Москве». По словам И.С. Ежова, это письмо – «талантливая иллюстрация к быту «семейства Павла Чехова», достойная статья рядом с лучшими юморесками Антоши Чехонте» [5, с. 24].

«Явившийся ко мне на днях член семейства Михаил Чехов 11 лет, сообщил что он подвергся наказанию за то что проспал лишние 8 минут, и не посмотрел на росписание причем в оправдание не было принято никаких доводов, даже и того, что человек спящий, если и станет (каким либо чудом) читать росписание, то все таки ничего не уразумеет. По сему поводу вышло виновному изусное дополнение росписания: «Ты встань и посмотри на росписание, не пора ли тебе вставать, если еще рано, так поди опять ляж» [6, с. 46]. Несколькими штрихами Александру Чехову удается обрисовать облик «отца семейства».

Помимо изображения семьи Чеховых, в письмах можно найти зарисовки из детства А.П. Чехова. В этой связи интересно письмо Александра Чехова, написанное в 1886 году, о котором Антон Чехов отозвался, как о «чертовски, анафемски, идольски художественном» [8, Пис.1-192]. Тон этого письма передает эмоциональную атмосферу

детства братьев: «Однажды, «друза» с тобой, я долго и тоскливо, глядя на твои игрушки, обдумывал вопрос о том, как бы мне избежать порки за полученную единицу», «тут впервые проявился твой самостоятельный характер, мое влияние, как старшего по принципу, начало исчезать. Как ни был глуп я тогда, но я начинал это чувствовать. По логике тогдашнего возраста, я, для того чтобы снова покорить тебя себе, охрел тебя жестянкою по голове. Ты, вероятно, помнишь это. Ты ушел из лавки и отправился к отцу. Я ждал сильной порки, но через несколько часов ты величественно, в сопровождении Г'аврюшки, прошел мимо дверей моей лавки и умышленно не взглянул на меня. Я долго смотрел тебе вслед, когда ты удалялся, и, сам не знаю почему, заплакал» [6, с. 132].

Поэтика некоторых писем Ал.П. Чехова напоминает поэтику рассказов Антона Чехова. Примером могут служить: письмо Александра Чехова 1880 года и рассказ Антона Чехова «Письмо к ученому соседу». По мнению М.П. Чехова, формой для этого рассказа «послужило письмо его деда Егора Михайловича к его отцу Павлу Егоровичу. В малой прессе конца 70-начала 80-х гг. пародийный жанр «посланий» и «писем» был распространен широко <...> Используя избитую жанровую форму, Чехов, решал новую для юмористической журналистики задачу: языковой строй «письма» был подчинен характеру лица, от имени которого оно сочинялось» [8, Соч.1-559].

При сопоставлении текстов письма и рассказа становится очевидно, что их манера и тон похожи.

Антон Чехов:

«Дорогой Соседушка! Максим ... (забыл как по батюшке, извините великодушно!). Извините и простите меня старого старикашку и нелепую душу человеческую за то, что осмеливаюсь Вас беспокоить своим жалким письменным лепетом <...> Давно искал я случая познакомиться с Вами, жаждал, потому что наука в некотором роде мать наша родная, все одно как и цивилизация и потому что сердечно уважаю тех людей, знаменитое имя и звание которых увенчанное ореолом популярной славы, лаврами, кимвалами, орденами, лентами и аттестатами гремит как гром и молния по всем частям вселенного мира сего видимого и невидимого» и т.п. [8, Соч.1-11].

Александр Чехов:

«Милостивый государь! Антон Павлович! В наш просвещенный 19-й век, когда сети железных дорог, подобно паутине обтягивают и обтягивают земной шар, когда телеграфные проволоки изрезают все меридианы и параллели, в наш век, говорю я, когда гордый дух человека высится все более и более в ущерб индивидуальным симпатиям - я получил ваше письмо и торжественно прочел его. Чтение вашего письма было для меня тем же, чем елей, текший по лицу и бороде пророка Самуила» и т.п. [6, с. 54]

Это позволяет предположить, что источники рассказа А.П. Чехова «Письмо к ученому соседу» могут быть различными. Рассказ был написан ранее 1880 года, а письмо относится к 1 августа того же года. В данном случае можно говорить о стилизации Александром Чеховым особенностей семейной эпистолярной манеры.

Письма Александра Чехова, разные по жанру, стилю, содержанию, демонстрируют незаурядные способности филолога, задатки талантливого писателя.

Эпистолярный жанр удается ему более, чем жанр художественной прозы.

Говоря о письмах Александра Чехова, наиболее полно отразивших его судьбу, хочется вспомнить фразу Петра Сорина, героя пьесы А. П. Чехова «Чайка»: «Вот хочу дать Косте сюжет для повести. Она должна называться так: «Человек, который хотел ...» [8, Соч. 13-48].

Письма Ал.П. Чехова составляют своеобразный эпистолярный роман. Это история жизни и творчества человека, который хотел многого, но далеко не всего достиг.

Библиографический список

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма. М.: Русский язык, 1981.
2. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Язык русской культуры, 1998.
3. Белнап Р. Сюжет, практика и теория // American contributions to the nient international congress of slavists Kiev, September 1983. Vol. II. Columbus, Ohio. 1983.
4. Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX-начала XXв. Жанр и текст письма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
5. Ежов И.С. Александр Павлович и его переписка с братом Антоном Павловичем // Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова. М.: Соцэкгиз, 1939.
6. Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова. М.: Соцэкгиз, 1939.
7. Тодд III У.М. Литературное письмо как жанр в пушкинскую эпоху. СПб.: Академический проект, 1994.
8. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Письма в 12-ти т. М.: Наука, 1974-83 гг.
9. Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов. Биография писателя. М.: Просвещение, 1987.
10. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.

References

1. Akishina A. A., Formanovsky N. I. Etiket of the Russian letter. M.: Russian, 1981.
2. Arutyunova N. D. Communication genres//Arutyunova N.D.Yazyk and world of the person. M.: Language of the Russian culture, 1998.
3. Belnap R. Plot, practice and theory//American contributions to the nient international congress of slavists Kiev, September 1983. Vol. II. Columbus, Ohio. 1983.
4. Belunova N. I. Friendly letters of the creative intellectuals of the end of the XIX beginning of HHv. Genre and text of the letter. SPb.: St.Petersburg State University publishing house, 2000.
5. Ezhov I. S. Alexander Pavlovich and his correspondence with the brother Anton Pavlovich//Letters to A. P. Chekhov of his brother Alexander Chekhov. M., 1939.
6. Letters to A. P. Chekhov of his brother Alexander Chekhov. M., 1939.
7. Todd III U. M. The literary letter as a genre during a Pushkin era. SPb., 1994.
8. Chekhov A. P. Complete works and letters in 30 t. Letters in 12 t. M.: Science, 1974-83.
9. Chudacov A. P. Anton Pavlovich Chekhov. Biography of the writer. M.: Education, 1987.
10. Chudacov A. P. Poetika Chekhova. M.: Science, 1971.

УДК: 82

*Санкт-Петербургский государственный
Медицинский университет им. И.И. Меч-
никова*

*канд. филол. наук, доцент кафедры рус-
ского языка*

Белова А.В.

*Россия, Санкт-Петербург, +79119447714
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

*St. Petersburg State Medical University
named after I.I. Mechnikov*

PhD, assistant professor of Russian language

Belova A.V.

*Russia, Saint-Petersburg, +79119447714
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

А.В. Белова

«БРАТ ПРЕДЫДУЩЕГО». ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АЛЕКСАНДРА ЧЕХОВА

В статье описывается творческий путь Александра Чехова, писателя, публициста, автора мемуаров о А.П. Чехове.

Ключевые слова: Александр Чехов, личность, биография, творчество.

A.V. Belova

«BROTHER OF THE PREVIOUS». CREATIVE WAY OF ALEXANDER CHEKHOV

The article describes the creative path of Alexander Chekhov, writer, publicist, author of memoirs about A.P. Chekhov.

Key words: Alexander Chekhov, personality, biography, creativity.

Судьба Александра Чехова-литератора сложилась как судьба писателя средней руки. «Человек, мучимый творческой недоволенностью», так говорит об Александре Павловиче Чехове Е.М. Гушанская в своем предисловии к книге «Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка» [1, с. 39].

В разное время в журналах и газетах, таких как: «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Развлечение», «Москва», «Русский сатирический листок» и мн.др., писателем Александром Чеховым было опубликовано большое количество рассказов и фельетонов (из сохранившихся - более 200) под своим именем и под псевдонимами: А. Седой, Агафопод Единицын, А.Чеховъ, Алоэ, Пан Халявский и др. Отдельно изданные книги:

А. П. Седой. В погоне за теплом и солнцем. — СПб., 1913;

А. Седой (Чехов). Из детства А. П. Чехова. — СПб., 1912;

А. Седой. В гостях у бабушки и дедушки. — СПб., 1912;

А. Седой (Ал. Чехов). Хорошо жить на свете! Повесть. — СПб., 1904

А. Седой. Княжеские бриллианты [и др. рассказы]. — СПб., 1904;

А. Седой. Святочные рассказы. — СПб., 1895;

А. Седой. Птицы бездомные [и др. рассказы]. — СПб., 1895;

Александр Чехов. Исторический очерк пожарного дела в России. — СПб., 1892 [14].

Свой литературный путь он начинает с юмористической печати. В течение ряда лет печатается в различных изданиях; с 1886 года становится штатным сотрудником газеты «Новое время», в которой он проработал почти 27 лет, до самой смерти. «Я в Питере устроился у краюхи», - напишет Александр Чехов Антону Павловичу в письме 1887 года [4, с. 186]. Солидное издание, постоянное место привлекают его: «Теперь я, после долгих скитаний, нащупал, наконец, как мошка усамы дорогу и не сойду с нее, - писал он Антону Чехову в августе 1888 года. - Теперь, я думаю, когда мне уже только один год остался до 35, я сел как следует» [4, с. 214].

Антон Павлович, будучи сам в течение ряда лет «нововременцем», в конце концов порывает с газетой: «Мое сотрудничество в «Новом времени не принесло мне, как литератору, ничего, кроме зла», - признается он старшему брату в 1891 году [П10, с. 4-288]. Он неоднократно предостерегает Александра: «Держись в стороне от этих сукиных сынов и не восхваляй их. Это гнусное племя» [П10, с. 5-233], «Как не как, а в общем Новое Время производит отвратительное впечатление ... Это не газета, а зверинец, это стая голодных, кусающих друг друга за хвосты шакалов, это черт знает, что!» [П10, с. 8-77].

Но, несмотря на предупреждения брата, Александр Чехов не уходит из газеты.

Долголетняя работа в этом издании существенно повлияла на формирование общественных воззрений Ал.П. Чехова.

В 1888 году он пишет А.П. Чехову: «В редакции все по-старому. Я расхрабрился и стал катать статьи <...> Суворин поощряет, а Буренин находит, что на этом поприще я могу сделать более, чем на беллетристическом и даже смогу обособиться настолько, что перестану быть только братом писателя и получу собственную, забитую теперь твоей глорией физиономию» [П10, с. 194].

Отзываясь о публицистике старшего брата, отражавшей его взгляды, Антон Чехов писал А.С. Суворину в 1890 году: «Мой брат Александр несообразительный человек. Он в восторге от миссионерской речи прот. Орнатского, который говорит, что инородцы не крестятся-де потому, что ждут на сей предмет особого царского указа (т.е. приказа) и ждут, пока окрестят их начальников ... (понимай - насильно). Говорит также сей велеречивый понтифекс, что инородческих священников, в виду их аскетического образа жизни, следовало бы убрать от инородцев и посадить в особые помещения в роде как бы монастыри. Хороши, нечего сказать! Потратили 2 миллиона рублей, выпускают из академии ежегодно десятки миссионеров, стоящих дорого казне и народу, крестить не умеют, да еще хотят, чтобы им помогали полиция и милиция огнем и мечом! Говорит поп, что окрестили 80.000 - стереотипное число, которое я слышу уже несколько лет. Сообщение свое об этой речи Александр кончил во вкусе преподобных отцов, обнаружив самую, что ни на есть младенческую доверчивость. Скажите ему, что он гусь лапчатый» [П10, с. 4-24].

Помимо газеты «Новое время», Александр Чехов, в разные годы, сотрудничает в других изданиях: «Осколках», «Новостях дня», «Кавказе», «Смоленском вестнике», «Новороссийском телеграфе», «Историческом вестнике» и т.д. Некоторое время он состоит редактором журналов «Слепец», «Пожарный», «Вестник Российского о-ва покровительства животных».

Разносторонние познания Александра Чехова открывают для него возможности стать талантливым писателем, публицистом. Но этого не происходит. «Природа не всякому дарит мысль, способную не только вобрать в себя большие знания, но и самостоятельно их переварить и создать на их основе целостное мировоззрение» [4, с. 12].

В отличие от Антона Чехова, Александр Чехов не направляет все силы на оттачивание своего литературного дарования, оставаясь на одном уровне и не продвигаясь вперед.

Поначалу он пишет «сценки» развлекательного характера, следуя направлению юмористической прессы 80-90-х.

Затем переходит к рассказу и повести.

Среди его рассказов можно выделить несколько таких, которые по своему уровню достойны принадлежать крупному беллетристу, например: «Бабье горе», «На маяке», «Старый Махмутка» и др. В рассказе «Старый Махмутка» автором создан образ старика-турка, бывшего контрабандиста. Суть рассказа сводится к следующему. Двое сыновей Махмутки, не послушав предостережения отца, в сильный шторм отправляются на шлюпке, полной контрабанды. Не сумевший остановить сыновей, Махмутка понимает, что гибель их неминуема. Душевное состояние главного героя автор передает посредством выражения лица и позы: «На лице Махмутки выразилось глубокое отчаяние. По щекам потекли слезы» [7, с. 37]. «Затем у него в старческих глазах вдруг блеснула искра и во всей фигуре высказалась решимость» [7, с. 37]. Махмутка решается на дерзкий план. Он уговаривает таможенников поймать двух бандитов, незаконно везущих большую партию табака. Уловка срабатывает и таможенный корабль отплывает на поиски шлюпки. Шторм усиливается. Возможно, что контрабандисты уже погибли. «Капитан взглянул в лицо Махмутки. Махмутка не обращал внимания на качку, смотрел по-прежнему, как ястреб, вперед, и иногда только лицо его вздрагивало» [7, с. 39].

Пойманных беглецов сажают на корабль, который направляется к берегу, но внезапно сыновья Махмутки по очереди бросаются в бушующие волны. Их гибель очевидна для всей команды корабля. Александр Чехов показывает нам состояние старика-отца: «Махмутка сидел, поджав под себя ноги, был бледен, но лицо его выражало полное спокойствие» [7, с. 43]. Вечером того же дня капитан таможенного корабля, зайдя в духан, случайно наталкивается на Махмутку, сидящего в обществе сыновей, в которых капитан узнает погибших контрабандистов. «Они показывали ему жестами, как они плыли, как боролись с волнами <...> Махмутка умилялся и плакал» [7, с. 44]. Капитан вдруг понимает поведение старого Махмутки и его сыновей, которых он спас, сам того не ведая. Автор рисует многоплановый образ главного героя: это и хитрый, мудрый старик, умелый актер; любящий отец. Определение «старый», вынесенное в заголовок рассказа, кажется, подчеркивает эту многоликость образа Махмутки: старый - то есть мудрый, дряхлый, слабость (слабость как любовь к сыновьям, ради которых старик решается на рискованный план).

Рассказ «Бабье горе» начинается словами: «Над Варварой стряслось горе». Двенадцать лет, возвращаясь вечером со стирки или поденщины домой, она находила мужа Афанасия пьяным и после изрядной ругани била его <...> Афанасий, даже после побоев, <...> проявлял энергичную жизненность, давая супруге сдачи <...> Такое ежедневное исполнение взаимных супружеских обязательств вошло в привычку» [7, с. 150-151]. И далее: «Когда Афанасий допивался до белой горячки и попадал в больницу, Варваре чего-то не хватало и по возвращении с работы она чувствовала себя чего-то не сделавшей и страшно не удовлетворенной» [7, с. 152].

И вдруг «случился казус». Там же. В один из дней Афанасий перестал пить и пришел домой трезвым. Ежедневный ритуал Варвары становится бессмысленным. Более того, вскоре Афанасий исчезает из дома, оставляя Варвару в сильном горе. Нарушен порядок жизни, такой, хоть опостылевший, но привычный. Долгое время ждавшая возвращения мужа, Варвара отправляется со своей соседкой к гадалке, которая предсказывает судьбу любого человека по книжке со стихами.

Сцена с гадалкой написана с юмором и одновременно с сочувствием к героине. Рассказав об исчезновении мужчины, пьющего, имеющего жену и пятерых детей, женщины ждут одного ответа: жив ли Афанасий. Гадалка, с мудрым видом полистав книжицу, отвечает, повторяя перечисленные приметы Афанасия, что в данный момент можно ответить так: вполне возможно, что муж Варвары жив, но может быть он уже и умер. «Обе женщины, - пишет автор далее, - ушли вполне удовлетворенными и уверовавшими. Ворожея насчет мужского пола, пьянства и пятерых детей отгадала верно, стало быть (!), и все остальное тоже верно и не подлежит ни малейшему сомнению. На этом основании жилица (соседка Варвары - А.Б.) вынесла убеждение, что Афанасий еще жив, а Варвара - что он уже помер» [3, с. 96]. Жизнь Варвары становится бесцельной. Но «скоро на том месте в каморке, где прежде сидел пьяный Афанасий, появилась новая мужская фигура, и тоже с нетрезвым ликом, но с повелительными замашками... Нельзя же беззащитной женщине жить на свете одной, без опоры (!) ... Так все на этом свете хило, дрябло и превратно» [7, с. 99] - философски подытоживает Александр Чехов. Но не все, оказывается, на свете хило, ибо происходит чудо (о котором автор говорит, что чудо это вполне объяснимо) и появляется «воскресший» Афанасий, более того, «непьющий». Радость Варвары велика. Афанасий усаживается за стол и, не испытывая неприязни к сидящему рядом преемнику, восклицает: - Я не пью, но «для дорогой супруги и я разрешу за благополучное возвращение... После этого счастливого возгласа всем показалось, будто пережитое горе улетело далеко прочь», - заканчивает рассказ Александр Чехов. [7,165]. Тон автора по отношению к своим героям не обличительный, а скорее сочувствующе-ироничный: например, испитое лицо сожителя Варвары он насмешливо называет ликом. Для героини рассказа горем становится не образ ее жизни, а лишь его нарушение. Если уклад жизни не могут изменить сами герои, то кто же может его изменить?

Многие произведения Александра Чехова проникнуты преувеличенным оптимизмом и идеализацией действительности. Так, в рассказе «Педагогический скандал» он рассказывает о директоре гимназии, поразительно добром человеке, который, вместо наказания, проникается лаской к гимназисту, сыну столяра-гробовщика, учинившего «педагогический скандал». Скандал этот заключался в том, что отец посылал сына за

водкой и принуждал к участию в похоронах ради заработка. Подобный рассказ, написанный в эпоху классической гимназии, несомненно являлся легендой.

«Александр Чехов скользит по поверхности действительности, не обнаруживает способности глубоко проникать в ее сущность, разобраться в ее подлинных красках и увидеть ее настоящее лицо. Он не поставил ни одной значительной проблемы и не осветил новым светом ни одного явления жизни» [4, с. 15]. Например, его повесть «Хорошо жить на свете!», написанная в 1904 году, рассказывает о жизни трех студентов. Она, несомненно, носит автобиографический характер: кажется, что Александр Чехов рассказывает о своих студенческих годах. Герои повести - трое студентов: два брата - Андрей и Владимир Брусовы (ставшие, вероятно, прообразами студенческих друзей Александра Чехова - братьев Третьяковых) - богатые студенты, Первый отличается наклонностью к кутежам, второй - к философским занятиям; третий студент - Антон Зарудный - бедняк, по словам автора – «парень-рубашка», живущий со своей молодой подругой, вмещающей в себя бездну премудрости и добродетели (возможно, поэтому Александр Чехов дает ей имя Софья). Жизнь студентов описывается как череда пирушек и застолий, увлечений и интрижек, размышлений и разговоров на разные темы. В конце повести автор приводит своих героев к счастливому итогу: студенты благополучно заканчивают университет и после безмятежной и праздной студенческой жизни их ожидает не менее благополучное существование.

Повеса находит свое счастье в жене-красавице (!); его брат - философ становится учителем прогимназии. Студент-бедняк, в награду за годы бедности и целомудрия, получает доходное место и женится на своей верной подруге, которая делается совершенной во всех отношениях женой, творя чудеса в семейном хозяйстве. Финал повести венчают три восклицания, каждое из которых несет в себе ключевую фразу, служащую заголовком повести: «Хорошо жить на свете!». Данное утверждение приходит на ум каждому из трех героев, совершенно довольных своей жизнью: «Под впечатлением своей семейной жизни, радушия окружающих и соседей, и при мысли, что я могу хоть чем-нибудь послужить родине, у меня на душе делается весело и легко и я часто повторяю себе: как я счастлив, что я живу и как хорошо жить на свете!» [8, с. 294]. (Андрей Брусов, конец 28 главы), «Хорошо, ах, как хорошо жить на свете!» [8, с. 304] (Антон Зарудный, конец 29 главы), «Мир, действительно чудесен в своих проявлениях и атрибутах, и всякий из нас черпает из мира наслаждение и счастье. Всякий берет из него то, что ему доступно ... Я чистосердечно прихожу к решению, что мы все трое, идущие по различным путям, - одинаково правы и что, действительно, на свете жить хорошо» [8, с. 305-306] (Владимир Брусов, конец последней 30-й главы). Вероятно, идея повести сводится к следующему: полная развлечений молодость прошла, есть, о чем вспомнить, но пришло время браться за дело - воздвигать уютное семейное здание, загораживающее от суровой действительности.

Основная проблематика рассказов Александра Чехова «Цепи», «Разлучница», «Средние люди» и др. сводится к рассказу о неурядицах семейной жизни. Но дальше изложения этих проблем автор не идет.

Главный герой рассказа «Цепи» (1895) - доктор Ковров, женатый по расчету на нелюбимой женщине, отправляется с визитом к больной, в которой узнает некогда любимую им даму, Ольгу Николаевну. Судьба ее сходна с судьбой Коврова: она замужем

за стариком. Герои вспоминают прошлое чувство и понимают, что оно не угасло со временем. Они решаются разорвать цепи несчастливых браков и соединиться, бежав вдвоем. Но препятствием для Коврова становятся дети. Он понимает вдруг, что не сможет их оставить. "Его личное счастье показалось ему пошлым и ничтожным в сравнении с тем грядущим, великим и разнообразным, которое ожидало его детей и которое было теперь всецело в его руках. Ему было жаль себя, своей так неумно израсходованной жизни, но какой-то голос внутри его ясно и определенно говорил: «Ты прав!». В записке (адресованной Ольге Николаевне - А.Б.) была только одна строка: «У меня дети. Не могу» [7, с. 34]. Цепи оказываются слишком прочны, чтобы их порвать. Герои рассказа показаны автором без какого-либо душевного развития, последовавшего и, отчасти предшествующего настоящим событиям, описанным в рассказе. Концовка рассказа кажется малоубедительной.

Для сравнения можно привести рассказ Антона Павловича Чехова «О любви», герои которого находятся в похожей ситуации, когда необходим выбор между чувствами и устоями жизни.

Различие в манерах Антона и Александра Чеховых заключается в том, что герой Александра заранее нам ясен и поступки его мы можем предугадать, тогда как поведение героев рассказа Антона Чехова остается непредсказуемым. В рассказе А.П. Чехова показан внутренний мир главного героя, его душевная работа в понимании, что есть любовь в жизни человека. Сам рассказ строится как мини-роман. История любви Алехина и Анны Алексеевны рассматривается в аналогии с историей любви Пелагеи и Никанора, упомянутой в начале рассказа, и с помощью которой вводится в него тема любви. Ни Алехин, ни Анна Алексеевна также не в силах разорвать цепи, мешающие им соединиться: они руководствуются трезвыми, приземленными принципами, не желая принести друг другу возможное (!) несчастье, боясь ошибки, думая о близких людях, которых они могут сделать несчастными. Но вывод, к которому приходит Алехин, опровергает все сомнения и страхи. Перед ним открывается правда жизни, мимо которой он прошел: «Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе» [Соч.10, с. 10-74]. Большинство остальных рассказов Александра Чехова являются развлекательным чтением, не претендующим на глубину темы (например, сборник «Святочные рассказы» 1895 г.).

В последние годы жизни ради заработка он берется за сочинение занимательного чтения в «Ведомостях С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции»: «Пишу глупые большие романы, от которых градоначальник приходит в восторг» [4, с. 407]: «Живу я писанием третьего глупого исторического романа в «Полицейских ведомостях». Был напечатан «Наполеон в Москве», печатается «За правого – бог» и в 1904 году будет печататься ... под титулом «На высотах Кавказа». Все эти романы то же самое, что «Страшная ночь или Чорная звезда» и т.п. Каждый из них дает мне полторы тысячи в год. Этим и живу. У доброго господина Суворина зарабатываю весьма мало», - напишет он в письмах к Антону Чехову в 1903 году [4, с. 412].

Александр Павловичу Чехову принадлежат воспоминания о брате Антоне Чехове: «В гостях у дедушки и бабушки», «Из детства А.П. Чехова», «В Мелихове» и др.

В мемуарах А. Седого присутствует черта - субъективность, свойственная его художественным произведениям.

«Автор не сумел подняться над тем личным чувством, каким были окрашены для него события <...> нелегкого детства А. Седой ничего не присочинял, но создал столь унылый, беспросветный <...> колорит, что становится неясно, как мог физически и морально выжить кто-либо в такой обстановке» [14, с. 17]: «Жизнь Антоши была очень тяжела и совсем не согласовалась ни с его возрастом, ни с наклонностями. Ему нужно бегать, развиваться <...>, а его обрекают на бездействие и на сидячую жизнь по несколько часов подряд» [6, с. 9] и т.п. Воспоминания демонстрируют также литературную несамостоятельность Ал.П. Чехова.

Например, на очерк «Чехов в греческой школе», по мнению А.П. Чудакова, явно оказали влияние «Очерки бursы» Н.Я. Помяловского. Тексты мемуаров построены в виде цепочки «сценок». Каждая «сценка» - эпизод из жизни мальчика-Чехова. При прочтении книги «Из детства А.П. Чехова» мы узнаем о формировании характеров Саши и Антоши Чеховых. Будучи самыми старшими, мальчики были вынуждены помогать отцу работать в лавке. Труд это был очень тяжелый, с самого раннего утра и до позднего вечера дети по очереди высидивали в духоте в ожидании редкого покупателя, которого они должны были обслужить. Даже уроки по приказу отца дети должны были делать в лавке. «Дети утверждают, что, благодаря лавке, - пишет Ал.П. Чехов, - жизнь они ведут «каторжную». Саша уверенно твердит, что отец их Павел Егорович - плантатор, а они, дети - невольники. На этом основании «угнетенный» Саша ухитряется в течение месяца раз двадцать застрелиться, столько же раз повеситься и утопиться и не менее десяти раз отправиться на тот свет, не определяя заранее рода смерти. Антоша относится и к «плантаторству», и к «невольничеству», и к «каторге» не так бурно. Он гораздо покорливее, жалуется на невзгоды только про себя и отвечает на все «притеснения» только слезами» [6, с. 9].

Обычное утро Антоши Александр Чехов описывает так: «Мучительный день для Антоши начинается с пяти часов утра <...> Город еще спит. Жизнь начинается не ранее шести-семи часов. К чему же и для чего Павел Егорович приказывает отпираться лавку в такую рань? Зачем он отнимает у служащих и у сына самые сладкие и самые благодетельные часы сна?» - [6, с. 10].

О непреклонном и деспотичном характере свидетельствует и его желание видеть детей, приобщенных к Богу пением в церковном хоре: «Павел Егорович деловито и серьезно дирижирует рукой, а дети поют. Коля дискантом, Антоша альтом, Саша - тенором ... Маленький Ваня только подтягивает, потому что еще не знает нот, но обязан петь по слуху вслед за братьями» [6, с. 68]. По словам Ал Чехова, отец «был глубоко убежден в том, что заставляя своих малолетних детей петь в церквях, он делает хорошее и богоугодное дело, и не поддавался никаким резонам и убеждениям <...>: - Это - дело богоугодное, а выспаться и набегаться они всегда успеют!» [6, с. 70].

Деспотизм отца Ал.Чехов показывает не только по отношению к родным, но и по отношению к посторонним людям. Так, участвуя в церковных песнопениях, Павел Егорович каждое слово пропевал четко и внятно, как бы наслаждаясь звуками. И если служитель церкви какие-то фразы проговаривал по привычке быстро, Павел Егорович подхватывал фразу и проговаривал ее полностью. От этого служба затягивалась по сравнению с другими церквями в городе, и прихожане оставались недовольными, устав долго стоять и слушать. На все замечания Павел Егорович строго отвечал, что считает

долгом каждого соблюдать благолепие божественной службы. Вскоре, из-за невозможности петь в церкви, Павлу Егоровичу приходит мысль создать домашний хор. Новая мука ожидает мальчиков. «У Антоши, - пишет Александр Чехов, - к огорчению Павла Егоровича совсем не оказалось ни голоса, ни слуха, а у Коли побаливала грудь: но это нисколько не смутило бывшего регента и обучение пению продолжалось. Антоша очень часто плакал и никак не мог понять, чего от него требуют» [6, с. 74].

Любопытно, что позднее, рассказывая о жизни взрослого уже Антона Чехова с семьей -отцом и матерью - в Мелиходе, Александр Павлович несколько иначе подходит к описанию отца. в старости, по словам Ал.П. Чехова, он не изменяет своему властному характеру, даже живя в доме сына Антона. Но при этом Ал.П. Чехов добавляет фразу, объясняющую и как бы оправдывающую поведение Павла Егоровича: «Отец прошел тяжелую жизненную школу. С детства его отдали в мальчишки-лавочки и колотили нещадно» [11, с. 139].

Детские годы маленьких Чеховых были настолько тяжелы, по словам А. Седого, лишены развлечений, что возможная поездка Антоши и Саши в деревню Крепкая к любимым деду и бабушке приводят мальчиков в восторг («В гостях у дедушки и бабушки», 1912). Детское воображение рисует им бескрайние поля, красоты южной природы, всевозможные забавы. Они уверены, что проведут в деревне незабываемые каникулы. Но поездка оказывается неудачной, полной неожиданностей и разочарований. В доме дедушки и бабушки дети чувствуют себя лишними. Неприкаянные и голодные, после одного-двух дней пребывания в деревне, они страстно желают одного: вернуться домой.

В связи с текстом воспоминаний Александра Чехова «В гостях у дедушки и бабушки» интересно вспомнить повесть А.П. Чехова «Степь» (1888), которая явно носит следы автобиографического характера.

Традиционно считается, что в связи с творчеством А.П. Чехова нельзя говорить о прототипах в прямом смысле слова. Тем не менее очевидно, что в повести автор опирается на свои детские воспоминания. Эту мысль можно подтвердить цитатами из повести Антона Чехова, в сравнении с текстом воспоминаний Александра Чехова.

Антон Чехов:

«Перед глазами ехавших расстилалась <...> широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов <...> Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля - все побуревшее от зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росой и обласканное солнцем, оживало, чтоб вновь зацвести <...> В траве перекликались суслики, где-то далеко плакали чибисы <...> летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелою несется над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно. А вдали машет крыльями мельница» [Соч.10, с. 16-17].

Александр Чехов:

«Минут через десять мы были уже в степи, переживавшей в июле вторую половину своей молодости. Все степные растения спешат отцвести к июню и в июле дают уже семена, а сами блекнут, бурют и сохнут. Но и в эту пору степь прекрасна своим широким простором и курганами. <...> Виден <...> плавно парящий коршун.

Крылья его почти неподвижны и он каким-то чудом держится в воздухе потом вдруг, свернувшись клубком, стремительно падает на землю, как камень, и вновь взви-

ваются вверх, но теперь уже с добычей. Низко над травой и бурьяном летают разноцветные бабочки, а в самой траве, сидя на задних лапках, свистят суслики» [5, с. 25-26].

Антон Чехов:

«Вдруг рванул ветер, и с такой силой, что едва не выхватил у Егорушки узелок и рогожу <...> Загремел сердито гром <...> Чернота на небе раскрыла рот и дыхла белым огнем: тотчас же опять загремел гром: едва он умолк, как молния блеснула так широко, что Егорушка сквозь щели рогожи увидел вдруг всю большую дорогу до самой дали <...> Вот, наконец, ветер в последний раз рванул рогожу и убежал куда-то. Большая холодная капля упала на колено Егорушки <...> Что-то посыпалось и застучало по дороге, потом по оглобле, по тюку. Это был дождь. Он и рогожа, как будто поняли друг друга, заговорили о чем-то быстро, весело и препротивно, как две сороки» [С10, с. 85-86].

Александр Чехов:

«Яркая ослепительная молния перерезала небо от одного края до другого и на миг осветила всю степь со всеми ее подробностями < . . . > грузно ударила об мою рогожу первая крупная капля дождя, и не успел я опомниться, как вдруг с неба обрушился жестокий ливень <...> Когда вспыхивала молния и на миг освещала дождь, то перед нашими глазами открывались не нити дождя, а сплошная стена воды без разрывов, точь-в-точь, как рисуют низвергающуюся воду в водопаде» [5, с. 44-45].

Описание степи и сцена грозы имеют явную аналогию в тексте старшего брата, написанного намного позже повести...

Ритмика текста у обоих писателей опирается на одни и те же ключевые детали. В первом случае это - бурые от зноя растения, холмы-курганы, суслики, коршун. Во втором - рогожа, молния, первая капля дождя, ливень.

Отдельные эпизоды повести, позднее, точно воспроизведены Александром Чеховым в тексте воспоминаний: встреча со злыми степными овчарками; остановка в еврейской семье (образ хозяйки) и т.д. Интересен образ отца Христофора, созданный А.П. Чеховым, который напоминает манерой речи и поведением Павла Егоровича, подробно описанного Александром Чеховым в мемуарах.

«- Отец Христофор! - сказал укоризненно Кузмичев. - Пора ехать, уж лошади готовы, а вы, ей-богу ... - Сейчас, сейчас ... - забормотал о. Христофор. - Кафизмы почитать надо ... Не читал еще нынче ...

Целую четверть часа о. Христофор стоял неподвижно лицом к востоку и шевелил губами, а Кузмичев почти с ненавистью глядел на него и нетерпеливо пожимал плечами. Особенно его сердило, когда о. Христофор после каждой «славы» втягивал в себя воздух, быстро крестился и намеренно громко, чтоб другие крестились, говорил трижды:

- Аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава тебе, боже!

Наконец, он улыбнулся, поглядел вверх на небо и, кладя псалтырь в карман, сказал:

- Гы! (Кончил!)» [Соч.10, с. 28].

Задача Александра Чехова в мемуарах сводилась к изложению фактов, приближенному по форме к беллетризованным воспоминаниям. Но в его текстах чувствуется,

несвойственная ему в художественных произведениях, творческая манера, заимствованная у А. П. Чехова. Текст «Степи», разумеется, был хорошо знаком Александру Чехову, и спустя более двадцати лет после написания А.П.Чеховым повести «Степь», он невольно возвращает поэтику речи брата в свои воспоминания.

Библиографический список

1. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка. Москва: Захаров, 2012. 960 с.
2. Афанасьев Н. <Некролог > // Новое время. № 13355 от 18 (31) мая. СПб. 1913.
3. Писатели чеховской поры: избранные произведения писателей 80-90-х годов. М. 1982. Т.1.
4. Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова. М.: Соцэкгиз, 1939.
5. Седой А. В гостях у бабушки и дедушки. Страничка из детства Антона Павловича Чехова. СПб.: Типография Л. Я. Ганзубра, 1912.
6. Седой А. Из детства А.П. Чехова. СПб., 1913.
7. Седой А. Княжеские бриллианты. СПб., 1904.
8. Седой А. Хорошо жить на свете ! СПб., 1904.
9. Тихомиров С.В. Чехов Александр Павлович // Русские писатели. Библиографический словарь в 2-х т. М.: Просвещение, 1990. Т. 2.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Письма в 12 т. М.: Наука, 1974-82 гг.
11. Чехов М.А. Литературное наследие. В 2-х т. М. 1986. Т. 1.
12. Чехов М.П. Вокруг Чехова. М.: Московский рабочий, 1980.
13. Чехова М.П. Из далекого прошлого. М.: Наука, 1960.
14. Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов. М.: Просвещение, 1987.

References

1. Alexander and Anton Chekhov. Memories, correspondence. Moscow: Zakharov, 2012. 960 p.
2. Afanasyev N. <Obituary> // New time. N13355 on May 18 (31). SPb., 1913.
3. Writers Chekhov's time: selected works of writers 80-90-ies. M., 1982. T. 1.
4. Letters from A.P. Chekhov his brother Alexander Chekhov. Moscow: Sotsakgiz, 1939.
5. Gray-haired A. A visit to my grandfather and grandmother. A page from the childhood of Anton Pavlovich Chekhov. St. Petersburg .: Typography L. Ya. Ganzubra, 1912.
6. Gray-haired A. From childhood A.P. Chekhov. St. Petersburg, 1913.
7. Gray-haired A. Princely Diamonds. SPb., 1904.
8. Gray-haired A. It's good to live in the world! SPb., 1904.
9. Tikhomirov S.V. Chekhov, Aleksandr Pavlovich // Russian writers. Biobibliographic dictionary in 2 volumes. M.: Prosveshchenie, 1990. T. 2.
10. Chekhov A.P. Complete works and letters in 30 tons. Letters in twelve volumes. M.: Nauka, 1974-82.
11. Chekhov M.A. Literary heritage. In two volumes, M., 1986. Vol.1.
12. Chekhov M.P. Around Chekhov. M.: The Moscow Worker, 1980.
13. Chekhov M.P. From the distant past. M.: Nauka, 1960.
14. Chudakov A.P. Anton Pavlovich Chekhov. M.: Enlightenment, 1987.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.161.1.36 (=811.582.3)

Воронежский государственный университет

канд. филол. наук, доцент

Погорелова М.В.

Россия, Воронеж, тел. +7(915)588-95-06

e-mail: mpogorelova@yandex.ru

Voronezh State University

PhD, assistant professor

Pogorelova M.V.

Russia, Voronezh, +7(915)588-95-06

e-mail: mpogorelova@yandex.ru

магистр филологии

Срибуньякорн Д.

Таиланд, Суханбури

e-mail: teippespb@gmail.com

Master of Philology

Sribunyakorn J.

Thailand, Suphanburi

e-mail: teippespb@gmail.com

М.В.Погорелова, Д.Срибуньякорн

ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ И ТАЙСКИХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СИНТАКСЕМ

Темпоральные синтаксемы – это элементы структуры предложения, которые обозначают время ситуации. Набор темпоральных синтаксем как в русском, так и в тайском языке представляет собой сложную систему. В статье предпринята попытка сопоставить эти системы и выявить эквивалентность темпоральных синтаксем двух языков.

Ключевые слова: русский язык; тайский язык; языковая картина мира; синтаксис; темпоральные синтаксемы.

M.V. Pogorelova, J. Sribunyakorn

THE TYPES OF TEMPORAL SYNTAXEME IN RUSSIAN AND THAI

The temporal syntaxemes are the elements of structure of the sentences that indicate the time of situation. The list of temporal syntaxemes in Russian and in the Thai language is a complex system. The article attempts to compare these systems and identify equivalence of analyzed forms in both languages.

Key words: Russian language; Thai language; language picture of the world; syntaxe; temporal syntaxeme.

Темпоральные синтаксемы – это элементы структуры предложения (слова, словоформы, синтаксически нечленимые словосочетания), которые характеризуют действие или ситуацию с точки зрения их существования во времени.

Набор темпоральных синтаксем в русском языке представляет собой довольно сложную систему, которая очень по-разному, зачастую противоречиво, классифицируется в работах разных исследователей.

Например, в учебнике «Синтаксис: практическое пособие по русскому языку как иностранному» все формы, выражающие время, разделены на 5 групп: 1) обозначающие определенные и неопределенные временные отрезки (*Мы встретились в два часа*); 2) обозначающие время действия, имеющего границы (*Магазин работает с восьми до десяти часов*); 3) обозначающие время повторяющегося действия (*Каждое утро она делает зарядку*); 4) обозначающие последующее время (*После обеда он ушел*); 5) обозначающие временное предшествование (*Перед занятиями он зашел в библиотеку*) [2; с. 249-304].

Распределение указанных в пособии «Синтаксис: практическое пособие по русскому языку как иностранному» предложно-падежных форм по группам можно представить в виде таблицы:

Родительный падеж	Дательный падеж	Винительный падеж	Творительный падеж	Предложный падеж
1. Обозначение определенных и неопределенных временных отрезков				
В течение + Р.п. Во время + Р.п.		В.п. В + В.п. За + В.п. На + В.п. Целый + В.п. Весь + В.п.	За + Т.п.	В + П.п. На + П.п. При + П.п.
2. Обозначение времени действия, имеющего границы				
С Р.п. + До Р.п. С Р.п. + По Р.п. До + Р.п. С + Р.п.				
3. Время повторяющегося действия				
	По Д.п. (мн. ч.)	Каждый + В.п.	Т.п. Целый + Т.п. (мн. ч.)	
4. Последующее Время				
После Р.п.		Спустя В.п. Через В.п.		
Через В.п. + После Р.п.				
5. Предшествующее Время				
Накануне Р.п. До Р.п.		В.п. тому назад Под В.п.	Перед + Т.п.	
За В.п + До Р.п.				

В пособии **М.В. Всеволодовой, Г.Б. Потаповой** [1] дана очень сложная многомерная классификация временных значений. Прежде всего авторы различают время прямое и относительное.

Прямое время – «все случаи, когда момент (или время) действия, обозначенного глаголом (или соответственно другими частями речи), находится в границах временно-

го отрезка, названного именем существительным или соответствующим словосочетанием: *пришел утром; занимался весь день; вырос за лето*. Прямое время может быть «единичным» (*читал два часа*) и «разделительным» (*читал по два часа*). А прямое разделительное время в русском языке в свою очередь можно разделить на три более конкретных значения: 1) собственно-разделительное (*простаивал часами*); 2) усилительно-разделительное (*с каждым днём растёт*); 3) модально-разделительное (*приедет со дня на день*). Прямое единичное время и собственно-разделительное значение авторы пособия подразделяют на время, полностью занятое действием, и время, не полностью занятое действием [1; с. 4-5].

Относительное время делится на предшествующее (*читал до утра*) и последующее (*читал с вечера*) время.

Предшествующее время может обозначать:

1) «время, полностью занятое действием», которое идёт до границы отрезка (*ждал до вечера*) и является результатом другого действия, завершённого на границе отрезка (*приехал на лето*);

2) «время, не полностью занятое действием» со значением момента действия названного глаголом расположен ранее первой границы времени названного существительным (*приехал до начала занятия*) и со значениями момента действия отдален от первой границы названного времени (*приехал три дня назад*).

Последующее время может быть представлено одним из двух основных значений:

1) время, полностью занятое действием, начавшимся от второй границы или несколько ранее (*жду с 11 марта*);

2) время, не полностью занятое действием, произошедшим в один из моментов после названного именем существительным отрезка (*приехал через два дня после начала занятия*) [1; с. 6-7].

Авторы пособия отмечают, что каждое конкретное значение может передаваться несколькими именными группами. При этом многие именные группы используются в разных значениях. Например, группа **в + В.п.** может иметь значение времени, не полностью занятого действием (*в этот день*), и значение времени, полностью занятого действием, в частности время завершения действия (*в два дня*). Именная группа **с + Р.п.** может обозначать прямое время, не полностью занятое действием (*приготовить с вечера*), и относительное последующее время (*ждать с вечера*) [1; с. 10-11].

С учетом переводной эквивалентности русских и тайских темпоральных конструкций мы условно разделили синтаксемы, встретившиеся в собранном нами материале, на 4 структурно-смысловых типа:

1. синтаксемы, обозначающие место ситуации во времени (*вечером, к вечеру, в 2 часа*): *Как-то вечером Марья Корсунова постучала с улицы в окно* (М. Горький); *Днем капало с крыши, устало и потно дымились серые стены домов, а к ночи везде смутно белели ледяные сосульки* (М. Горький);

2. синтаксемы, обозначающие длительность ситуации (*весь день, две ночи, часами*): *Две ночи шел и весь день без отдыха* (М. Горький); *И она и дети боятся капитана до обмороку и всю ночь трясутся и крестятся* (Ф. Достоевский);

3. синтаксемы, обозначающие повторяемость ситуации (*каждый вечер; каждую ночь*): *Почти каждый вечер после работы у Павла сидел кто-нибудь из товарищей, и они читали, что-то выписывали из книг* (М. Горький); *И, таким*

образом, в эти два месяца я **каждую ночь**, возвращаясь домой, думал, что застрелюсь (Ф. Достоевский);

4. синтаксемы с усилительно-разделительным значением (с каждым днем, день за днем): *И вот на перроне запели многогласо и сперва разрозненно, но с **каждой минутой** всё слаженней и дружнее* (В. Астафьев); *С **каждым годом** всё меньше оставалось на ней свободного места* (А. Варламов).

1. Темпоральные синтаксемы, обозначающие место ситуации во времени

Русские темпоральные синтаксемы, обозначающие место ситуации во времени, можно разделить на три группы:

1) синтаксемы, обозначающие прямое время: В + прилагательное + В.п. (*в ночной час*); В + числительное + Р.п. (*в девять часов*); На + прилагательное + В.п. (*на следующий день*); На + порядковое числительное + В.п. (*на третий день*); В + П.п. (*в шестом часу*); около + Р.п. (*около полуночи*); На + П.п. мн.ч. (*на днях*); наречия (*утром, поутру, наутро*);

2) синтаксемы, обозначающие относительное предшествующее время: За + В.п. + до + Р.п. (*за час до начала конференции*); К + Д.п. (*к часу*);

3) синтаксемы, обозначающие относительное последующее время: Через + В.п. (*через пять часов*).

В тайском языке синтаксемам, обозначающим прямое и относительное предшествующее время, соответствуют следующие структурные варианты:

1) темпоральная лексема [Темпоральная лексема (ТЛ) – существительное или наречие, обозначающее единицу измерения времени (*час, минута, день, сутки* и т.д.). – М.П., Д.С.]:

Как-то вечером Марья Корсунова постучала с улицы в окно (М. Горький)

– **ค่ำ** วันหนึ่งมาเรียกออร์ชุนาวามาเคาะหน้าต่างบ้านวลาสซอฬ (ค่ำ [kham] «вечер»);

Наутро Андрей показался матери ниже ростом и еще милее (М. Горький)

– **รุ่งเช้า** แม่รู้สึกว่ามันไตรงดูเหมือนจะตัวเล็กกระทัดรัดลงกว่าเดิมทำให้ดูน่ารักขึ้นเป็นกอง (รุ่งเช้า [roong chaw] «рассвет»);

2) темпоральная лексема + определение:

Ночью, когда она спала, а он, лежа в постели, читал книгу, явились жандармы и сердито начали рыться везде, на дворе, на чердаке (М. Горький)

– **คืนนั้น** ขณะที่แม่หลับแล้ว ปาเวสยังคงอ่านหนังสืออยู่บนเตียง สารวัตทหารมาที่บ้าน (คืน นั้น [khūn nān] «ночь тот»);

3) предлог **ใน** [nai] «в» + темпоральная лексема (+ определение):

*Но никогда, никогда не переставал я любить ту землю, и даже **в ту ночь**, расставаясь с ней, я, может быть, любил ее мучительнее, чем когда-либо.* (Ф. Достоевский)

แต่ฉันก็ไม่เคยไม่เคยเลยที่จะหมดรักโลกเก่าใบนั้นและ**ในคืนนั้น**ที่ฉันจากโลกมาฉันคิดว่าฉันรักมันมากขึ้นกว่าแต่ก่อนเสียอีกด้วยซ้ำ (ใน คืน นั้น [nai khūn nān] «в ночь тот»);

4) *когда* + темпоральная лексема:

- ตอน [dton] (без указания на временной план): *Хоть бы **ночью** таскали!* – *вторил кто-то из толпы.* (М. Горький) – *ใครๆคงคิดว่า*

*อย่างประสาชั้นชั้นมันก็คงชอบออกจับ**ตอนกลางคืน**เสียงหนึ่งลอกมาจากกลุ่มกรรมกร* (ตอน กลางคืน [dton klang khūn] «когда ночь»);

- เมื่อ [mūa] (указывает на прошедшее время): *Семь обысков было ночью* (М. Горький) – มันค้นตั้งเจ็ดบ้าน เมื่อคืนนี้ (เมื่อ คืน นี้ [mūa khūn nī] когда ночь этот);

- ยาม [yām] (устаревшее, поэтическое): *Она воспитывалась в тепле, ее баловали всем, чего она хотела, а сейчас вот пойдет семь верст ночью, одна...* (М. Горький) – นาดาชาเคยได้รับการเลี้ยงดูมาอย่างสุขสบายเคยมีทุกอย่างที่ต้องการจะมีแต่เดี๋ยวนี้ แยกกลับมาทนเดินทางถึงเจ็ดเวสต์ ยามกลางคืน เดินคนเดียว (ยาม กลางคืน [yām klang khūn] «когда ночь»);

5) предлог *в* + *когда* + темпоральная лексема:

- ใน [nai] + ตอน [dton]: *А вечером тщательно умывался, ужинал и после долго читал свои книги* (М. Горький). – ในตอนค่ำ เขาอาบน้ำอาบท่าและกินอาหารเย็น แล้วก็ นั่งอ่านหนังสือ (ใน ตอน ค่ำ [nai dton kham] «в когда вечер»);

- ใน [nai] + ยาม [yām]: *В груди у нее было тепло, тихо и задумчиво, точно в маленьком старом саду летним вечером* (М. Горький) – นางรู้สึกอบอุ่นสงบเยียบและครุ่นคิดอยู่ในทรวงอกคล้ายกับนางได้เข้าไปอยู่ในมหนึ่งของสวนที่สราญรมย์ในยามเย็นแห่งฤดูร้อน (ใน ยาม เย็น [nai yām yen] «в когда вечер»);

6) наступить + темпоральная лексема: *Весь следующий день мать провела в хлопотах, устраивая похороны, а вечером, когда она, Николай и Софья пили чай, явилась Сашенька, странно шумная и оживленная* (М. Горький) – แม่ใช้เวลาวันรุ่งขึ้นตลอดทั้งวันเพื่อเตรียมการณาปนกิจตกค่ำขณะที่นางกับโซเฟียกับนิโคไล กำลังดื่มชาซาชาาก็มาปรากฏตัวขึ้น (ตก ค่ำ [tok kham] «наступить начало вечера»).

1. В + В.п. (в этот день; в два часа)	1) ТЛ («ночь», «день»)
2. На + В.п. (на следующий день)	2) ТЛ + «этот» / «тот» («ночь эта»)
3. Наречие (утром, днём)	3) в + ТЛ + (признак) («в ночь эта»)
4. За В.п. + До Р.п. (за день до праздника)	4) когда + ТЛ («когда ночь»)
5. К + Д.п. (к этой ночи)	5) в + когда + ТЛ («в когда ночь»)
	6) наступить + ТЛ («наступить ночь»)

Синтаксемы, обозначающие относительное последующее время, на тайский язык переводятся следующими структурами:

- อีก [īk] «ещё» + темпоральная лексема + ต่อมา [tomā] «дальше»: *Через несколько дней кто-то убил ее...* (М. Горький) – อีกสองสามวันต่อมา ก็ปรากฏว่ามันตาย ไม่รู้ใครฆ่ามัน (อีกสองสามวันต่อมา [īk song sam wan tomā] «ещё два три дня дальше»);

- ภายใน [rai nai] «через» + количественное слово + темпоральная лексема: *Дня через три – можете?* (М. Горький) – คุณคิดว่าจะพอเตรียมตัวทัน ภายใน สาม วัน นี้ไม่คะ (ภายในสามวัน [rainai sam wan] «через три день»);

- темпоральная лексема + количественное слово + ถัดมา [thadmā] «позже»: *Через час мать была в попе за тюрмой* (М. Горький) – ชั่วโมงหนึ่งถัดมา นางก็มายืนอยู่ที่บริเวณใกล้เรือนจำ (ชั่วโมง หนึ่ง ถัดมา [chawmong nueng thadmā] «час один позже»).

Через + В.п. (Через несколько дней; через три часа; часа через три)	1) ещё + ТЛ + дальше («еще час дальше»)
	2) через + количество + ТЛ («через два день»)
	3) ТЛ + количество + позже («час позже»)

2. Темпоральные синтаксемы, обозначающие длительность

К русским темпоральным синтаксемам, обозначающим длительность, можно отнести следующие конструкции: В.п. (*секунду*); В.п. количественного слова + Р.п. предметного слова (*два часа*); с + В.п. (*с минуту*); весь + В.п. (*всю ночь*); целый + В.п. (*целый день*); за + В.п. (*за день*); Т.п. (*днями*); на + В.п. (*на секунду*); на + весь / целый + В.п. (*на весь день*); до + Р.п. (*до утра*); вплоть до + Р.п. (*вплоть до ночи*); с + Р.п. (*с утра*).

В тайском языке синтаксемам со значением длительности ситуации соответствуют следующие структурные типы синтаксем:

1) **ตลอด** *talod* «на протяжении» + темпоральная лексема: *Они были сильно испуганы и всю ночь не спали, ожидая каждую минуту, что к ним постучат* (М. Горький) – เจ้าของห้องเช่าตกอกตกใจจนนอนไม่หลับซักงีบ**ตลอดคืน** คอยหวาดว่าจะมีเสียงเคาะประตูขึ้นไม่ว่าในนาที่หนึ่งนาที่ใด (ตลอด คืน [talod khūn] «на протяжении ночь»);

2) **ทั้ง** *tang* «целый» + темпоральная лексема: *И она и дети боятся капитана до обмороку и всю ночь трясутся и крестятся* (Ф. Достоевский) – เธอกับลูกๆต่างหวานกลัวเจ้าก็ปัดขึ้นเข้เหล้าจนลนลานพากันนอนสะดุ้งผวาแว้วไต่ยีนเสียงสวดมนต์ขอให้พระเจ้าคุ้มครอง**ทั้งคืน** (ทั้ง คืน [tang khūn] «целый ночь»);

3) **ตลอด** [talod] «на протяжении» + **ทั้ง** [tang] «целый» + темпоральная лексема: *Она очень устала за день, ей хотелось есть* (М. Горький) – วันนี้นางเหน็ดเหนื่อยมา**ตลอดทั้งวัน** จนล้าแล้วก็หิว (ตลอด ทั้ง วัน [talod tang wan] «весь целый день»);

4) числительное + темпоральная лексема + (เต็ม [dtem] «полный»): *Три дня у нее дрожало сердце* (М. Горький) – สามวันเต็มที่นางต้องอยู่ด้วยความกลัวและสิ้นระทึก (สาม วัน เต็ม [sam wan dtem] «три дня полный»);

5) **มา** *mā* «пройти» + числительное + темпоральная лексема: *Две ночи шел и весь день без отдыха* (М. Горький) – นี่ฉันเดิน **มาสองคืน** กับหนึ่งวัน ไม่ได้พักเลยนะแม่ (มา สอง คืน [mā song khūn] «пройти два ночь»);

6) **ตลอด** [talod] «на протяжении» + темпоральная лексема + **ที่** [tī] «который» + **ผ่าน** [phan] «мимо» + **มา** [mā] «пройти»: *За ночь увеличились круги под ее глазами.* (М. Горький) – การอดหลับอดนอนทำงาน**ตลอดคืน**ที่**ผ่านมา**ทั้งรอยด้าคล้ำไวได้ขอบตาของหล่อน (ตลอด คืน ที่ ผ่าน มา [talod khūn tī phan mā] «весь ночь который мимо пройти»);

7) **ชั่ว** [chua] «лишь» + темпоральная лексема: *Наступило молчание, все остановились на секунду* (М. Горький) – เจียบ **ไม่มี**ใครเอ่ยปากแม่แต่คำเดียว **ชั่วขณะ** (ชั่ว ขณะ chua khana «лишь момент»);

8) **ได้** [dāi] «иметь» + темпоральная лексема: *Вспомнив, что еще не молилась, она встала перед образами и, постояв несколько секунд, снова села – в сердце было пусто* (М. Горький) – นึกขึ้นได้ว่ายังไม่ได้สวดมนต์เข้านางจึงผุดลุกขึ้นไป**ที่**เทวรูปแต่หลังจากยืนอยู่เบื้องหน้าเทวรูป**ได้ครู่เดียว** (ได้ ครู่ เดียว [dāi kru diaw] «иметь миг один»);

9) **อีก** [īk] «ещё» + числительное + темпоральная лексема: *Несколько лишних секунд агонии, а проиграю удовольствие поболтать с хорошим человеком* (М. Горький) – อย่างดีก็ยี้ดเวลาตายไป**ได้****อีกสองสามวินาที** (อีก สอง สาม วินาที [īk song sam winathī] «ещё два три секунда»);

10) ใน [nai] «в» + ระหว่าง [rawang] «период» + числительное + темпоральная лексема + นี้ [nī] «этот» / นั้น [nan] «тот»: *Стало тихо, несколько секунд ухо матери слышало только тонкий, торопливый скрип пера по бумаге и биение своего сердца* (М. Горький) – ความเงียบปรากฏตัวขึ้นในระหว่างสองสามวินาทีนั้น แม่ไม่ได้ยินเสียงอะไรเลย (ใน ระหว่าง สอง สาม วินาที นั้น [nai rawang song sam winathī nan] «в период два три секунда тот»);

11) เป็น [pen] «быть»+ เวลา [welā] «время» + หลาย [lai] «много» + темпоральная лексема: *...он часами плел из разноцветных полосок коврики, хитро соединял их между собой* (Л. Улицкая) – เป็นเวลาหลายชั่วโมง ที่เขานั่งทอจากเส้นแถบหลายสีเอามาทอรวมกันไว้เข้าด้วยกันอย่างเจ้าเล่ห์ (เป็น เวลา หลาย ชั่วโมง [pen welā lai chawmong] «быть время много час»).

1. В.п. (минуту; пять дней)	1) на протяжении + ТЛ («на протяжении час»)
2. С + В.п. (с минуту)	2) целый + ТЛ («целый час»)
3. Весь + В.п. (весь вечер)	3) на протяжении + целый + ТЛ («на протяжении целый час»)
4. Целый + В.п. (целый час)	4) числительное + ТЛ + полный («два час полный»)
5. За + В.п. (за день)	5) пройти + числительное + ТЛ («пройти два час»)
6. Т.п. (целыми днями)	6) на протяжении + ТЛ + который + мимо + пройти («на протяжении час который мимо пройти»)
	7) лишь + ТЛ («лишь час»)
	8) иметь + ТЛ («иметь час»)
	9) ещё + числительное + ТЛ («еще два час»)
	10) в + период + числительное + ТЛ + этот / тот («в период два час этот»)
	11) быть + время + много + ТЛ («быть время много час»)

Значение русской конструкции «на + В.п.» с лексемами, обозначающими очень короткий промежуток времени (*минута, секунда, миг, мгновение*) в тайском языке также может передаваться наречиями ทันใดนั้น [tandainan] «вдруг», นิดหนึ่ง [nid nūng] «чуть-чуть», เร็วสุด [gew rud] «быстро»: *На миг закрыла глаза – ей показалось, что в воротах стоит Николай Весовицков* (М. Горький) – ทันใดนั้นนางก็ร้องอุทานออกมาเบาๆและหลับตาลงนางรู้สึกเหมือนได้แลเห็นนิโคลัย (ทันใดนั้น [tandainan] «вдруг»).

Конструкциям «до + Р.п.» и «вплоть до + Р.п.» соответствуют структуры:

а) จนยัน [tjon yan] «до» / จนถึง [tjon tūng] «вплоть до» + темпоральная лексема: *Да, нам работать надо. Поговорить хотелось бы, да уж до вечера!* (М. Горький) – ต้องไปทำงานแล้ว อยากรุยคะคุณหรรอก แต่พวกเราจะต้องเอาไอนั้นออก จนถึงเย็น (จนถึง เย็น [tjon tūng yen] «до вечера»); *Из церкви возвращались домой, ели пироги и снова ложились спать* – до вечера (М. Горький) – เสร็จพิธีจากโบสถ์ก็พากันกลับบ้านกินปืรอกแล้วก็นอนหลับต่อไปใหม่ จนยันเย็น (จนยัน เย็น [tjon yan yen] «до вечера»);

б) จนตราบกระทั่ง [tjon trab kratang] «до тех пор пока» + темпоральная лексема + มาถึง [mā tūng] «прийти»: *Работа идет общая по всей земле, во всех городах, силе хороших людей – нет ни меры, ни счета, все растет она, и будет расти до победного нашего часа* (М. Горький) – งานนี้กำลังดำเนินไปทั่วโลกในเมืองทุกหมู่บ้านกำลังของคนดีนั้นไม่มีสิ้นสุดหรอกมันกำลังเติบโตและก็จะเติบโตต่อไปจนตราบกระทั่งชั่วโมงแห่งชัยชนะของเรามาถึง (จนตราบกระทั่งชั่วโมง แห่ง ชัยชนะ ของเรา มาถึง [tjon trab kratang chawmong haeng chaichana kong raw mā tūng] «до тех пор пока час победа наша прийти»).

До + Р.п. / Вплоть до + Р.п. (<i>до утра / вплоть до утра</i>)	1) до / вплоть до + ТЛ («до вечер») 2) до тех пор пока + ТЛ + прийти («до тех пор пока вечер прийти»)
--	--

Русская конструкция «с + Р.п.» переводится на тайский язык следующими структурами:

а) แต่ [tæ] / ตั้งแต่ [tang tæ] «с» + темпоральная лексема: *Мать, не уснувшая ночью ни на минуту, вскочила с постели, сунула огня в самовар, приготовленный с вечера* (М. Горький) – แม่ซึ่งไม่ได้หลับเลยซักงีบตลอดคืน โดดลงจากเตียงรีบติดไฟชาโม่วาร์ที่เตรียมไว้เรียบร้อยแล้วตั้งแต่ค่ำวาน (ตั้งแต่ ค่ำ [tang tæ kham] «с вечер»);

б) มา [mā] «прийти» + ตั้งแต่ [tang tæ] «с» + темпоральная лексема: *За мной с утра гуляют два шпиона, и так открыто, что дело пахнет арестом* (М. Горький) – สายลับสองตัวตามผมแจมาตั้งแต่เช้าแล้วมันตามอย่างเปิดเผย เลยรู้สึกว่าจะต้อง ถูกจับแน่ (มา ตั้งแต่ เข้า [ma tangtæ chao] «прийти с утра»).

в) พอ [pô] «когда» + ตก [tok] «наступить» + темпоральная лексема: *Я в этот день почти не обедал и с раннего вечера просидел у одного инженера, а у него сидели еще двое друзей* (Ф. Достоевский) – ตอนกลางวันของวันนั้นผมแทบไม่ได้กินอะไรเลยเพราะกินไม่ลงพอตกเย็นผมติดฝนอนอยู่บ้านนายข้างคนหนึ่ง (พอ ตก เย็น [pô tok yen] «когда наступить вечер»).

С + Р.п. (<i>с вечера</i>)	1) с + ТЛ («с вечер») 2) прийти + с + ТЛ («прийти с вечер») 3) когда + наступить + ТЛ («когда наступить вечер»)
------------------------------	---

3. Темпоральные синтаксемы, обозначающие повторяемость

Значение повторяемости и в русском, и в тайском языках передается обычно конструкциями со словом «каждый» – ทุก [tuk]: *Почти каждый вечер после работы у Павла сидел кто-нибудь из товарищей, и они читали, что-то выписывали из книг* (М. Горький)

– เกือบทุกเย็นเพื่อนของปาเวลไม่คนใดก็คนหนึ่งจะติดตามเขามาที่บ้านหลังจากเลิกงานแล้ว ทั้งคู่จะนั่งอ่านและจดบันทึก (ทุก เย็น [tuk yen] «каждый вечер»).

При переводе темпоральных синтаксем «по + дательный падеж» (*по ночам, по вечерам*) в тайском языке для указания на многократность ситуации к глаголу добавля-

ются служебные слова **จะ** [tja] или **มักจะ** [mak tja] при употреблении конструкций «в + когда + темпоральная лексема» / «когда + темпоральная лексема»: *По ночам заглядывали в окна, иногда кто-то стучал в стекло и быстро, пугливо убежал прочь* (М. Горький) – **ตอนกลางคืน** ผู้คนเหล่านั้น**จะ**แอบมาด้อมๆมองๆดูที่หน้าต่าง และแม้ถึงกับเคาะบานกระจก; *По вечерам у него часто собирались гости* (М. Горький) – **ในตอนค่ำมักจะ**มีผู้คนมาพบเขาที่บ้านเสมอ.

Для перевода темпоральных синтаксем «сколько раз + в + темпоральная лексема» (*три раза в день*) в тайском языке используется структура «темпоральная лексема + **จะ** [ja] «по» + сколько + раз»: *Эх, жизнь! Пять раз в день насмеешься, пять наплачешься!* (М. Горький) – ชีวิตมันเป็นของสนุก เดียวก็หัวเราะเดียวก็ร้องไห้**วันละตั้งหลายๆตลบ** (วัน ละ ตั้งหลายๆ ตลบ wan la tang lailai talob «день по несколько раз»).

1. Каждый + В.п. (<i>каждый день</i>)	1) ТЛ + по (« <i>утро по</i> ») 2) каждый + ТЛ (« <i>каждый утро</i> ») 3) идти + каждый + ТЛ (« <i>идти каждый утро</i> »)
2. По + Д.п. (<i>по утрам</i>)	1) в + когда + ТЛ + จะ / มักจะ («в когда утро» + кратность) 2) когда + ТЛ + จะ / มักจะ («когда утро» + кратность)
3. Сколько + (Р.п.) + в + В.п. (<i>три раза в день</i>)	ТЛ + по + сколько + раз (« <i>день по два раза</i> »)

4. Синтаксемы с усилительно-разделительным значением

К темпоральным синтаксемам с усилительно-разделительным значением в русском языке мы отнесли структуры Из + Р.п. + в + В.п., В.п. + за + Т.п. и С + каждый + Т.п.

При переводе темпоральных синтаксем Из + Р.п. + в + В.п. (*изо дня в день*) и В.п. + за + Т.п. (*день за днём*) в тайском языке используются следующие грамматические структуры:

а) «темпоральная лексема + **แล้ว** [læw] «уже» + темпоральная лексема + **เล่า** [lao] уже»: *Он скоро ушел на службу, а мать задумалась об "этом деле", которое **изо дня в день** упрямо и спокойно делают люди* (М. Горький) – **ไม่ช้านักเขาก็ออกจากที่พักไปฝ่ายแม่ก็เริ่มคิดถึงงานนี้และประชาชนที่ได้อุทิศพลีตนอย่างเด็ดเดี่ยวเพื่อมัน**วันแล้ววันเล่า**** (วัน แล้ว วัน เล่า [wan læw wan lao] «день + уже + день + уже»); *Уж если люди тысячами **день за днем** убиваются в работе для того, чтобы хозяин мог деньги на шутки бросать, чего же?* (М. Горький) – **ก็ในเมื่อประชาชนนับพันเรือนถูกงานฆ่าตาย**วันแล้ววันเล่า**** เพื่อที่พวกนายทุนจะได้มีเงินทองไว้หวังวันทั้งเล่นอย่างไรประโยชน์แล้วยังมีอะไรอื่นที่จะต้องดูต้องมองอีก (วัน แล้ว วัน เล่า [wan læw wan lao] «день + уже + день + уже»).

б) **ใน** [nai] «в» + **แต่ละ** [tæla] «каждый» + темпоральная лексема: *Он, всегда озабоченный, жил **изо дня в день** однообразной, размеренной жизнью* (М. Горький) –

ในการดำเนินชีวิตอันซ้ำซากจำเจ**ในแต่ละวัน**ของเขานั้นโคโลได้มไปด้วยความเป็นห่วงเป็นใยผู้อื่น (ใน แต่ละ วัน [nai tæ la wan] «в + каждый + день»);

ว) ไปวันๆ [rai wan wan] «идти + темпоральная лексема + темпоральная лексема»: *Впроголодь живешь изо дня в день все равно* (М. Горький) – อยู่อย่างตายอดตายอยาก**ไปวันๆ**เท่านั้นแหละหรือ (ไป วันๆ rai wan wan «идти + день + день»).

Значение русских темпоральных синтаксем С + каждый + Т.п. (*с каждым днём*) в тайском языке передается структурой **ทุก** [tuk] «каждый» + темпоральная лексема с добавлением в контекст слова **ขึ้น** [khun] «более» или **ลง** [long] «вниз», которое указывают на увеличение или уменьшение степени проявления признака: *С каждым днем грязь настойчивее лезла в глаза...* (М. Горький) – โคลนยิ่งมองเห็นได้ขนาด **ขึ้น ทุกวัน** (ขึ้น [khun] «более» + **ทุก วัน** [tuk wan] «каждый день»).

1. Из + Р.п. + в + В.п. (<i>изо дня в день</i>)	1) ТЛ + уже + ТЛ+ уже
2. В.п. + за + Т.п. (<i>день за днём; час за часом</i>)	2) в + каждый + ТЛ 3) Идти + ТЛ + ТЛ
3. С +каждый +Т.п. (<i>с каждой ночью</i>)	более / вниз + каждый + ТЛ

И русская и тайская системы обозначения времени довольно сложны. Среди темпоральных синтаксем двух языков можно выделить общие основные группы по способу обозначения времени, но сами конструкции имеют значительные структурные различия. Эти различия связаны прежде всего с типологическими особенностями сопоставляемых языков. Если в русском языке, благодаря флективному словоизменению, темпоральные отношения передаются различными падежными и предложно-падежными формами темпоральных лексем, то в тайском языке, который является изолирующим, конструкции строятся за счет добавления к темпоральной лексеме различных служебных элементов (предлогов, частиц, служебных глаголов).

Библиографический список

1. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений: сборник упражнений по управлению. / М.В. Всеволодова, Г.Б. Потапова М., 1973. 249 с.
2. Синтаксис : практическое пособие по русскому языку как иностранному / И.С. Иванова, Л.М. Карамышева, Т.Ф. Куприянова, М.Г. Мирошникова. 4-е изд. Спб., 2012. 364 с.

References

1. Vsevolodova M.V. Ways of expression of temporal relations: a collection of exercises to regimen. / M.V. Vsevolodova, G.B. Potapova. M., 1973. 249 p.
2. Syntax: a practical guide for Russian as a foreign language / I.S. Ivanova, L.M. Karamysheva, T.F. Kupriyanova, M.G. Miroshnikova. 4 ed. St. Petersburg, 2012. 364 p.

УДК 070

Магнитогорский государственный технический университет им. Носова в г. Магнитогорске

студент магистратуры направления лингвистики (профессионально-деловая коммуникация в международном сотрудничестве (английский язык))

Давлетшина С.Р.

Россия, г. Магнитогорск,

тел. +79823324425

e-mail – lanadavletshina@mail.ru

*Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk*

masters student, Linguistics (Professional-Business Communication in the International Cooperation (the English language))

Davletshina S. R.

Russia, Magnitogorsk,

+79823324425

e-mail – lanadavletshina@mail.ru

С.Р. Давлетшина

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СМИ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ С СОЦИАЛЬНЫМИ МЕДИА

В работе рассматриваются понятия «социальные медиа» и «блог» в контексте типологии новых СМИ; описана классификация блогов по критерию общественного интереса; обозначены преимущественные характеристики блогосферы; описана модель взаимопроникновения блогосферы и традиционных органов публичной передачи информации при помощи технических средств.

Ключевые слова: блог, социальные медиа, интернет, социальные сети, телевидение, традиционные СМИ.

S.R. Davletshina

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF TRADITIONAL MEDIA UNDER CONDITIONS OF COMPETITION WITH SOCIAL MEDIA

The paper deals with the concepts of "social media" and "blog" in the context of the typology of new media; The classification of blogs by criterion of public interest is described; The advantageous characteristics of the blogosphere are indicated; A model of the interpenetration of the blogosphere and traditional bodies of public information transfer using technical means is described.

Key words: blog, social media, Internet, social networks, television, traditional media.

На сегодняшний день блоги, выполняющие функции социальных сетей, принимают вид дискуссионных площадок, перерастают из виртуального повседневного средства общения в глобальную систему информирования населения, конкурирующую с традиционными средствами массовой информации (телевидение, печать, радио). По нашему мнению, это ответ реальным потребностям современного общества. Мы рассмотрели деятельность социальных сетей, их механизмы воздействия на аудиторию, и сравнили с телевизионной технологией передачи информации. В результате, мы нашли у обоих конкурирующих средствах связи как положительные, так и отрицательные стороны и пришли к выводу, что устранение последних возможно благодаря заимствованию друг у друга технических и технологических преимуществ.

В данной статье мы сравнили и рассмотрели на конкретных примерах деятельность телевидения, как представителя «старой школы», и блогов. Цель нашего исследования: составить модель взаимодействия телевидения и блогосферы.

Число людей, желающих выразить своё мнение, обсудить ту или иную проблему на интернет-платформах, неуклонно растёт. В результате всероссийского опроса «Левада-центр» в июле 2016 года установлено, что каждый четвертый россиянин узнает новости из социальных сетей. Только за четыре месяца число публичных сообщений на сайте «Twitter.com» увеличилось со 110 до 120 миллионов [4]. В социальных сетях и блогах уже сформировано своё информационное поле, зачастую пользователи этих площадок опережают профессиональных журналистов. Кроме того, на «вольных» просторах интернета можно увидеть оригинальные публицистические материалы, которые пользуются большой популярностью. С помощью социальных сетей и блогов пользователь может выразить своё и узнать чужое мнение по какому-либо вопросу. Всё это привело к тому, что социальные сети и блоги для многих интернет-пользователей заменили средства массовой информации. По количеству подписчиков некоторые сетевые дневники не уступают СМИ. Рост такого вида информирования породил понятие «социальные медиа».

Опираясь на фактические данные все возрастающей популярности социальных медиа, мы полагаем, что первые практически ни в чем не уступают сегодняшним традиционным СМИ и даже в некоторой степени превосходят. Нынешнее поколение привыкло к большому потоку информации, с появлением современных устройств связи, таких как компьютер, смартфоны и активное использование социальных сетей, мы получаем информацию оперативно и из первых уст. На данный момент блогосфера охватывает большое количество аудитории разных возрастов и материалы на этом интернет-поле являются дискуссионной площадкой нередко на острые темы, которые телевизионные выпуски новостей не касаются или раскрывают не полностью. Сегодня деятельность блогеров фактически приравнивается к журналисткой: ответственность за свои слова блогеры несут по закону о «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в народе он получил название «закон о блогерах» [5]. Авторы, использующие оскорбительные заявления и недопустимые вещи в СМИ, привлекаются к административной и уголовной ответственности. Отныне популярные блогеры не только оперативно публикуют информацию, но и отвечают за ее достоверность и качество, следовательно, взаимодействие с таким источником информации переходит на новый уровень. Также владельцы публичных страниц с аудиторией более 3000 человек обязаны предоставлять информацию о своем блоге в Роскомнадзор и соблюдать ряд правил, прописанных в статье 10 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Внесенные изменения в Федеральный закон в 2014 году, всколыхнувшие общественность и напугавшие блогеров, сделали исследования на тему социальных медиа еще более актуальными и практически значимыми.

Блогосфера в Сети – это одно из средств выражения общественного мнения и в непрерывном процессе обмена информацией блог сформировал определенную коммуникационную среду, живущую по своим законам, которые позволяют посетителям веб-странички стать соавтором материала, правдивого и относительно свободного от цензуры. Популярность блогов растёт со стремительной скоростью, и имеем основания предполагать, что через короткий промежуток времени они сместят главенствующий канал распространения информации, телевидение, которое много лет остаётся для большей части российской аудитории основным источником новостей. Разумеется, в каждом правиле есть исключения: не в каждом уголке земного шара интернет развит так, как распространён, скажем, в США или в России. Например, в странах Азии больше половины населения не имеет доступ к Facebook или Youtube. Согласитесь, что эти

два источника получения и распространения информации прочно вошли в профессионально-деловую среду. Вспомним, недавнюю предвыборную кампанию избранного президентом США Дональда Трампа. Во многом благодаря «посланиям» в Facebook он завоевал сердца американского народа, собрал огромное количество подписчиков этой социальной сети, превышающее количество телезрителей новостей на центральных каналах [10]. Напротив деятельность Хилари Клинтон, так активно и безупречно освещаемая традиционными СМИ, нашла меньшее одобрение и, как следствие, получила меньшее количество голосов.

Резюмируя вышесказанное, мы находим, что телевидение нуждается в модернизации и в сотрудничестве с блогами, заимствовании тех преимуществ, которыми обладает социальная сеть. Разработка эффективной модели взаимодействия блогосферы и телевидения в условиях жесткой конкуренции СМИ требуют деликатности: социальные медиа уже набрали высокую скорость и работают оперативнее телевизионных СМИ.

Блогеров, производящих общественно значимый контент сетевого дневника, принято подразделять на очевидцев и ньюсмейкеров. Особняком в этой системе стоят корпоративные блогеры различных компаний, в том числе и представители СМИ, публикующие актуальную информацию и новости о компании с целью продвижения производимого ей продукта или услуги. Следует более подробно рассмотреть деятельность блогеров-очевидцев и блогеров-ньюсмейкеров. Группа личных блогов делится на две большие подгруппы: личные блоги публичных людей и личные блоги непубличных людей [1; с. 127-131]. Остановимся на личных блогах непубличных людей: как правило, они используются авторами как пространство для выражения личного мнения по тому или иному вопросу, блогер рассказывает о своей повседневной жизни, делится наблюдениями. Непубличные люди ведут блог с целью самовыражения, социализации, интегрирования в общее коммуникационное пространство интернет-сети. Индивидуальный блог непубличного человека в большинстве случаев не представляет общественного интереса, но блогер может завоевать определённую часть аудитории благодаря неординарным публикациям. Например, ученица московской школы, теперь работающая на видеохостинге «YouTube» TheKateClapp сумела расположить к себе зрителей смешными сценками-перевоплощениями и видеодневником. Сейчас на TheKateClapp подписано более пяти миллионов пользователей «YouTube» [11]. Также интерес аудитории к блогам может появиться в случае, если автор опубликует на своей странице эксклюзивное видео или фото с места происшествия, очевидцем которого стал, такие случаи достаточно распространены. Как правило, очевидцы ЧП делятся информацией и публикуют в интернете отснятое видео или фото гораздо быстрее, чем это успеют сделать телеканалы. Так, разница во времени между первым сообщением об упавшем метеорите в Челябинске на сайте «Twitter» и первым информационным сюжетом в эфире «Первого канала» – более одного часа. Причём полнота обоих сообщений достаточно сильно отличается друг от друга. Блогер Дмитрий Рейдман под логином @DReidman в 7.38 по московскому времени поделился новостью о «неопознанном объекте» [12]. В программе «Новости» на «Первом канале» зрители смогли узнать об этом событии в 8.30 по московскому времени: в сюжете используется видеосъёмка очевидца, которая давно распространилась на просторах интернета [7]. Полноценный новостной сюжет «Первого канала», дополненный интервью с места событий появляется только в 9.00, а комментарии властей можно было услышать только в 12.00 часов. Личные блоги публичных людей также представляют наш научный интерес и требуют детального рассмотрения. Публичные люди (артисты, политики, спортсмены и др.) ведут блоги с целью поддержания своей

популярности, могут также писать о том, что их волнует, но в отличие от сетевого дневника непубличного человека такой блог представляет общественный интерес, так как известная личность является ньюсмейкером и любая её активность в блоге воспринимается как новость. Мы исследовали один из самых популярных блог-хостингов в мире, сайт «Twitter.com», и составили рейтинг самых популярных блогов российских знаменитостей на данной площадке. В результате, первое место в 2017 году делят Дмитрий Медведев и Иван Ургант: их блоги в «Twitter» читают 5,52 млн. человек [6; 9]. Страницей шоумена Павла Воли интересуются 5 млн. пользователей [2]. Если сравнивать приведенные цифры с количеством читателей блога непубличного человека, то разница очевидна: в среднем 100-300 пользователей против 5 млн. Кроме того, оказываясь в центре обсуждаемых событий, публичный блогер зачастую опережает журналистов, публикуя свой комментарий быстрее, чем даст интервью. Например, 9 февраля 2012 информация об аресте координатора «Левого фронта» Сергея Удальцова появилась в его блоге на сайте «Twitter.com» на два часа раньше, чем в новостях на «Первом канале» [8]. Блогеры-знаменитости играют большую роль в новостной среде: часто принимают участие в мероприятиях, которые представляют общественный интерес и наряду с журналистами, освещающими громкие события, рассказывают о них в своем блоге, опережая работников телевидения. Дмитрий Гудков, российский оппозиционный политик и общественный деятель, активный блогер, во время выступления Владимира Путина с посланием к Федеральному собранию 3 декабря 2015 года, на котором присутствовал лично, синхронно публиковал сообщения в блоге с информацией о ходе мероприятия [3]. Разумеется, что журналисты также присутствовали на этом значимом событии, но в сети «Twitter» информация о послании Федеральному собранию появлялась раньше.

Таким образом, можно выделить несколько особенностей блогосферы, привлекающих аудиторию:

- оперативность;
- возможность получения информации из первых уст;
- интерактивность (комментирование).

Учитывая сильные и слабые стороны социальных медиа и телевидения, а также других видов традиционных СМИ, мы предлагаем несколько вариантов, способных сделать коммуникацию работников телевидения со зрителями более эффективной. Во-первых, телевизионные материалы нуждаются в оперативности донесения информации, а также в наличии корпоративного блога. Первый шаг на пути к этой цели сделан «Первым каналом», и пользователи сети «Twitter» ссылаются на сообщения этого ресурса, но это новшество имеет локальный характер и требует распространения. К тому же разрыв во времени между экспресс-публикацией в «Twitter» и выходом сюжета на «Первом канале» довольно большой. На наш взгляд, этот недостаток можно компенсировать, анонсируя сюжет короткими сообщениями. Понятно, что времени на подготовку полноценного информационного материала требуется гораздо больше, чем для написания короткого поста в блоге. Очевидно, что сделать производственный процесс телевидения таким же оперативным, как процесс публикации сообщения в блоге в ближайшее время невозможно, но журналист, также как и блогер, имеет возможность опубликовать полученную информацию с места событий в корпоративном блоге, указав время выхода будущего сюжета. Следовательно, оперативность блогеров и телевизионных журналистов уравнивается. Более того, такой метод привлечёт пользователей блогов к последующему просмотру сюжета в выпуске новостей. Аналогичную ленту новостей можно внедрить и на сайт телеканала, потому как на сегодняшний день «Первый канал» не использует оперативные возможности интернета и блогов: сюжеты на сайте и сообщения в корпоративном блоге публикуются только

после телевизионного показа. Во-вторых, сотрудничество блогеров с гражданскими журналистами увеличит скорость и насыщенность заполнения сетки новостей. Из этого следует, что очевидцы чрезвычайных происшествий могут загружать свои видео сначала на сайт телеканала, а только потом в социальные сети. Первые попытки в этом деле были предприняты «Первым каналом»: некоторое время на сайте телеканала работал раздел «Вы очевидец». В данном разделе пользователи могли загружать эксклюзивное видео. Однако сервис не стал популярным: с 2010 по 2013 год было загружено всего 225 видеоматериалов. В результате он прекратил свое существование. На наш взгляд, повысить эффективность данного раздела можно следующим способом: подобно видеохостингу «Youtube» упростить процесс загрузки видео и сделать архив более открытым. С нашей точки зрения, не следует разделять видео и мнения, как это было сделано на сайте «Первого канала». Следующим шагом к сокращению разрыва между телевизионной новостью и «социальной» может стать создание на официальном сайте канала социальную сеть, где пользователям предоставляется возможность вести дискуссии, развивать свои блоги.

Итак, результаты исследования позволяют нам сделать вывод о том, что на сегодняшний день социальные медиа составляют серьезную конкуренцию традиционным видам СМИ, но в обоих случаях система донесения информации до населения несовершенна. По нашему мнению, решить эту проблему способно сотрудничество обоих каналов связи, заимствование друг у друга преимуществ. В условиях виртуализации коммуникации модель взаимопроникновения блогосферы и телевидения, представляется нам в форме новостного интернет-портала в виде социальной сети с максимально упрощенным процессом загрузки видео и открытой дискуссионной площадкой.

Библиографический список

1. Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет-жанр. Пермь: Вестник Пермского Университета, 2012. С. 127-131.
2. Воля П.А. // Twitter. URL: <https://twitter.com/RealVolya> (дата обращения: 14.05.2017).
3. Гудков Д.Г. Путин говорит о необходимости борьбы с коррупцией и призвал Генпрокуратуру принять все необходимые меры // Twitter. URL: https://twitter.com/gudkovd/status/672343737129934848?ref_src=twsrc%5Etfw&ref_url=https%3A%2F%2Fsnob.ru%2Fselected%2Fentry%2F101547 (дата обращения: 14.05.2017).
4. Доверие СМИ и готовность высказывать свое мнение / Левада-Центр. М., 2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/12/14111/> (дата обращения: 12.03.2017).
5. Королев А.Н. Об информации, информационных технологиях и о защите информации. Постатейный комментарий к Федеральному закону. М.: Юстицинформ, 2007. 128 с.
6. Медведев Д.А. // Twitter. URL: <https://twitter.com/search?q=%D0%BC%D0%95%D0%94%D0%92%D0%95%D0%94%D0%95%D0%92%20&src=typd> (дата обращения: 14.05.2017).
7. На Урале произошло событие буквально космического масштаба // Первый канал. URL: http://www.1tv.ru/news/2013-02-15/77422-na_urale_proizoshlo_chrezvychaynoe_sobytie_v_bukvalnom_smysle_kosmicheskogo_masshtaba (дата обращения: 14.05.2017).
8. Удальцов С.С. // Twitter. URL: https://twitter.com/s_udaltsov (дата обращения: 14.05.2017).

9. Ургант И.А. // Twitter. URL: <https://twitter.com/urgantcom> (дата обращения: 14.05.2017).
10. Donald J. Trump // Facebook. URL: <https://ru-ru.facebook.com/DonaldTrump/> (дата обращения: 26.11.2016).
11. TheKateClapp // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/user/TheKateClapp> (дата обращения: 14.05.2017).
12. Reidman D. Челябинский метеорит // Twitter. URL: <https://twitter.com/search?q=%D1%87%D0%B5%D0%BB%D1%8F%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%20%40Dreidman%20%20&src=typd> (дата обращения: 14.05.2017).

References

1. Bazhenova E.A., Ivanov I.A. Blog as an Internet genre. Perm: Perm University Herald, 2012. P. 127-131.
2. Will P.A. // Twitter. URL: <https://twitter.com/RealVolya> (date accessed: 14.05.2017)
3. Gudkov D.G. Putin spoke about the need to combat corruption and called on the Prosecutor General to take all necessary measures // Twitter. URL: https://twitter.com/gudkovd/status/672343737129934848?ref_src=twsrc%5Etfw&ref_url=https%3A%2F%2Fsnob.ru%2Fselected%2Fentry%2F101547 (date accessed: 14.05.2017)
4. The confidence of the media and a willingness to Express their opinion / Levada Center. M., 2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/12/14111/> (date accessed: 12.03.2017).
5. Korolev A.N. About information, information technologies and protection of information. Article-by-article commentary to the Federal law. M.: Yustitsinform, 2007. 128 p.
6. Medvedev A.A. // Tweeting. URL: <https://twitter.com/search?q=%D0%BC%D0%95%D0%94%D0%92%D0%95%D0%94%D0%95%D0%92%20&src=typd> (date accessed: 14.05.2017).
7. In the Urals the event happened literally on a cosmic scale // the First channel. URL: http://www.1tv.ru/news/2013-02-15/77422-na_urale_proizoshlo_chrezvychaynoe_sobytie_v_bukvalnom_smysle_kosmicheskogo_masshtaba (date accessed: 14.05.2017).
8. Udaltsov S.S. // Twitter. URL: https://twitter.com/s_udaltsov (date accessed: 14.05.2017).
9. Urgan I.A. // Tweeting. URL: <https://twitter.com/urgantcom> (date accessed: 14.05.2017).
10. Donald J. Trump // Facebook. URL: <https://ru-ru.facebook.com/DonaldTrump/> (accessed: 26.11.2016).
11. TheKateClapp // On YouTube. URL: <https://www.youtube.com/user/TheKateClapp> (date accessed: 14.05.2017).
12. Reidman D. Chelyabinsk meteorite // Twitter. URL: <https://twitter.com/search?q=%D1%87%D0%B5%D0%BB%D1%8F%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%20%40Dreidman%20%20&src=typd> (date accessed: 14.05.2017).

УДК 070

Магнитогорский государственный технический университет им. Носова в г. Магнитогорске

студент магистратуры направления лингвистики (профессионально-деловая коммуникация в международном сотрудничестве (английский язык))

Давлетшина С.Р.

Россия, г. Магнитогорск,

тел. +79823324425

e-mail – lanadavletshina@mail.ru

*Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk*

masters student, Linguistics (Professional-Business Communication in the International Cooperation (the English language))

Davletshina S. R.

Russia, Magnitogorsk,

+79823324425

e-mail – lanadavletshina@mail.ru

С.Р. Давлетшина

«НОВЫЕ МЕДИА» И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ЖАНРОВ

Автор исследует тенденции развития мультимедийных жанров журналистики, их взаимосвязь с традиционными жанрами. В работе рассматриваются характеристики «новых медиа», в основе которых лежит технологическое развитие.

Ключевые слова: новые медиа, мультимедийные жанры, интернет, конвергентность.

S.R. Davletshina

«NEW MEDIA» AND TRENDS OF DEVELOPMENT OF MULTIMEDIA GENRES

The author explores the trends of development of multimedia journalistic genres, their relationship to traditional genres. The work considers the characteristics of the new media, which are based on technological development.

Key words: new media, media genres, Internet, convergence.

С появлением интернета границы между жанрами стали подвижными. Одни исследователи указывают на формирование качественно новых мультимедийных жанров, другие вступают с первыми в полемику и рассматривают новые форматы как адаптацию к интернет-площадке традиционных жанров. В данной научной статье мы выявили признаки новых и традиционных жанров публицистики, их взаимосвязь.

Обратимся к названиям новых жанров: «web-репортаж», «web-статья», «web-колонка», «мультимедийный репортаж». Очевидно, начало традиционных жанров в них положено. Рассмотрим пример, web-репортаж «Арбату 520 лет», размещенный на сайте «РИА Новости», включающий в себя текстовый материал, фотографии, интерактивную карту и видеоинтервью [5]. Такое сочетание различных видов каналов и даже несколь-

ких медиаплатформ предоставляет свободу выбора и повышает интерес аудитории к новости. Процесс формирования подобного комплекса не только адаптация, но и конвергенция жанров или жанровая «синергия», перетекание из одного жанра в другой. Концептуально новые характеристики жанров публицистики принято называть «новыми медиа», к которым можно отнести все мультимедийные интернет-проекты: интернет-версии газет, онлайн-вещание каналов, социальные сети, а также «web-документари», «web-репортаж» и т.п. Часто термины «новые медиа» и «мультимедийные интернет-проекты» используют как синонимы. Однако первый имеет более широкое значение и включает в себя значение второго. Именно признаки «новых медиа» тесно взаимосвязаны с жанрами публицистики вообще.

Итак, термин «новые медиа» появился в конце XX века. В первую очередь его связывают с развитием компьютерных технологий и распространением влияния интернета. В статье «Новые медиа как фактор модернизации СМИ» Е.Л. Варганова ставит знак равенства между «новыми медиа» и интернетом [1; с. 37-39]. На сегодняшний день один комментарий способен в режиме онлайн изменить отношение других пользователей Сети к предмету разговора. В работе «Что это – новые медиа?» В. Кросби называет такой тип «многие – к многим», в то время как традиционные СМИ работают по схеме «один – к многим» [6]. Таким образом, интернет позволяет осуществлять индивидуализированную массовую и межличностную коммуникацию.

Среди других важных характеристик «новых медиа» исследователи выделяют: кодирование данных, модульность, автоматизация процесса создания, распространения и доступа, изменчивость, транскодирование, «сетевая мобильность», мультимедийность, взаимосвязанность, конвергентность, интерактивность. Необходимо понимать, перечисленные выше характеристики раскрываются как нечто «новое» только в тесной взаимосвязи друг с другом. Поодиночке их можно причислить к традиционным жанрам СМИ.

Следует подробно рассмотреть характеристики «новых» жанров СМИ и связать их между собой. Первое, на что следует обратить внимание, это кодирование данных. Данная функция облегчает медиапрограммирование и представляет текст, изображение или видео в алгоритме цифр, происходит автоматизация процесса создания и распространения «новых медиа». Следующий компонент медиажанров – модульность, предполагающая самостоятельность каждого элемента, который составлен как единый медиапродукт, становится сущностным признаком в том случае, если модули, каналы и платформы взаимосвязаны. Механизм работы модуля можно представить как атомно-молекулярную теорию мультимедиа, где «...одна фотография – условный «инфоатом». Она может быть самостоятельным элементом и давать довольно подробную информацию пользователю. Три или пять фотографий, собранные в слайд-шоу составляют «инфомолекулу». При соединении такой «инфомолекулы» слайд-шоу с «инфомолекулой» текста, «молекулой» видеоиллюстрации, «инфомолекулой» графики выстраивается «тело» мультимедийного материала» [3; с. 131].

Кроме того, «новые медиа» гипертекстуальны, то есть составляют бесконечную систему взаимосвязанных текстов и знаков. Следует отметить, что в отличие от телевизионного выпуска программы или газеты медиаформа и её наполнение изменчивы, вариативны с имеющейся возможностью обновления и расширения контента, поэтому

«новые медиа» довольно часто употребляются со словом «проект», что раскрывает их постоянное развитие, незаконченность и открытость к изменениям.

Ключевым признаком «новых медиа» является использование одновременно нескольких каналов передачи информации – мультимедийности. Отметим, что и традиционные медиа воспринимаются человеком «мультимедийно»: мы ощущаем книги, слышим их; первые газеты, печатавшие изображения, сознательно отходили от моноканала и стремились воздействовать на аудиторию разными видами информации. Такое воздействие становится концептуальным: для каждого вида информации подбирается наиболее эффективный канал восприятия. Мультимедийность «новых медиа» тесно связана с транскодированием (Л. Манович в первую очередь выделяет влияние «компьютерной логики» на творческую) и конвергентностью [10].

При этом различают несколько уровней медиаконвергентности, А. Фагерйорд и Т. Сторсул выделили шесть интерпретаций этого термина: конвергенция сетей (из аналогового сигнала в цифровой), конвергенция терминалов (объединение устройств в одно, multifunctional), конвергенция услуг (предоставление прямо несвязанных услуг, например, интернет через телевидение и т.п.), конвергенция рынков (слияние телекоммуникационных компаний и медиакомпаний), конвергенция жанров и форм (проникновение жанров одной медиаплатформы в другую, например, интернет-колонка), конвергенция регулирования (объединение регулирующих органов) [2; с. 17-18].

Также существенным качеством «новых медиа» является интерактивность, создаваемая благодаря компьютерным технологиям. Сохраняя интерактивные ресурсы и потенциал традиционных медиа, новые меняют функции и границы автора и аудитории медиапродукта. Пассивный пользователь интернета становится активным, соавтором материала, в то время как сам автор зачастую играет роль модератора. Таким образом, происходит стирание границ между готовым медиапродуктом и процессом его создания, задача журналистов – привлечь внимание к своему изданию как к творческой площадке, вовлечение в процесс наполнения контента самой аудиторией, отвечающего ее вкусам. Следовательно, «новые медиа» с одной стороны – это готовый продукт, а с другой – процесс «строительства».

Еще одной характеристикой, тесно связанной с возможностью участия аудитории в процессе создания и распространения медиапродукта, выступает партисипативность (participative). Партисипативность в отличие от интерактивности присуща не всем медиа. В книге «Convergence Culture: Where Old and New Media Collide» Г. Дженкинс говорит о формировании конвергентной культуры. Развивая свою мысль в последующих книгах, Дженкинс рассматривает эту культуру как площадку эффективного обучения, воспитания активной жизненной, гражданской позиции, стремление и возможность творческой самореализации. Конвергентная культура по Дженкинсу предполагает:

1. Относительно низкие барьеры для творческой реализации и выражения гражданской позиции.
2. Поддержка совместного творчества.
3. Система неформального наставничества: самые опытные передают знания новичкам.

4. Участники, чувствующие сопричастность к общему делу, важность производства [8; с 5-6].

Наиболее наглядно принцип партисипативности представлен в социальных сетях, на форумах, сайтах фан-арта и т.п. Участие аудитории в создании контента СМИ становится все более отчетливым и популярным: сегодня форумы – это неотъемлемая часть интернет-изданий, а также интернет-версий традиционных СМИ, особенно интересны блоги, которые можно вести прямо на официальных сайтах (например, на сайте «Радио Эхо Москвы»). Еще недавно функционировали «гостевые книги», единственная возможность для пользователей оставить комментарии, например, на сайте «Первого канала».

Разумеется, когда мы говорим об интернет-версиях традиционных СМИ, то в первую очередь имеем ввиду адаптацию жанров под новые медиаплатформы. Справедливость этого утверждения доказывает Н.Л. Соколова, которая полагает, что в этом случае можно говорить о пересказывании одной «истории» языком другого медиума, приспособлении одного медиума к другому; это переложение одной линейной истории также на линейную, а не многолинейную [4]. Однако в настоящий момент даже интернет-версия СМИ становится самостоятельным медиа, а не дублером газеты, телевидения или радио.

В интернете большая часть информации становится нелинейной благодаря интерактивности и принципу гиперссылки, а также трансмедийности повествования. Например, информационные статьи о каком-либо событии в интернете перекликаются с другими, поэтому у пользователя есть возможность от одного материала перейти к следующему, связанному одной темой с предыдущим. Порядок знакомства с информацией пользователь выбирает по своему усмотрению, что, конечно, влияет на его восприятие.

В некоторых жанрах мультимедиа форма нелинейного повествования выступает не только в качестве выразительного средства и инструмента воздействия, но и в роли концептуального основообразующего элемента. Так, автор документального интерактивного фильма Г. Эванс «Я люблю твою работу» выделяет отсутствие нарратива как одну из главных особенностей фильма: «Возможно, наиболее яркое в алгоритмическом подходе повествования – отсутствие режиссерского комментария, центрального сюжета, который бы объединил жизни женщин, никакого большого урока, который должен быть усвоен» [7]. Данный фильм реализован на web-площадке в виде лент жизни нескольких героинь. Съемки производились в течение двадцати четырех часов, однако в конечный вариант вошли только десять секунд каждых пяти минут. Нарезки пользователь может просматривать в любом порядке, несмотря на такую структуру фильм «Я люблю твою работу» – это «web-документари», то есть интерактивный документальный фильм.

Также следует отметить, что интерактивный фильм – это не изобретение интернета, а явление, существовавшее и вне сети как в кинематографе, так и в жанре экспериментальной документалистики. Первый опыт интерактивных фильмов относится к 1967 году, когда чешский режиссер Радуж Чинчер презентовал картину «One Man and his House» в специальном павильоне. В кресло каждого зрителя были встроены две кнопки: красная и зеленая. Пять раз показ фильма прерывался, и в эти моменты конференсье предлагал зрителям сделать выбор в пользу одного из двух предложенных вариантов развития событий. Фильм имел успех, но был запрещен по политическим причинам.

Впрочем, последующие попытки повторения опыта чешского режиссера были неудачными: фильмы не становились популярными и не окупались. Первым интерактивным документальным фильмом считают «Мосс Ландинг» 1989 года: мультимедийный проект с интерактивными картами, видео, фотографиями. Суть проекта заключалась в представлении небольшого портового города, за которым можно наблюдать из любой точки земного шара. На сегодняшний день «web-документари», или сокращенно «web-док», достаточно развит за рубежом. В России подобные работы представлены в наименьшем количестве: в 2013 году «РИА Новости» опубликовали несколько документальных фильмов. Несмотря на перевес иностранных фильмов нового формата, «web-доки» не стали популярными. Возможно, это связано с тем, что классические жанры и их разновидности очень похожи и отличаются друг от друга лишь названием. Например, в России часто под термином «web-док» понимают web-репортажи, web-очерки, лонгриды, а также специальные проекты. Особенность web-доков состоит в том, что в них используется техника «сторителлинга», а именно связываются между собой все мультимедийные модули в одну увлекательную эмоционально насыщенную историю. Все ресурсы, весь интерактивный потенциал и технические новшества, а также способ организации связи между модулями направлены на вовлечение пользователя в организованное автором пространство, где первый обретает относительную свободу действий, что позволяет максимально использовать собранный материал – каждый кадр, каждая деталь встраивается в медиапродукт, при этом необязательно соблюдать правила конструирования нелинейной виртуальной реальности. К тому же web-доки заполняют медиaprостранство «бесшумно» и не всегда воспринимаются читателями именно как web-доки. Так на сайте «Коммерсантъ» фотослайды в рубрике «Фотогалерея» соотносятся с «web-документари»: иллюстрация и подпись образуют единую историю, возможность навигации позволяет перелистывать один слайд за другим – простейший пример «мультимедийного сторителлинга». Признак «нового медиа» заключается в том, что пользователь может знакомиться с информацией непоследовательно. Фотогалерея связана с другими рубриками и материалами издания таким образом, что с одной стороны, они независимы, а с другой, взаимосвязаны и дополняют друг друга. Например, к статье «Самое массовое самоубийство XX века» прикреплены фотографии, но пользователь может изучить только часть контента, а остальное отставить без внимания без потери смысла и ощущения незаконченности [9].

Из всего вышесказанного следует, что одной из основных и популярных на сегодняшний день тенденций интернета, как рабочей площадки СМИ, являются мультимедийные жанры, которые позволяют оживить их «предков» – традиционные. Мультимедия позволяет организовать информацию в виде историй, которые, в свою очередь, состоят из взаимосвязанных, но самостоятельных законченных модулей, что ослабляет границы жанров, платформ и форматов. Но справедливости ради следует отметить: мультимедийные жанры являются сочетанием жанров классических, их вариацией, поэтому говорить об исчезновении радио, газеты и телевидения, их способе предоставления информации, не представляется возможным. Чистые жанры – основа для синтетических, и их слияние только усиливает процесс воздействия на аудиторию, способствует увеличению просмотров.

Библиографический список

1. Варганова Е.Л. Новые медиа как фактор модернизации СМИ. М.: ИРИО, 2008. 127 с.
2. Кирия И.В. Что такое мультимедиа? М.:, 2010. 200 с.
3. Лосева Н.Г. Конвергенция и жанры мультимедиа. М.:, 2010. 200 с.
4. Соколова Н.Л. Популярная культура в эпоху «новых» медиа: социальный анализ культурных практик: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Самара, 2010.
5. Ярыгина Д. Арбату 520 лет. Web-репортаж к юбилею самой знаменитой улицы // РИА Новости. 2016. URL: https://ria.ru/tv_interaction/20131001/966992113.html (дата обращения: 08.05.2017).
6. Crosbie V. What is New Media? // Sociology Central. 2002. URL: <http://www.sociology.org.uk/as4mm3a.doc> (дата обращения: 30.04.2017).
7. Flynn S. Are Interactive Films Transforming Modern Storytelling? Sundance's New Frontier Has the Answer // Indiewire. 2014. URL: <http://www.indiewire.com/2014/01/are-interactive-films-transforming-modern-storytelling-sundances-new-frontier-has-the-answer-30702/> (дата обращения: 21.04.2017).
8. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 2009. 146 с.
9. Johnston F. Самое массовое убийство XX века // Коммерсантъ. 2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2347175> (дата обращения: 16.04.2017).
10. Manovich L. Media Visualization: Visual Techniques for Exploring Large Media Collections. N.Y.: Wiley-Blackwell, 2012.

References

1. Vartanova E.L. New media as a factor of modernization of the media. M.: Irio 2008. 127 p.
2. Kiriya I.V. What is the media? M.:, 2010. 200 p.
3. Losev N.G. The convergence of genres and media. M.:, 2010. 200 p.
4. Sokolova N.L. Popular culture in the age of new media: social analysis of cultural practices: author. dis. ... d-ra philos. sciences. Samara, 2010.
5. Yarygin D. Arbat 520 years. Web reporting for the anniversary of the most famous street // RIA Novosti. 2016. URL: https://ria.ru/tv_interaction/20131001/966992113.html (date accessed: 08.05.2017).
6. Crosby V. What is new Media? // Sociology Central. 2002. URL: <http://www.sociology.org.uk/as4mm3a.doc> (date accessed: 30.04.2017).
7. Flynn C. Interactive Films Transforming Modern History? New frontiers «Sundance» was the response // Indiewire. 2014. URL: <http://www.indiewire.com/2014/01/are-interactive-films-transforming-modern-storytelling-sundances-new-frontier-has-the-answer-30702/> (date accessed: 21.04.2017).
8. Jenkins H. Convergence culture: where old and new media collide. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 2009. 146 с.
9. Johnston F. The mass murder of the twentieth century // Kommersant. 2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2347175> (date accessed: 16.04.2017).
10. Manovich, L. Media visualization: visual techniques for exploring large media collections. N.Y.: Wiley-Blackwell, 2012.

Правила оформления статей в Научном вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

В одном номере публикуется не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «the first snow as an object having certain features» and «an object like the first snow» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21th c. It helps to reveal the aesthetic meaning of «the first snow» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под

которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал, / Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал* (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Нилюкин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для

русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долгодневный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшетте / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] <...> *Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обуславливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой*. Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: *<...> светлая лазури высота / Горит незыблемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии

стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И таит первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *таит первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *таит*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первоначальная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега первого белее*. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира,

на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрстая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск № 2(25), 2017 г.

Научный журнал

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Подписано в печать 01.06.2017. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 9,5. Усл.-печ. л. 12,3. Тираж 500 экз. Заказ № _____
Выход в свет __.__.2017. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет
394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14
Отдел оперативной полиграфии ВГТУ
394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84